

Олесь Бузина

Тайная история
Украины-Руси

Олесь Бузина

Тайная история Украины–Руси

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156665

Аннотация

Книга О. Бузины – первый за пятнадцать лет независимости взгляд на украинское прошлое с точки зрения факта, а не мифа. Знаковые исторические фигуры предстают в его новой книге не иконами, а живыми людьми. Сама же история – такой, как была на самом деле – исполненной жестокости и предательства, но чудовищно интересной. То, что скрывали архивы и самоцензура профессиональных историков, теперь становится достоянием широкого читателя.

Содержание

Часть 1	6
Подлинная родословная украинцев	6
Миф о трипольском горшке	21
Скифы – упыри и наркоманы	36
Германия в степях Украины	43
Припрятанная летопись	56
Вымышленная Киевская Русь	62
Донос Ломоносова	68
Череп Святослава	74
Вошь печенежская	82
Ярослав Мудрый – покровитель киллеров	87
Мифическая библиотека князя Ярослава	95
Парикмахерская для половцев	101
Подделка ли «Слово о полку Игореве»?	107
Как галичане развалили Киевскую Русь	120
Роман – князь-потрошитель	129
Блуд древнерусский	138
Роксоланы для Италии	147
Как пропили Великое княжество Литовское	153
Пьяное потомство Роксоланы	160
Посмертные приключения Байды	173

Сагайдачный на Арбате	180
Упущенный шанс Богдана	189
Миллион за город мертвого Льва	197
Конец степной Елены	206
Дезертир Хмельницкий	220
Переяславский цейтнот	229
Кровавая свадьба гетманского сына	236
Постельный переворот Выговского	243
Часть 2	250
Прототип Буратино и доллары средневековья	250
Выборы с гранатой	260
Маневры турецкоподданного	267
Ненаписанное письмо запорожцев	275
Володыевские без прикрас	282
Мазепа – слуга пяти господ	287
Вертепная культурка	325
Берии XVIII столетия	333
Оклеветанный фельдмаршал	339
Как Екатерина восстановила Сечь	346
Гениальная капитуляция Разумовского	353
Из хама пан или великая родословная афера малороссийского дворянства	360
Тайна авторства «Истории русов»	368
Украинский отец Николая I	376
Николай Гоголь – жизнь за царя	389

Русская тоска Кобзаря	398
Секс-бомба провинциальной литературы	413
Водка – горючее нашей истории	422
Концлагерь для «неправильных» галичан	442
Рэкетеры из Центральной рады	455
Преступление профессора Грушевского	472

Олесь Бузина

Тайная история Украины-Руси

Часть 1

Подлинная родословная украинцев

Появляясь на политической арене, народ непременно выдумывает себе блестящую родословную. О ее достоверности никто не заботится. Главное – треск, фейерверки, увлекательность.

Древние шведы выводили себя напрямую от бога Одина. Поляки XIII века, когда их не бил только ленивый, приписали своим предкам победу над Александром Македонским. Евреи придумали сказку о своей богоизбранности. Что же касается украинцев, то они, по мнению большинства наших историков, существовали как бы всегда. Теорию эту называют «автохтонной» – в переводе с малопонятного древнегрече-

ского «автохтон» – «самопорожденный», «коренной». То есть, по логике ее последователей, некий питекантроп, выведясь из обезьяны в Африке, пришел на берега Днепра, и тут потихоньку переродился в украинца, от которого произошли русские, белорусы и прочие народы вплоть до индусов.

Особенно рьяно эту схему поддерживали «интеллектуалы» начала 90-х, спорившие по поводу мировых проблем в Киеве на Майдане Незалежности. Она возвеличивала их в собственных глазах, несмотря на рваные штаны, недельную щетину и отсутствие зарплаты.

Мне же кажется, что с такой теорией можно вообще ничего не делать: все за тебя уже сделал талантливый предок-питекантроп. А ты лежи на диване, плюй на пол и презрительно наблюдай, как кто-то в телевизоре получает Нобелевскую премию или на стратегическом бомбардировщике летит на сафари в Ирак.

Если бросить взгляд на карту современной Украины, окажется, что она пестрит непонятными названиями. Внизу большой грушей болтается Крым, подаренный щедрым дядькой Хрущевым. С севера на юг текут реки с невразумительными для славянского уха названиями – Дунай, Днестр, Дон и Донец. На западе возвышается лесистая гряда Карпат с загадочной Говерлой, куда любил бегать за вдохновением прези-

дент Ющенко. На востоке за Кубанью – Кавказ, где как во времена Лермонтова, «злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал». И только на севере понятные слова – Припять, Стоход, Горынь – маленькие тихие речушки, пробирающиеся по унылому Полесью. Получается, на юге и западе Украины когда-то до нас жили неславянские народы?

Да, именно так и получается, господа! Хочешь не хочешь, а мы тоже не первые на этой земле. И у нас, как и у американцев, были свои индейцы. Только звали их иначе. Не могикане и гуроны, а сарматы, половцы и татары. И лишь «переварив» их, мы, как поется в нашем гимне, «запанували у своїй сторонці».

Письменность у славян появилась в IX веке. Ее придумали Кирилл и Мефодий, приспособив для местных нужд греческий алфавит. С тех пор славяне стали вести собственные летописи. Но предыдущее тысячелетие тоже подробно задокументировано римлянами и византийцами. Столкнувшись с варварским миром, они дотошно отмечали все, что попадало в сферу их интересов.

Из римских хроник рубежа новой эры мы знаем, что в Карпатах жило дакийское племя карпов. Их современные ближайшие родственники – нынешние албанцы. «Карпаты» – так на их языке назывались горы.

Сама же Украина называлась Сарматией, по име-

ни самого многочисленного и воинственного из обитавших тут племен. Там, где через полторы тысячи лет поедет по Дикому полю Тарас Бульба с сыновьями, шастали отряды тяжело вооруженных сарматских всадников в крепких чешуйчатых панцирях. Судя по языку, сарматы были иранцами. Именно они подарили название украинским рекам – Дону, Донцу и Дунаю. «Дон» в переводе с иранского означал «вода».

На рубеже нашей эры сарматы свирепствовали на всем тысячеверстном просторе причерноморских степей – от Кавказа до границы Римской империи, проходившей по Дунаю. Римляне называли их «женоуправляемыми» из-за сильных пережитков матриархата и важной роли женщин, участвовавших в боях наравне с мужчинами.

На севере сарматы граничили со славянами. Странная их политическая система поразила наших предков, оставшись в волшебных сказках сюжетами о Змеихе и Бабе Яге, жившей не в лесной избушке на курьих ножках, как в большинстве подобных историй, а в подземелье на берегу, в жаркой приморской стране «Девичьего царства», где отрубленные «русские головушки торчат на тычинушках». Сарматский натиск, продолжавшийся несколько столетий, не дал славянам выбраться из лесных чащоб. Но вскоре они настолько приободрились, что заслужили славу

первостатейных головорезов.

В I веке н.э. славян под именем венедов описал римский историк Тацит. В книге «О происхождении германцев» он уделил и им несколько строк. По его словам, венеды жили на восток от Вислы между германцами и сарматами. Полностью Тацита у нас цитировать не любят. Очень уж неприглядную картину славянской идиллии он рисует: «Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов. Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам... Они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой. Все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне». То, что венеды – именно славяне, – несомненно. Немцы до сих пор называют славян «вендами».

Подтверждается и постепенное смешение славян с сарматами. Навоевавшись, они стали охотно торговать и вступать в браки. В рамках так называемой черняховской культуры III—IV веков вокруг Днепра, сложившейся во времена готского владычества, прослеживается многолетнее сосуществование иранцев-степняков с земледельцами-славянами. Славяне своих покойников сжигали. Иранцы практиковали тру-

поположения. Причем иногда еще и расчленяли мертвеца на части, чтобы он не «ожил» и не нашел дорогу домой – археологи о таких скелетах пишут в отчетах: «ритуально расчлененные». Так вот, обнаружены тысячи могил, глядя на которые, ученые констатируют, муж похоронен по славянскому обычаю, а жена – по сарматскому. Или наоборот.

Сарматская примесь очень сказалась на крови нынешних украинцев – и во внешнем облике, и в упрямстве баб (пережитки матриархата!) и даже в таком позаимствованном у степняков слове, как «штаны». Обойтись без этого ценного предмета туалета при езде верхом, сами понимаете, проблематично – сотрешь ноги до крови о потные конские бока. Однако, как бы там ни было, в языковом отношении славяне победили, позаимствовав у южных соседей все, что плохо лежало. Их было много. Они были неодолимы.

К VI веку наши предки так размножились, что готский историк Йордан, ради научной точности, разделил их на две гигантские ветви: «В окружении рек лежит Дакия, укрепленная, словно венцами, крутыми Альпами. Слева от них на огромных просторах живет многочисленное племя венедов. Хотя теперь их названия меняются в зависимости от разных родов и мест проживания, преимущественно все они называются славянами и антами. Славяне живут от го-

рода Новиетуна и озера, называемого Мурсианским, вплоть до Данастра и на север до Вислы: болота и леса заменяют им города. Анты же, самые могучие из них, там, где Понтийское море делает дугу, простираясь от Данастра до самого Данапра».

Репутация у этих парней была отвратительная. Связываться с такими себе дороже. Когда патристически настроенные историки берутся расхваливать мирный славянский нрав, сравнивая его с «голубиным», они врут. Византийцы VI века, наблюдавшие полет этих голубей воочию, пишут совсем другое. «На третьем году по смерти императора Юстина, – констатирует автор «Церковной истории» Иоанн Эфесский, – двинулся проклятый народ славян, который прошел через всю Элладу... Взял множество городов, крепостей; сжег, ограбил и покорил страну, сел в ней властно и без страха, как в своей собственной, и на протяжении четырех лет, пока император был занят персидской войной и отправил свои войска на Восток, вся страна была отдана на произвол славянам. Они опустошают, жгут и грабят... Они стали богатыми, имеют золото и серебро, табуны лошадей и много оружия. Они научились вести войну лучше римлян...»

Прокопий Кессарийский, секретарь византийского полководца Велизария, оставил колоритное описание славянской рати. В бой эти хлопцы вступали до поя-

са голыми, только со щитами и копьями. Отсутствие доспехов, на первый взгляд, давало фору врагам. Не тут-то было! Полуголые банды славян отлично маневрировали, практикуя коварные удары из засад. Византийцы солдат нанимали, оплачивали каждый их шаг и очень дорожили своими профессионалами. Славяне же шли на Балканы, как за зарплатой, задержанной за тысячелетия отлучения от цивилизации.

Вскоре они затопили всю Центральную и Южную Европу. На западе их границей стали предгорья Альп и речка Шпрее, где ныне Берлин, а на юге – теплое курортное Адриатическое побережье. «За грехи наши анты и славяне свирепствуют повсеместно», – меланхолически заметил тот же бедняга Йордан, намекая, что лекарств от этой болезни нет и в ближайшем будущем не предвидится.

Рисуя наших пращуров безобидными добрячками, водившими хороводы на лесных полянах и прыгавшими через костер в Купальскую ночь, отечественные историки крепко грешат против истины. «Не другие нашей землей, а мы чужой привыкли владеть», – изрек, по словам византийца Менандра Протектора, славянский вождь Даврит.

Все бы хорошо, не обожай славянские князьки драться еще и между собой. Захватив пол-европы, они не удосужились создать единую державу и, весе-

ло проживали награбленное, изводя друг друга в междоусобных стычках.

Расплата последовала незамедлительно. Постепенно западные племена славян попали под влияние империи Карла Великого, а восточные – стали платить дань Хазарии – хищническому торговому государству на Волге.

И тут появились викинги – те самые упрямые молодцы, что освоили путь «из варяг в греки». Государство у восточных славян было и без них. Но варяги первыми принесли идею империи – сверхдержавы, спаявшей всех этих древлян, полян и кривичей в могучую Русь от Карпат на Западе до верховьев Волги на Востоке. Они же дали и имя – русичи, русины, русские – так называли предков современных восточнославянских народов вплоть до XVII века.

По происхождению варяги были шведами. Свои дружины, промышлявшие на восточнославянских реках, они называли «роте» – «гребцы». Плыть тут под парусом действительно приходилось нечасто – особенно против течения. Местные жители, по привычке всех туземцев коверкать иностранные слова, преобразили «роте» в «Русь», и, признав власть варягов, стали называть себя этим именем – точно так же галлы приняли имя французов, слившись с подчинившим их германским племенем франков.

Для определения границ этноса существует простой принцип, в основе которого противопоставление «свои – чужие». Каждый француз знает, что он не немец, не англичанин и не испанец, хотя даже не задумывается над причинами этой разницы. А каждый украинец уверен, что он не поляк и не татарин.

До монгольского нашествия все восточные славяне были друг для друга «своими», несмотря на многочисленные княжеские междоусобицы. Всеми ими правили князья пришедшей варяжской династии Рюриковичей. Все исповедовали православие с сильными пережитками язычества. Все пели одни и те же былины киевского цикла об Илье Муромце и Добрыне Никитиче.

Перечисляя князей, автор «Слова о полку Игореве» обращается и к суздальскому Всеволоду Великому Гнезду, и к полоцкому Всеславу, и к рязанским Глебовичам, и к галицкому Ярославу Осмомыслу. Всех их он призывает постоять за землю Русскую, под которой понимал и Киевщину, и далекую Суздальщину с едва проклюнувшейся маленькой Москвой.

И это было не просто идеологической декларацией! В 1223 году сын Всеволода Великому Гнезду Юрий в помощь черниговскому, киевскому и галицкому князьям, отправившимся против монголов, посылает отряд во главе со своим вассалом – ростовским князем,

да и тот же Мстислав Удалый, начиная карьеру в далеком северном Новгороде, спокойно переместился княжить на юг – в Галич. И местное население при этом отнюдь не считало его «москалем».

Сейчас, когда нас, украинцев, выводят чуть ли не «от Адама», когда вслед за «Историей Украины-Руси», готовы написать историю «Украины-Сарматии», «Украины-Скифии» и, наверное, «Украины-Вандалии», забывают, что поверх древнего Киева, сожженного в 1240 году монголами Батыя, лежит толстый слой пепла. «Большая часть людей Руси, – пишет Джованни дель Плано Карпини, посетивший эти места после разгрома, – перебита или уведена в плен». Потомков киевлян того времени почти нет – до середины XVI века зияет пропасть политической пустоты. Нет, Украина – не Русь! Она отличается от нее так же, как Франция от Галлии, а современная Италия от Римской империи. Или как буденновский жеребец от донского. Конечно, потомок по прямой линии – но сколько свежей крови прилито...

Опустошенный Киев подобрали литовцы. Историки спорят о дате. Упоминают какую-то битву на речке Ирпень то ли в 1320, то ли в 1321 году, после которой литовский князь Гедимин якобы и овладел этим куском Руси. Десятилетием раньше, позже – Бог ведает. Точно известно другое – потомство удачливого языч-

ника Гедимина, приносившего человеческие жертвы в лесах, на наших землях необыкновенно размножилось, дав начало множеству княжеских родов – Чарторыйским, Збаражским, Корецким, Ружинским. Великий литовский князь назначал сюда удельными князьями своих родственников. Те тащили из литовских болот дружинников, женившихся на местных девках и принимавших православие. Внуки всех этих бродяг считали себя уже местными и, случалось, воевали против центрального правительства как заправские сепаратисты.

Когда Литва объединилась с Польшей, самые буйные стали бежать на рубеж Дикой Степи, где возникла Запорожская Сечь. Это было настоящее бродило. Сюда собирались горячие головы отовсюду, даже из Крымского ханства – известные по пушкинской «Полтаве» Кочубеи, например. В конце XVI века, не в силах вместить и прокормить новую казачью элиту, прожорливую и наглую, Запорожье взорвалось серией восстаний, продолжавшихся целое столетие и положивших начало новому государству – Украине.

Что любопытно: еще во времена Богдана Хмельницкого Украиной называлась крохотная полоска земли на границе с Диким Полем – Запорожье, Киевщина, Черкасское и Каневское староства. Львовщина, Подолия, даже Волынь в нее не входили. Рассказывая

о причинах восстания 1648 года, автор казацкой «Летописи самовидца» пишет на языке, уже слегка отличающемся от древнерусского, но еще не очень похожем на украинский: «У виры русской посмишка великая была от униат и ксендзов, бо уже не тилко уния на Лытви, на Волыни, але и на Украины почала гору брати». Следовательно, Волынь для него – не Украина!

Но постепенно название степной полосы распространилось вплоть до Карпат, а местное население вместо русинов стало называть себя украинцами.

Оказавшись, благодаря Богдану Хмельницкому, в составе одного государства, украинцы и русские, которых часто называли московитами, почувствовали, что они чертовски похожи, но, с другой стороны, чем-то неуловимо отличаются, и тут же дали друг другу смешные прозвища хохлов и кацапов. Одни носили бороды. Другие – оселедцы. Одни рубашку выпускали поверх портков. Другие ее заправляли в шаровары. Одни привыкли горланить на радах, выбирая гетмана. Другие беспрекословно выполняли все приказы царя-батюшки. Со времен Киевской Руси прошло 500 лет – срок огромный. На юге к крови древних русичей примешалась горячая половецкая и флегматичная литовская. На севере население Киевской Руси растворило в себе финские племена, еще в XII веке заселявшие территорию даже нынешней Москвы.

Но общая вера (православие) и общие враги (татары, турки и поляки) помогли им ужиться под скипетром Романовых и раздвинуть границы славянской сверхдержавы вплоть до Дуная и Черного моря.

Украинцам удалось сыграть выдающуюся роль в судьбе Российской империи. Собственно, и идею-то ее придумал киевский монах Феофан Прокопович, необыкновенно понравившийся своим остроумием и деловитостью Петру I.

А дальше «дружбу народов» скрепили дочь Петра Елизавета и простой казак с Черниговщины Алексей Разумовский, разыграв прямо в постели сюжет о принцессе из сказки. Прозвище Разумовского – «ночной император» – говорит само за себя. Его брату Кириллу, президенту российской Академии наук, будет рапортовать по долгу службы Ломоносов, в чьих трудах и появится впервые новое диковинное слово – украинцы».

Успехи в Петербурге долгое время отвлекали нас от проблем местного самоуправления. Полтавчанин фельдмаршал Паскевич берет во главе русской армии Варшаву и дружит с Николаем I. Гоголь едет за царский счет в Италию, где с размахом дерибанит десятки тысяч на макароны. Безбородко – канцлер империи – умирая, прощается с собравшейся публикой фразой, до уровня которой до сих пор не дотянулась

современная политическая мысль: «Не знаю, как при вас, молодых, будет, а при нас ни одна пушка в Европе без нашего разрешения выстрелить не смела!»

Да, до Украины ли тут, когда в твоих руках целая империя! Даже Пушкин, раздосадованный успехами потомков запорожцев в «северной Пальмире», зло заметит, что его-то предок «в князя не прыгал из хохлов», забыв, что тот прыгнул в российское дворянство прямо с африканской пальмы.

Когда империи на всех украинцев стало не хватать, родилась идея независимости. Хотя, уверен, на самом деле мы очень не против нового варианта Киевской Руси. Вплоть до Владивостока. С нами во главе. С бесплатной передачей сибирской нефти акционерному обществу миргородских пенсионеров. И с Жириновским, марширующим к Индийскому океану в чине ефрейтора украинской армии. Ну самое большее – младшего сержанта. Ибо мы – необыкновенно щедры душевно. Нам ничего не жалко. Для себя.

Миф о трипольском горшке

С этим горшком у нас с некоторых пор носятся, как с писаной торбой. Однако парадокс заключается в том, что ни к украинцам, ни даже к славянам трипольская культура не имеет ни малейшего отношения.

Начнем с того, что до самого конца XIX века никакой «трипольской культуры» не существовало. Никто даже не догадывался, что в окрестностях очень живописного, но совершенно не известного широкой общественности села Триполье под Киевом археолог Викентий Хвойка обнаружит в 1896 году древнее поселение с горшками оригинального вида.

Хвойка был по происхождению чехом. Специального археологического образования он не имел. Зато успел окончить коммерческое училище и копал, как крот, по всей территории Украины. А все раскопанное тут же громогласно объявлял «славянским».

Тому была важная причина. Как большинство чехов того времени Хвойка очень не любил Австро-Венгрию, угнетавшую его маленькую родину, зато обожал Российскую империю, с которой связывал надежды на освобождение Чехии от австрийцев.

Таких чехов тогда имелось в избытке. Ярыми русофилами были современники Хвойки – Ярослав Га-

шек, еще не успевший написать своего «Швейка», и историк Любор Нидерле, в «Славянских древностях» отстаивавший тезис о «фактическом единстве» трех ветвей русского народа – великорусской, белорусской и украинской. Официальной идеологией России конца XIX столетия был панславизм. Нет ничего удивительного, что Хвойка действовал строго в русле этой политической теории, отыскивая в прошлом доказательства древнего величия славян. Поэтому «правильному» археологу и позволяли рыть везде, где его душа пожелает – даже в центре Киева на месте бывшего языческого капища.

Хуже было то, что отсутствие научной подготовки, умноженное на необыкновенную энергичность, постоянно ставило Хвойку в смешное положение. Как Колумб он вечно плыл в Индию, а попадал в Америку, совершенно не понимая, что такое в очередной раз «открыл».

Зато ушлый чех неплохо зарабатывал на своих находках. «Спонсором» Хвойки являлся Императорский Российский исторический музей в Москве. Именно он оплачивал трипольские изыскания археолога, наивно полагая, что траншеи, прорытые Хвойкой в украинских грунтах – суть оборонительные сооружения во круг панславистской модели великого прошлого.

Чем так понравились находки Хвойки Император-

скому музею – понятно. Дело было – в горшке. Да-да, в знаменитом расписном трипольском горшке, который просто невозможно было спутать ни с какой другой кухонной посудой.

Тут следует кое-что объяснить. На рубеже XIX—XX веков славянские народы испытывали сильнейший комплекс неполноценности. Хорватии, Чехии, Словакии, Словении, Польши не существовало как независимых государств. Остальные были представлены слабосильной балканской троицей из Болгарии, Сербии и Черногории и обширной, но несколько старомодной Российской империей, которую мировое сообщество то и дело шпыняло за сибирскую каторгу и полное отсутствие намека на демократию.

Скрипя зубами, славяне точили нож на могучую германскую цивилизацию, завалившую их импортными стальными косами и зингеровскими швейными машинками, и искали утешения в легендарных праисторических временах. Но и там их мог утешить только так называемый «горшок пражского типа». А это было весьма слабое утешение. Честно говоря, почти никакое.

Следует заметить, что в основу классификации археологических культур ученые почему-то положили кухонную утварь. До сих пор эти профессиональные гробокопатели упорно считают, что каждый исчезнув-

ший народ шуршал во тьме веков присущей только ему разновидностью черепка. Лично мне этот метод кажется сомнительным. Ведь исходя из него развалившийся на наших глазах СССР можно обозвать «культурой чугунной сковородки», распространенной от Бреста до Камчатки, или, что еще вернее, «культурой граненого стакана». Нынешнее же постсоветское пространство будет определено как «культура одно-разового стаканчика». Но тогда получится, что и сталинский энкаведист, охотящийся в карпатских горах за бандеровцем, и сам бандеровец попадут в одну археологическую культуру только на том основании, что оба они опохмелялись из одинаковой посуды!

Ко времени открытия Хвойкой трипольской культуры место жительства ранних славян определяли по ареалу так называемого «пражского» горшка, найденного, естественно, под Прагой. Но беда заключалась в том, что по словам того же Любора Нидерле, «этот славянский тип был в сущности не чем иным, как украшенной волнистым орнаментом римской посудой, широко распространенной в северных римских провинциях от нижнего Дуная до Рейна. Очевидно, славянам приходилось общаться с римлянами на пограничных территориях у Дуная, когда там в I—IV веках употреблялся этот тип керамики, который и был заимствован славянами». Получается, что древние сла-

вяне даже горшка своего не изобрели, а только побезьяньи «слямзили» его римский провинциальный вариант, который растиражировали в бесчисленном множестве копий от Одера до Днепра! Обидно, черт возьми, для гордого панславистского самосознания!

А тут появляется Хвойка и демонстрирует на Одиннадцатом археологическом съезде в Киеве замечательный расписной черепок прямо из окрестностей древнерусской столицы! Нет, кучу черепков! Можно сказать, даже целый ларек для сдачи тары! И громогласно заявляет, что вся эта обожженная глина принадлежит «славянской ветви арийского племени».

Все, естественно, в восторге! Настолько в восторге, что даже не замечают явной нестыковки. Ведь ничего особо оригинального Хвойка не открыл. Все, что он обозвал трипольской культурой, еще за двадцать лет до него называлось «культурой галицийской расписной керамики» и было обнаружено на территории «конкурирующей фирмы» – Австро-Венгерской империи. Совершенно аналогичные трипольские горшки валялись где попало почти на всем пространстве входившей в ее состав Западной Украины!

Но на то он и восторг, чтобы не обращать внимания на мелкие детали! Развеют его только немецкие пушки в 1914 году, доказавшие, что в начале XX века воевать придется все-таки не черепками, а тяжелыми ар-

тиллерийскими снарядами. Аккурат в этот год Хвойка и помер. Не от снарядов, а от естественных причин. То есть, от старости. А вот Российская империя, наивно внимавшая чешским наукообразным бредням выпускника коммерческого училища, прожила еще целых три года и рассыпалась от немецкого артобстрела на множество национально сознательных черепков, из которых только Сталин слепил нового колосса на глиняных ногах.

Советские археологи взглянули на «трипольский мир» шире. Подобно тому, как Сталин присоединил Западную Украину к СССР, так и они «культуру галицийской расписной керамики» прилепили к «братской» трипольской. Но на этом разрастание политико-археологического мифа не прекратилось. «Стулья расползаются, как тараканы!» – говорил Остап Бендер. В один прекрасный момент ученые заметили, что то же самое научились делать и трипольские горшки. Их находили везде – на Киевщине, на Черкащине, на Виннитчине, на Ивано-Франковщине и Хмельнитчине. Но если бы только тут – еще полбеды! Ярким трипольским черепьем оказалась переполнена вся Молдавия и, страшно даже подумать, не очень дружественная Румыния! А это уже грозило серьезными международными осложнениями...

В Румынии то, что Хвойка обозвал трипольской

культурой, с истинно румынской тягой к прекрасному наименовали «культурой Кукутень». Но на этом коварные потомки римских каторжников и дакских угонщиков скота не остановились, а еще и начали пересчитывать все имеющиеся у них кукутенско-трипольские «месторождения» расписных горшков. Получилась страшная цифра – 1800! Причем, если в Украине коллекционеры при вопросе о том, откуда у них ценные трипольские черепочки, стыдливо отводят глаза, то румынская «перепись» потрясает своей официозной помпезностью. В ней указано не только где, что, когда и кто нашел, но даже то, кем очередной «шедевр» древнего керамического производства был описан с научной точки зрения и в каком музее или частном собрании теперь находится. Наши обладатели трипольских аналогов кукутенских мисок такой точности, естественно, не проявят, так как закупили свою «глину» в основном у «черных» археологов, рывших вопреки всем законам Украины. Теперь владельцам шумно разрекламированных в последнее время «коллекций» еще придется доказать, действительно ли их экспонаты произвели древние трипольцы, а не слепили с голоду киевские гончары в период «дикого» капитализма начала 90-х.

Однако раздосадованные румынскими достижениями в области трипольской арифметики наши ар-

хеологические светила тоже начали считать. Вышло, что на территории Украины имеется примерно 2040 единиц памятников отечественного Триполья. Против 1800 румынских мы в явном большинстве – можно наступать. Беда только, что в Бухаресте исчисления произвели лет тридцать назад, а у нас – совсем недавно. Возможно, румыны еще кое-чего за это время раскопали, о чем наши ученые пока не успели прослышать – научная мысль через границы лезет медленно... А, кроме того, имеется еще 530 поселений молдавского Триполья! Их куда девать? Пока Молдавия вместе с Украиной находилась в составе СССР, молдавско-трипольские горшки можно было условно зачислить в «наши». Но теперь они, скорее, союзники румын. Молдаване и румыны говорят на одном языке, имеют общую историю. И если к их 530 приплюсовать задунайские 1800, выйдет 2330 молдавско-румынско-кукутенско-трипольских памятников. Украина против этого археологического союза в явном меньшинстве!

И, наконец, самое страшное – после долгих поисков истоки трипольской культуры обнаружили именно на территории Румынии. Более того: в Трансильвании – на родине печально знаменитого князя Дракулы! Отсюда она расползлась концентрическими кругами, перевалив сначала Дунай, потом Днестр и, наконец, по-

дойдя к Днепру.

Собственно, поселение, раскопанное Хвойкой у Триполья – всего лишь ее крайний восточный форпост. Так сказать, ноги, которыми она отбивалась от наседавших из-за Днепра дикарей. А голова и грудь с романтически бьющимся сердцем – в Румынии! Брюхо – в Молдавии! Украине же, образно говоря, досталась только филейная часть с нижними конечностями. Кусочками этого «филе» и набивают свои коллекции непереборчивые олигархи с непреодолимой тягой к прекрасному в праистории.

А теперь давайте остынем и спокойно разберемся, из-за чего, собственно, весь сыр-бор. Любой поклонник трипольско-кукутенской культуры независимо от уровня умственного развития на полном серьезе начнет рассказывать вам, что это была величайшая цивилизация древности, что на территории Украины в те времена, когда не существовало еще египетских пирамид, строили гигантские «протогорода», которые сжигали раз в шестьдесят лет, что из Триполья вышло все мировое земледелие, что трипольцы создали «магические» орнаменты, божественно красивые горшки и статуэтки и что вообще они никогда не воевали, чуть ли не напрямую общаясь с Космосом... В общем, налицо миф о потерянном золотом веке. Почему после этого триполеманы не оставляют свои го-

родские «хатынки» и не уходят воссоздавать заново «протогорода» – ума не приложу.

Но если отбросить романтику, получится куда более скромная картина. По уточненной методом радиоуглеродного анализа хронологии, трипольская культура существовала примерно с V тысячелетия до нашей эры на территории Румынии и с IV – на юго-западе нынешней Украины. А земледельческая революция произошла в VIII тысячелетии до Рождества Христова на Ближнем Востоке – еще в те времена, когда под Киевом шлялись стада первобытных охотников. Так что отнюдь не трипольцы научили Вселенную печь пирожки.

Так называемые «протогорода» могут тревожить только воображение дилетантов. Конечно, славно, что на поселении Майданецкое дома стояли десятью концентрическими кругами и было их аж две тысячи! А теперь переведем этот счет на нормальный язык. При самых оптимистичных раскладах в «протогороде» могло жить не более 15 тысяч человек. И был он просто большим, разросшимся, но все-таки селом. Даже мегаселом, если хотите, но никак не городом.

Для сомневающихся приведу пример одного такого всеукраински знаменитого села – Гуляйполе. На заре XX века, когда в нем начинал свою политическую деятельность батяка Махно, там числилось по офици-

альным данным (фактически было больше) 16151 житель, мельница, пять школ, почтовая станция, кинотеатр «Колизей» и даже двухэтажные дома, построенные не из глины и палочек, как у трипольцев, а из красивого красного (до сих пор стоят – сам видел!) кирпича. И тем не менее вся эта роскошь, несмотря ни на что, значилась селом – в Российской империи еще не додумались до возвышающего в собственных глазах термина-мутанта – «поселок городского типа». Так вот – трипольские «протогорода» выглядели на порядок скромнее Гуляйполя. По сути их можно сравнить с современными большими совхозами – теми самыми, где все удобства во дворе. И жили эти «протогорожане» в основном за счет того, что пасли быков, свиней и сеяли полбу.

Да и что это за капитальное строительство, если каждые шестьдесят лет такие «города» якобы «ритуально» сжигали? Можете представить качество постройки? Хотя лично я в магический смысл пожаров в трипольских «совхозах» не очень верю. Куда проще предположить, что очередной катаклизм случался просто в результате неосторожного обращения с огнем. Скученные постройки выгорали в этом случае как по команде, имитируя загадочный «ритуал», при котором никто из современных дешифраторов на самом-то деле не присутствовал!

Нет никаких доказательств и мирного характера трипольского проторая. В Молдавии раскопали два древнетрипольских домика на поселении Друцы. Один из них был, как мишень, засыпан тучей стрел. У угла второго валялось еще с десятков. Признаки силового решения конфликта – налицо. Причем все наконечники одного типа. Значит трипольцы с удовольствием баловались в развлечение под названием «гражданская война».

Резали, иначе говоря, друг друга! И все у них для этого было – и топоры-молоты, и бронзовые ножи, и, естественно, никого не удивлявшие даже в те времена обычные копья.

И так со всем, что хоть как-то касается Триполья. Не цивилизация – формула. Подставляй значения, какие хочешь. Биноклевидные сосуды? По одной версии, магические сосуды для вызывания дождя. По другой, через них просеивали человеческий пепел на поле, чтобы урожайность была выше. По третьей – самой смешной – ничего не просеивали, а просто обтягивали донышко кожей и лупили, как в барабан. Кстати, проводили эксперименты – очень даже громко получается! Как у негра на тамтаме.

Недавно киевский научный мирок потряс очередной скандалчик. Один из местных археологов – кстати, тоже большой фантаст – заявил, что культура

Триполья-Кукутени, возможно, была связана с пра-шумерской или прасемитской цивилизациями Ближнего Востока. Теперь он в испуге везде, где может, оправдывается, что ничего о «прасемитизации» Триполья не говорил, а большие носы трипольских статуэток якобы ни на что не намекают. И вообще лучше, дескать, «прасемитские» заимствования в нынешних европейских языках (гаиго – бык, кои – корова) называть «афразийскими». Во избежание всяких антисемитских выходов.

Возможно, так оно действительно лучше. Но что касается этнической принадлежности трипольских костей, то чьими только их не объявляли! В «Древней истории Украины», изданной под руководством Петра Толочко двенадцать лет назад, – «прафракийскими». В докладе Хвойки 1899 года – «протославянскими». С той же степенью достоверности их можно считать «протоиндоевропейскими». И вообще какими угодно. Даже «истинно арийскими», так как на некоторых горшках попадаются изображения свастики. Проблема в том, что своих покойников представители этой культуры кремировали, а тех черепов «средиземноморского» антропологического типа, которые по каким-то причинам не сожгли, слишком мало, чтобы делать обобщающие выводы. Ведь даже на отрезке от Киева до Канева в IV тысячелетии до н. э. на-

считали сразу пять различных групп трипольцев! Говорить, что они были единым народом от Трансильвании до Днепра, так же глупо, как утверждать, что мы – одна нация с американцами на том основании, что в «Макдональдсе» запиваем чизбургер колой из одинакового пластикового стаканчика. Слишком мало фактов.

Но почему же тогда наши коллекционеры из новых украинцев так вцепились в эти горшки? Ответ прост – по бедности. Украина – провинциальная страна с нищими олигархами. Денег, чтобы купить Рембрандта, у них, в отличие от японцев, все равно нет. Действительно стоящее – скифское золото, античные ювелирные изделия из причерноморских городов – давно собрано до них и покоится в Эрмитаже. Остается кухонная утварь из мифических «протогородов», так напоминающих родные села, вытолкнувшие чумазых нуворишей в Киев. Ее-то и приходится грести. А что еще остается?

Трипольская культура угасла в III тысячелетии до н. э. Первые же исторические свидетельства о славянах относятся только к началу I тысячелетия н. э. Исторический промежуток между ними – двадцать веков! Кроме того, прародина славян, как мы уже писали в первой главе, находится на территории Полесья. Византийские историки описывают их как типичных лес-

ных жителей. Но трипольцы вообще никогда не расселялись на территории лесной зоны. Их культура полностью вписывается в лесостепную полосу, осваивать которую украинцы станут только в XVII столетии н. э., а полностью заселят лишь при Екатерине II. О каком тождестве между украинцами и трипольцами можно после этого говорить?

Скифы – упыри и наркоманы

Собирателей фольклора издавна интересовал один вопрос: отчего именно украинцы так боятся упырей и вурдалаков? Мирная добродушная нация просто не могла породить их в массовом количестве. Ну разве одного-двух. Тогда, может, память наших пращуров зафиксировала некую психическую травму, пережитую на заре истории? А почему бы и нет!

Уверен, именно столкновение со скифами породило у предков славян самый ужасный пласт народного творчества.

Сейчас скифы вызывают умиление. Археологи охотно раскапывают их курганы. Золотые побрякушки из могил древних степных царей составляют предмет гордости музейных собраний. А какими были их владельцы при жизни? Увы, вынужден разочаровать читателя – встреча с типичным «классическим» скифом V века до н. э. не сулила бы ему ничего хорошего.

«А военные обычаи их таковы, – писал в своей истории Геродот Галикарнасский. – Когда скиф убивает первого врага, то пьет немного его крови. Головы убитых в бою несет царю, ибо только тот, кто принесет голову, участвует в разделе добычи... С головы скиф сдирает кожу следующим образом. Обрезает голову

по кругу возле ушей и вытряхивает ее, а потом вычищает мясо бычьим ребром и разминает кожу руками. Вычинив, употребляет эту кожу, как платок. Он привязывает ее к уздечке коня, на котором ездит, и гордится этим. Тот, кто имеет больше всех таких платков, считается самым храбрым. Многие еще и одежду делают из содранных кож, сшивая их, как бараньи».

Скифы вообще были потрясающими специалистами по работе с человеческой кожей. Других таких ни до ни после них в причерноморских степях не водилось. По уверениям Геродота, многие из этих скорняков умудрялись аккуратно содрать с правой руки противника кожу вместе с ногтями, не повредив ее. Для производства этого уникального технологического процесса требовались исключительно крепкие нервы – кожу снимали острым, как бритва, ножичком, а полученный «носочек» использовали в качестве сагайдака – то есть футляра для стрел.

Когда же и сагайдаков, и «платков», и кожаных курток набиралось столько, что девать было некуда, скиф тоже не унывал. Он переходил к высшей стадии своего древнего искусства – начинал шить чучела из незадачливых соперников. «Человеческая кожа крепка и блестяща, – восторженно продолжает грек Геродот, – она белейшая из всех кож. Многие скифы обдирают всю кожу с людей, натягивают на деревянную

кुकлу и возят с собой на лошадях».

Древние всадники наших степей последовательно и целенаправленно воплощали в жизнь принцип: труп врага всегда хорошо пахнет. Из голов особенно досадивших противников они мастерили столовые сервизы. «Обрезают все, что выше бровей и вычищают, – констатирует Геродот. – Если это бедный человек, то обтягивает бычьей кожей и так пользуется, если же богатый, то обтягивает бычьей кожей, а в середине вызолачивает и употребляет как посудину для питья. Так делают и с черепами своих домашних, если с ними поссорятся и когда перед судом царя их победят. Когда приходишь к такому в гости, он выносит те головы и рассказывает, что это, мол, были его родственники, с которыми он разошелся во взглядах и которых поубивал. Это считается мужественным поступком».

Особенно скифы любили жертвы Аресу – богу войны, которого почитали в виде меча. В каждой скифской области находилось святилище этого демона. Мечу, воткнутому в землю, приносили в «дар» один процент добычи – сотого пленного. Кропили голову бедняге вином и закалывали над ритуальной чашей. Кровь сцеживали и выливали на меч. Правое плечо жертвы вместе с рукой отрубали и подбрасывали в воздух, а потом, весело гикнув, оставляли труп гнить на месте и расходились по домам.

Древних греков, засевших по берегам Черного моря в торговых городах-факториях, такой образ жизни повергал в изумление. Особенно удивляла их катавасия, которая начиналась в скифском обществе, когда заболел царь.

Скифы любили клясться царским костром. Болезнь царя они объясняли тем, что кто-то дал такую клятву, но не сдержал ее. Набегала толпа гадателей – искать виноватого. Как они там его определяли, осталось навеки производственным секретом. Но определив, тут же отрубали голову, а добро делили между собой. Хуже было, если царь не выздоравливал. Тогда конкурирующая партия «магов» обвиняла своих неудачливых предшественников в брехне и непрофессионализме. Начиналось самое интересное. «Их убивают следующим образом, – пишет Геродот. – Наполняют телегу хворостом, запрягают в нее волов, связывают гадателям ноги и руки назад, затыкают рот, кладут на хвост, поджигают его, пугают и подгоняют волов. Много волов сгорает вместе с гадателями, а некоторые обсмаленные дают деру, если сгорит дышло. Точно так же сжигают гадателей и за прочие вины и называют их лживыми вещунами. Если же каких-нибудь вещунов убивает царь, то не щадит и их детей; но убивает всех мальчишек, а девочкам никакого зла не делает».

Высшим наслаждением для скифа было принять

участие в пьянке у местного начальства. Раз в году каждый правитель округа готовил сосуд для смешивания вина. Лакать его допускали только скифов, убивших врага в бою. Те же, кому не повезло, сидели в сторонке и облизывались, жалобно скуля – без почести. Это считалось самым большим бесчестьем. А тот, кто успевал за сезон настричь много скальпов, – получал дополнительную порцию. Он хлебал сразу из двух чаш на зависть неудачливым соплеменникам.

Делать вино самостоятельно скифы не умели, а потому покупали его у греков чуть ли не как стратегический товар. Стоило оно дорого. Пилось редко. На всех, естественно, не хватало. Поэтому в обычное время скиф наркоманил – обкуривался коноплей. Но изобрести косячок или хотя бы примитивную люльку у него не хватило ума. Коноплю использовали исключительно экстенсивно! Просто до неправдоподобия! И тем не менее... Просто не могу удержаться, чтобы не процитировать снова Геродота: «Скифы берут конопляное семя, залезают под покрывало и бросают семя на раскаленный камень. Оно курится и дает столько пара, что больше не даст и греческая баня, а скифы орут от радости». Еще бы! Представьте наркомана, который залез просто в «самокрутку»! Верх наслаждения!

Такой образ жизни эти степные обыватели счита-

ли воплощением совершенства. Подоил коня, отстриг голову врагу, накурился конопли, съездил к правителю на пьянку. И снова по кругу. Хорошо! Тех же, кто пытался перенять новомодные обычаи, скифские консерваторы строго карали. Единственного на всю страну философа Анахарсиса убили за то, что он стал поклоняться Кибеле – матери богов в греческом пантеоне. Царя Скила прикончили, когда он решил прогуляться в Ольвию, чтобы поучаствовать в чествовании бога вина Диониса.

Естественно, слухи о том, что в степях гуляет такая «банда», доходила и до предков славян, живших на севере нынешней Украины – в полесских болотах. Образ жизни кровопийц на конях, увешанных скальпами, поразил наших предков настолько, что навеки осел в славянских мозгах. Не то, чтобы эти лесные дядьки были слишком мирными. Они тоже могли прирезать соседа по недоумию или в пьяной драке. Но чтобы вот так, за здорово живешь, сдирать с пленных кожу, дегустировать человеческую кровь и окружать царские курганы стражей из мертвецов – этого бедняги вместить никак не могли.

Что-то было в скифах настолько демоническое, что путало даже этих язычников, поклонявшихся мелким лесным бесам. И хотя скифов изгнали во II веке до н. э. явившиеся из-за Дона «женоуправляемые» сарма-

ты, изгнать их из славянского подсознания не смог никто. Так они и остались навеки воплощением высшего ужаса – степными упырями, вылезавшими из своих могил пить человеческую кровь.

Иногда я думаю: а были ли они вообще людьми?

Германия в степях Украины

Давно замечено: как только наш историк хватается за события II—IV веков в Украине, так сразу начинает нести прекрасную чушь.

Причем явление это массовое – вроде эпидемии. Эдакое одновременное помрачение мозгов. Все, что до II века – ясней ясного. Сначала в наших степях жили киммерийцы. Потом их турнули скифы. Потом пришли сарматы и выгнали к чертовой бабушке скифов. А вот после сарматов и начинается наш «роковой» провал.

Достигнув его, правоверный славянский ум впадает в нечленораздельное бляение по поводу «дискуссионной принадлежности» так называемой черняховской культуры. Которая, если почитать отечественные археологические труды, вообще неизвестно чья. Просто не культура, а сирота казанская! Но кому-то же она все-таки принадлежала?

Конечно, все концы в мутную академическую воду спрятать так и не удалось. Даже в школьном учебнике по античной истории есть загадочный эпизод. В конце IV века из-за Дуная на Римскую империю полезло германское племя готов – прямо из Северного Причерноморья. На челнах и плотах десятки тысяч этих вар-

варов преодолели границу, проходившую как раз по этой реке, и затопили Дакию – нынешнюю Румынию. И даже в 378 году разбили под Адрианополем армию римского императора Валента, которого на радостях зажарили вместе с какой-то халупой, где он спрятался.

Но ведь за Дунаем, откуда пришли готы, в этом самом Северном Причерноморье – наша нынешняя южная Украина. Получается, германцы жили тут еще до украинцев? Да, господа, именно так во II—IV веках и было.

Готы, тщательно описанные в римских и византийских хрониках, изначально обитали на севере – в Скандинавии – Скандзе. Там до сих пор есть остров Готланд, что в переводе означает «готская земля». Свалиться в Украину с воздуха, наподобие гитлеровских десантников на Крит в 1941 году, они не могли. Не было еще ни самолетов, ни парашютов. Весь долгий путь с севера до южноукраинских степей эти суровые светловолосые хлопцы проделали на конях, телегах и просто пешком. Вместе с детьми и семьями.

Как пишет готский историк VI века Йордан, из «Скандзы, как из утробы, порождающей племени, вышли готы с королем своим по имени Бериг». Гнал их голод. Не ведавшие контрацептивов, эти ранне-средневековые люди размножились в геометриче-

ской прогрессии. А мора или стихийного бедствия, регулирующего их поголовье, как на беду, у природы под рукой не нашлось. Вот они и стали сами стихийным бедствием для окружающих.

Нрава грубого и свирепого, склонные к физическому насилию, готы, несомненно, обладали мощным «державницьким» инстинктом. Промаршировав Восточную Европу с севера на юг, они расселись от Дона до Дуная, подчинив себе все, до чего только дотянулась их жадная истинно арийская рука.

Весной 258 года днестровская флотилия готов достигла Боспора и ограбила Халкедон и Никею. Через несколько лет их наскоку подверглась Фракия – территория нынешней Болгарии. Вершиной же бандитских успехов стал поход 267 года. Тогда, выйдя из устья Дона, готский флот достиг Греции – знаменитых Коринфа и Афин. Афиняне под предводительством историка Дексиппа предприняли отчаянную попытку защитить свои дома. Однако нападавшим все-таки удалось затариться до предела античным барахлом, представляющим сегодня немалую ценность для музейщиков и коллекционеров.

Наибольших размеров готское государство достигло во второй половине IV века, когда им правил Германарих. По словам Йордана, этого громилу «немало древних писателей сравнивали по достоинству с

Александром Великим». Ему удалось подчинить даже те отдаленные места, где нынче находится Москва, а в раннем средневековье жили угро-финские племена морденс (мордва), меренс (меря) и васинабронки (белая весь).

Описывает Йордан и кампанию Германариха против венедов – ранних славян, которые «хотя и были достойны презрения из-за слабости их оружия, были, однако, могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться. Но ничего не стоит великое число негодных для войны, особенно в том случае, когда и бог попускает и множество вооруженных подступает... Все они подчинились власти Германариха. Умом своим и доблестью он подчинил себе также племя эстов, которые населяют отдаленнейшее побережье Германского океана. Он властвовал, таким образом, над всеми племенами Скифии и Германии, как над собственностью».

Однако готы не были только погромщиками. Первыми из германцев они восприняли христианство и письменность римского образца. В IV веке епископ Ульфила перевел для них Евангелие. Отрывки из него сохранились в так называемом Серебряном кодексе – необыкновенно красивой книге, написанной на красном пергаменте серебряными буквами. Хорошо известен археологам и готский женский костюм. Сво-

их женщин они хоронили в полном наборе праздничных украшений – широком поясе с большой пряжкой и платье, схваченном на плечах двумя застежками, имевшими вид орлиных голов или пальчатых фибул. Серебряные чеканные пряжки этих поясов даже сейчас составили бы честь любому кутюрье.

Отголосок тех времен остался и в скандинавских сагах, упоминающих Данпарстад – столицу готов на Днепре. Герой сохранившейся в Старшей Эдде «Песни о Хледе» требует себе «лес знаменитый, что Мюрквид зовется, на готской земле могилы священные, камень чудесный в излучинах Данпа, кольчуг половину, у Хейдрека бывших, земель и людей, и блестящих колец». Мюрквид – в переводе Черный лес. Он существует до сих пор на правом берегу Днепра выше Запорожья. Даже сегодня он поражает своими размерами. На автомобиле его проезжаешь минимум за час. Камень в излучинах Данпа легко идентифицировать с днепровскими порогами. А что касается Данпарстада, то некоторые из дореволюционных историков предполагали, что он предшествовал нынешнему Киеву. Князь же Кий – якобы хорошо известный по «Гетике» Йордана готский рекс Книва.

Как бы то ни было, именно от готов проникли в славянские языки такие слова, как «князь» (от готского «kuni» – старейшина клана), «полк» («volk» – воору-

женные люди, народ), «шлем» (готское «hिल्ms») и даже «пенязи» – деньги («pappings»). Последнее слово хорошо известно как историкам, так и тем, кто помнит современное германское «пфениг» – одну сотую марки.

И все-таки, в конце IV века готы были вытеснены из Украины новым страшным врагом – гуннами, явившимися из задонских степей. «Германарих, престарелый и одряхлевший, страдал от раны, – пишет Йордан, – и, не перенеся гуннских набегов, скончался на сто десятом году жизни. Смерть его дала гуннам возможность осилить тех готов, которые сидели на восточной стороне и назывались остроготами». Визиготы же («западные») перешли Дунай и, спасаясь от гуннов, обрели новую родину на территории Римской империи. Остановились они только в Испании, где составили высший класс общества и королевскую династию.

Но до XV века просуществовало маленькое готское княжество в Крыму, разрушенное только турками. Именно там жили те «готские красные девы... на берегу синего моря», что радовались поражению русичей в «Слове о полку Игореве».

Путешествовавший по Крыму в XV столетии итальянец Иосафат Барбаро записал в дневнике: «за Каффой, по изгибу берега на великом море, находится Готия... Готы говорят по-немецки. Я знаю это пото-

му, что со мной был мой слуга немец. Они с ним говорили и вполне понимали друг друга, подобно тому, как столковались бы фурландец и флорентиец».

И даже еще в конце XIX века профессора Киевского университета св. Владимира Юлиана Кулаковского будет поражать «нордический» вид некоторых горных татар – по-видимому, потомков готов.

Забылось имя Германариха. Прогремело имя гунна Аттилы. Но кем он был – диким кочевником-азиатом или гордым славянским князем Богданом Гатылом, как написал один остроумный киевский литератор? Аттила или Гатыло?

Аттила был веселый парень. Ел за троих. Пил за семерых. К тому же «мочил» римлян не только в клозетах (а римляне уже успели обзавестись клозетами), но где придется. У него была даже своя Верка Сердючка. Ничего удивительного, что некоторые из украинских историков тут же решили: «наш» человек!

«Богдан Гатыло возвращался с рати. Он ехал впереди на сером в черных яблоках жеребце, похожем на того, что был у него в детстве. Возвращался с победой, ведя за собой три сотни молодых ясичей и саков. Пленные шли с тонкими цепочками на шеях, убогие и прибытые долгим путем, совсем не похожие на тех, что ополчились три дня пред сим супротив его можей. Шли, семеня босыми ногами, покрытые пылью и изно-

ренные – можи отдельно, жоны и девы тоже, скованные по четыре в лаву. Подле ехали княжие комонники, подгоняя пленников бичами».

Такую веселую картину «парада победы» гуннского вождя Аттилы нарисовал в романе «Меч Арея» писатель Иван Билык. Выпущенная в 1972 году книга вызвала целый переполох. Известного по историческим хроникам предводителя кочевого племени V века автор изобразил... древнерусским князем, переименовав его в Богдана Гатыла.

С перепугу дурноватые киевские чиновники не придумали ничего лучшего, как узреть в этом национализм. Вместо того, чтобы ввести «Меч Арея» в школьную программу, замучив им детишек наподобие «Прапороносців» Гончара, его изъяли из библиотек. Впрочем, сам автор отделался по меркам 70-х «легким испугом». Его не выгнали из Союза писателей и даже дали возможность опубликовать через несколько лет новый роман «День рождения золотой рыбки» – уже без всяких сомнительных гуннов. Но для потомства он так и остался автором мифа про гуннского «ватажка». В 1990-м на волне перестройки «Дніпро» переиздало «Меч Арея», с тех пор раз за разом приходится слышать: «Аттила... это который Гатыло?»

Но, может, «Меч Арея» – не просто роман, а что-то вроде откровения свыше? Гунны – древние русичи

– предки нынешних украинцев? А Аттила и действительно того – наш родич?

Увы, и рад бы приписать кусок мировой истории пращурам, но тяжесть фактов не дает воспарить легкомысленной фантазии. Когда наши предки еще не умели писать, высматривая по лесным чащобам дупла с аппетитным диким медом, деяния гуннов подробнейшим образом задокументировали римские историки. И принять этих грязных немых кочевников за симпатичных молодцов в вышиванках можно только, страдая исторической близорукостью.

Видевший, в отличие от нас с вами, гуннов воочию римский хронист Аммиан Марцеллин, описывает их как типичных монголоидов. Приземистые, с огромными головами, они «похожи на деревянных идолов» – просто «звери на двух ногах». Они не знали ни изб, ни плуга, ели полусырое мясо и сражались только верхом, бросаясь в бой с арканом, мечом и диким ревом. Войско сопровождал весь народ – семьи на повозках тянулись вслед за отрядами конных воинов.

Аммиану вторит историк VI века гот Йордан: «Может быть, они побеждали не столько войной, сколько внушая величайший ужас своим страшным видом... Их образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз». Европа до гуннов не знала мон-

голоидов. Поэтому, когда они появились в IV веке из-за Дона, их безбородая внешность казалась просто необъяснимой. Родилась целая «теория», объясняющая этот странный вид. По словам Йордана, «детям они рассекают щеки железом, чтобы раньше, чем воспринять питание молоком, попробовали они испытание раной. Поэтому они стареют безбородыми, а в юношестве лишены красоты, так как лицо, избородженное железом, из-за рубцов теряет своевременное украшение волосами. Ростом они невелики, но быстры проворством своих движений и чрезвычайно склонны к верховой езде; они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука и всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи».

Именно как типичного монголоида описывает Йордан и Аттилу: «По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом кожи, он являл все признаки своего происхождения». Мог ли этот уродец быть славянским князем? Конечно же нет! Зато его отличало другое: «Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на все трепет...»

Примерно в это время в Риме прославился свои-

ми проповедями епископ Августин Блаженный, автор книги «О граде божьем». Он отрекался от римской старины, от всего, что римляне считали дорогим и великим. Говорил, что подвиги цезарей – суета сует. Рим построен на крови. Один из братьев – основателей города – убил другого, как Каин Авеля. Все государства земные, все, что создано руками смертных, должно непременно пасть. Все это держится только на злобе и властолюбии, внушенных дьяволом. Есть только один град истинно вечный – град Божий, церковь, и глава его – Иисус Христос.

Такая идеология не могла не подавить волю к сопротивлению. Когда Аттила, перейдя границу, обрушился на империю, римляне увидели в нем наказание за свои грехи и прозвали Бичом божьим.

Но были и те, что собирались сражаться. Предание гласит, что Аттила получил найденный в степи меч бога Марса (Арея) и был уверен в том, что сделается владыкой вселенной. Сначала он рванул на Балканы и разорил Восточную римскую империю, а затем повернул в Галлию, осадив Орлеан. Доведенное до крайности население, как рассказывает средневековый хронист Григорий Турский, обратилось к епископу города Аниану. Последний посоветовал молиться и смотреть в даль, не припрется ли кто спасти грешников. И действительно, на горизонте поднялось об-

лако пыли – это шел на выручку римский полководец Аэций.

Деблокировав Орлеан, Аэций дал в 451 году знаменитейшее сражение на Каталаунских полях в Шампани, визиготы и франки сражались на стороне римлян. Остроготы поддержали гуннов, Аттила вынужден был отступить и ушел в Паннонию, где нынче Венгрия. На следующий год он повторил поход, вторгнувшись в Италию, но Рим так и не взял. Одни утверждают, что его остановила чума. Другие – что страх перед карой богов. Аларих – готский король, захвативший Рим в 410 году, умер сразу после своего подвига, и Аттила будто бы боялся повторить его судьбу

Как бы то ни было, но история уже подготовила гуннскому царю эффектнейшую развязку. Аттила умер прямо на своей очередной свадьбе, на вершине варварского восторга «ослабевший от великого наслаждения» с невестой Ильдит и «отяжеленный вином и сном». Бедняга так и не смог переварить все то, что слопал, и попросту захлебнулся кровью, хлынувшей из ноздрей. «Опьянение принесло постыдный конец прославленному в войнах королю», – нравоучительно замечает Йордан. Сыновья же Аттилы, «кои, по распущенности его похоти, насчитывались целые народы», устроили вооруженный дележ наследства и после хорошенькой междоусобицы разорили держа-

ву папаши-секс-гиганта до основания. «Так отступили гунны, перед которыми, казалось, отступала вселенная».

* * *

Нет никаких оснований считать этого обжору древнерусским князем, имя его еще можно кое-как переделать в Гатыло, но как мы «ославяним» его братца Бледу? И что делать с папой Аттилы, которого звали «типичным» украинским именем Мундзук? И с дядями Октаром и Роасом? И в конце концов с монгольским разрезом глаз и жиденькой, как факты о древнеукраинской родословной, бороденкой?

Степь говорила тогда на диком невообразимом суржике, состоящем из гуннских, германских, греческих и, наверное, славянских слов. Византийский посол Приск Панийский, посетивший ставку гуннского царя, оставил описание «Верки Сердючки» V века – шута, развлекавшего Аттилу и его гостей юморесками, сочиненными на этой макаронической смеси языков. «Бич божий» ржал как конь. Он все понимал. Но ни внешность, ни имя Аттилы Мундзуковича не дает подозрений хотя бы на каплю нашей крови в его жилах.

Припрятанная летопись

Со школьных дней мы заучили начало «Повести временных лет»: «Откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве начал первым княжити и откуда Русская земля стала есть». Мне пришлось перечитать немало хроник – польских, чешских, англосаксонских, франкских. Смею заверить: наша «Повесть» – одна из увлекательнейших. Читаешь и просто дрожишь от удовольствия – на каждой странице колют, рубят, режут, бьют морды, хлещут ведрами мед, насилуют девок – сплошная «пропаганда» жестокости и насилия. Писал ее человек, явно склонный к литературным эффектам. Он умело вплетает в повествование исторические анекдоты, рассказывает байки о том, как святой Андрей проповедовал на Руси и, добравшись до Новгорода, дивился людям, парившимся в банях. Чешет «правду-матку» о колодце с киселем, которым якобы напугали доверчивых печенегов переяславские обыватели, – мол, сколько нас ни осаждайте, никогда не сдадимся! Видите: у нас земля сама харчи родит. Все это весьма занимательно, если бы не одно «но».

Святой Андрей жил в I веке н. э., когда... еще не существовало Новгорода. Христианские писания свидетельствуют, что он проповедовал в древнегрече-

ских городах на берегу Черного моря, но молчат о каких-либо вояжах туриста-праведника по Днепру и Волхову. Да и не было ему нужды так далеко забираться – в самом Риме христианство пускало только первые ростки – работы хватало.

Что же касается доверчивых печенегов, то в них мне и вовсе верится с трудом – представить, что эти степные черти, промышлявшие грабежом и разбоем, проглотили «лапшу» о колодце, рождающем кисель, невозможно просто физически. Это ведь были все-таки печенеги, а не трехлетние мальцы из детского сада, силком загнанные воспитательницей в столовую.

Тогда получается, что «Повесть временных лет», как бы это помягче выразиться... Первый русский исторический роман? Если честно, что-то вроде этого. Эдакая первобытная «Война и мир». Там ведь тоже есть и Наполеон, и Кутузов, и битва под Аустерлицем – только они не настоящие, а «толстовские», с изрядной долей художественного вымысла.

Историки давно заметили хронологические нестыковки в «Повести». Например, сообщение о женитьбе князя Игоря – отца Святослава. Нестор-летописец датирует это событие 903 годом. Якобы именно тогда Игорю привезли жену из Пскова – знаменитую княгиню Ольгу. И после этого он целых 39 лет «делает» с нею Святослава! Поверить в это невозможно –

в те времена люди жили активно, тринадцатилетняя девочка уже считалась вполне пригодной для брака, многоженство князей было в порядке вещей. А тут Ольга почти четыре десятилетия никак не разродится! И потом производит сына в том возрасте, когда ей следует быть уже бабушкой! Демонстрируй она такое наглое бесплодие в действительности, Игорь, уж поверьте, нашел бы, кем ее заменить. Парень, ходивший по налоги к древлянам два раза подряд, стесняться не умел. Что хотел, то и воротил.

Историки давно заметили эти несообразности и пришли к выводу, что автор «Повести временных лет» проставлял даты на глазок – задним числом, руководствуясь какими-то только ему понятными соображениями. Жил он в конце XI – начале XII веков, а события описывал происходившие двумя столетиями раньше.

Они же высказали предположение, что под рукой у Нестора был так называемый «Начальный свод» (название условное) – текст без дат, откуда летописец и черпал информацию, а также бумаги из княжеского архива и византийские хроники. Отталкиваясь от последних, имевших, кстати, точную датировку, Нестор и вычислил свою «хромающую» цифирь.

Скорее всего, так и было. Первоначально с летоисчислением на Руси дела обстояли, как в «Письме за-

порожцев турецкому султану»: «Місяця не знаєм, бо календаря не маєм, а год такий у нас, як і у вас...» Очень долго восточные славяне не знали исторического времени. Их как народ сельский интересовал не год, а смена сезонов – лета, осени, зимы, весны – чтобы знать, когда сеять, а когда на печке чесаться. Только появление государства заставило думать не циклически, а линейно – на перспективу.

Но что стало с этим гипотетическим «Начальным сводом»? Да ничего. Рукописи, как известно, не горят, если их вовремя скопировать! Замечательно существует наш «Начальный свод» в составе так называемой Новгородской первой летописи. Только о событиях на Руси IX—X веков рассказывает несколько иначе. Поэтому время от времени на него ссылаются, мягко критикуют «за преувеличение роли Новгорода», а чаще всего – стараются не замечать.

Хотя на самом деле Новгородская первая летопись куда больше напоминает историческое сочинение, чем полусказочная «Повесть временных лет». Она суше, сдержаннее. В ней отсутствуют фантастические легенды о кисельных берегах и слоняющихся где попало святых Андреех. И начинается она без излишней патетики: «Временник, который называется летописание князей и Земли Русской, и как избрал Бог страну нашу на последнее время...»

В «Повести временных лет» в 882 году Киев захватывает явившийся из Новгорода Олег, несущий на руках младенца Игоря – первого Рюриковича. В Новгородской же летописи это событие не имеет точной датировки и сюжет его выглядит несколько иначе. Игорь тут – не младенец, а взрослый активный князь, а Олег при нем – всего лишь воевода: «И вырос Игорь, и был храбр и мудр. И был у него воевода именем Олег – муж мудрый и храбрый. И начали воевать – и налезли Днепр-реку и Смоленск-град. И оттуда пошли вниз по Днепру и пришли к горам Киевским, и увидели Киев и спросили, кто в нем княжит, и сказали им: «Два брата – Аскольд и Дир» (...) И сказал Игорь Аскольду: «Вы не князья, и не княжеского рода, но я князь и мне следует княжить». И убили Аскольда и Дира».

Точная дата взятия Игорем Киева, повторяю, неизвестна. Игорь должен был вырасти, набрать войско, приобрести авторитет. Скорее всего это событие произошло где-то около 900 года.

По сути первой датой Новгородской летописи является 920 год. К этому времени Игорь настолько окреп, что совершает поход на Царьград – тот самый, который «Повесть временных лет» приписывает Олегу под 907 годом.

Нет в Новгородской летописи и точной даты женитьбы Игоря на Ольге. Об этом просто сказано:

«Привел себе жену из Пскова – Ольгу, мудрую и смышленную, от нее родился сын Святослав. После этих же времен в лето 6428 (920 год от Рождества Христова. – О. Б.) послал Игорь на греков вой».

Если действительно женитьба на Ольге произошла около 920 года, то к 945-му – общепринятой дате смерти Игоря – она отнюдь не была старухой. Напомню: замуж выдавали девочек начиная с 13 лет – возраста физиологической зрелости. Таким образом, Ольге, когда погиб Игорь, было не больше сорока. Она вполне могла родить нескольких детей, выжил из которых один Святослав, оставшийся без отца в том возрасте, когда был еще «вельми детеск» и не мог пробросить копье дальше, чем «сквозь уши коневи».

Но кем был отец Святослава – Игорь? И откуда он взялся в Новгороде с таким явно неславянским именем? Что пишет об этом Новгородская первая летопись? В следующей главе вы узнаете ответ.

Вымышленная Киевская Русь

Киевская Русь – название искусственное. Его придумали историки, чтобы отличить от Руси Московской, возникшей пятью столетиями позже. На самом деле никакой Киевской Руси не существовало. Была просто Русь. Причем возникла она не в Киеве, а на славянском севере – в Ладоге и Новгороде. До революции это хорошо понимали. Не так давно в руки мне попала изданная в начале XX века популярная книжка Е. Нелидовой «Русь в ее столицах». Три части ее называются так же, как и первые стольные грады нашей изначальной империи – «Старая Ладога», «Новгород», «Киев».

И «Повесть временных лет», и «Первая Новгородская летопись» основоположником княжеской династии, последовательно захватившей эти опорные пункты власти, называют загадочного варяжского князя Рюрика, объявившегося откуда-то «из-за моря» с «дружиной многой и предивной». Кем был этот Рюрик? И что за варяги пришли с ним?

Варягами в Восточной Европе и Византии называли викингов. IX век – самый пик их творческой активности, приводившей в ужас ученых монастырских крыс. Дракары северных конунгов суют в это время свой нос

повсюду, а их воины тащат все, что плохо лежит. Они осаждают Париж, грабят восточную Англию, шарпают Испанию и Италию. Прибрежные земли стонут от их неукротимых амбиций. Морские походы запорожцев в XVII веке – всего лишь бледная копия этих пиратских подвигов, запоздавшая на сотни лет и крайне убогая по размаху. Атлантические одиссеи через Бискайский залив казакам даже не снились, а викинги шлялись там, словно в тихих фиордах родной Скандинавщины.

Насколько плотно и основательно заселили в прошлом варяжские выходцы новгородские земли, говорит тот факт, что еще в XVIII веке их потомки сохраняли память о своем происхождении! В замечательном дореволюционном журнале «Русский архив» опубликована записка Екатерины II одному из ее секретарей. Императрица работала над составлением «Сравнительного словаря всех языков и наречий». Особенности говора крестьян, населявших окрестности новгородского городка Копорье, ее заинтересовали настолько, что в 1784 году она делает такую пометку: «Реестр слов отвезите к графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому и попросите его именем моим, чтобы он послал в своих копорских деревень кого поисправнее и приказал у тех мужиков, кои себя варягами называют тех слов из их языка переписать...»

Неизвестно, произвели ли до конца этот филоло-

гический опыт. Но обратите внимание: русская императрица, по происхождению немка, пишет президенту своей Академии наук, по происхождению украинцу, чтобы он поподробнее изучал любопытнейших русских мужичков в своих новгородских имениях. Оказывается, украинские помещики владели крепостными в исконно русских губерниях! А нам рассказывали только об обманутой заезжим москалем Катерыне! Какой пассаж!

Рассказывая о призвании варягов, «Повесть временных лет» пишет: «И пошли они за море к варяжской руси. Это варяжское племя называлось русь, так как каждое варяжское племя имело свое название, как то: шведы, норвежцы и готы».

Слово «русь» перешло к славянам из финского языка. Финны, прежде всех узнавшие лежащий напротив Швеции берег Рослаген, с которым они издавна контактировали, по имени этой пограничной земли дали всей Швеции название Руотси, а народу – руотсалайнен. Таким образом, первые русы были на самом деле... шведами. Придя в землю новгородских славян, они передали им свою кличку, позаимствованную у финнов. Удивляться этому не стоит. Ученые всегда недооценивают человеческую лень, нелюбопытство и склонность к путанице. Обычай называть всю землю соседей по территории первого попавшегося

пограничного племени известен с давних пор. Например, латыши до сегодняшнего дня называют русских «криве» – точно так же, как древнее славянское племя кривичей, которое с ними соседствовало.

Бог знает, когда кривичи слились с вятичами, радимичами и новгородскими словенами под общим именем «русские»! А латыши всех русских по традиции величают кривичами, как и их древние отсталые предки! И тут уж ничего не изменить – попробуй пересиль разбег исторической инерции!

Князь Рюрик объявился под Новгородом не от хорошей жизни. В «Повести временных лет» о нем мало что сказано. Ну, пришел и пришел. Якобы даже был призван. А что делал раньше, откуда родом – летописец, похоже, и сам не знал. Ясно только, что произошло все это где-то в середине IX века.

В это время за южный берег Балтики соперничали несколько скандинавских кланов. Славяне новгородские, жившие около Ильменского озера, кривичи, населявшие территорию вокруг Смоленска и Полоцка, а также различные финские племена платили дань предшественникам Рюрика – по всей видимости, шведам. Около 862 года, как рассказывает летопись, они восстали против своих варяжских властителей, отказались платить налоги и выгнали их из страны. Но понюхавшие демократии славяне и финны не могли

управляться сами собой и впали в такую анархию, что варяжская власть показалась им благом по сравнению с думаньем собственной головой. Проситься назад к шведам было стыдно – да, может, те и сами больше не хотели управлять таким народом. И тогда послали «за море» – к Рюрику: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: придите княжить и владеть ей». То, что неизвестно, куда посылали, не должно смущать исследователя. Рюрик постоянно находился в движении – как безработный специалист по административному управлению, проходящий конкурс на соискание должности.

Его подвиги на Западе хорошо известны по тамошним хроникам. Молодой Рюрик носил кличку Язва Христианства. Вскоре после 843 года германский император лишил его округа Рустринген во Фрисландии, и хлопец вынужден был податься в пираты. В 845 году его корабли грабили народ по Эльбе, а потом успели немножко обчистить северную Францию. Через пять лет Рюрику во главе 350 кораблей удалось избавиться от производственных излишков прибрежные районы Англии. Наконец, чтобы от него отцепиться, германский император Лотарь вернул Рустринген с тем условием, чтобы он защищал побережье от других викингов. В 854 году этого разбойника даже наградили куском Ютландии. А тут и послы из Новгорода подоспе-

ли, истомившиеся в поисках «кандидата на диктатора Всероссийские».

То, что Рюрик правил некоторое время округом Рустринген, то, что шведов называли «руотси», коверкая это имя как «русь», наделало большой путаницы. Но как бы то ни было, основателем первой княжеской династии на Руси стал викинг из клана Скъелдунгов – Рюрик, заложивший традиции отечественного великодержавия. Первой столицей его была Ладога. Засев в ней, он пытался построить маленькую копию Германской империи, раздавая земли своим васалам. Известно также, что в 873 году ему удалось получить округ во Фрисландии и вернуться на Запад. Но еще до этого он сумел произвести на свет сына Игоря, в наследство которому достались новоприобретенные земли на Руси. Ему вместе с Олегом и придется захватить Киев, расширив владения на славянский юг. Но если бы кто-то назвал подконтрольные им территории Киевской Русью, они бы несказанно удивились. Впрочем, в еще большее изумление они пришли бы при виде Грушевского, упорно именовавшего этих викингов вымышленным им самим титулом «давньоукраїнські князі».

Донос Ломоносова

Петербургский академик Герхард Мюллер 6 сентября 1749 года произнес перед своими коллегами речь «О происхождении народа и имени российского». Речь была на латыни. Мюллер был по национальности немцем, приглашенным из Германии поднимать славянскую науку. Слушатели же его являлись по преимуществу русскими. Латынь они тоже понимали. Но то, что изложило германское светило, им очень не понравилось. Аудитория неожиданно рассвирепела. Мюллеру так и не дали закончить. Астроном Никита Попов (все астрономы разбираются в истории!) возмущенно заорал на той же латыни: «Ты, известный автор, позор нашей науки!» Прочие собравшиеся его горячо поддержали, оперируя еще и непереводаемыми на латынь «национальными выражениями». Разгорелся скандал. О случившемся доложили президенту Академии наук, брату любовника императрицы Кириллу Разумовскому. Хитрый малоросс назначил для расследования инцидента целую комиссию, главным членом которой оказался «на все руки мастер» Михайло Ломоносов. Вывод его был однозначен – сочинение «О происхождении народа и имени российского» – вредная и опасная пропаганда. Мюл-

леру запретили копать древнерусскую тему, крамольную речь сожгли и посоветовали заняться историей Сибири, что дисциплинированный немец и сделал, не желая терять приличный академический паек. Но что же такого ужасного посмел сказать герр Мюллер? Может быть, он непристойно обозвал собравшихся? О нет! Мюллер был вежливым человеком и весьма корректным ученым. Прочитав древнерусские летописи, он всего лишь пришел к выводу, что Киевскую Русь основали норманны – те самые викинги, которых Нестор-летописец называл «варягами». Откуда ему было знать, какую чувствительную струну загадочной славянской души он задел!

Читать замечания Ломоносова на диссертацию коллеги забавно до сих пор. Вначале он упоминает, что указом императрицы велено ему исследовать творение Мюллера на предмет того, нет ли в нем чего «предосудительного России» и можно ли его после исправлений «напечатать». Потом разносит в пух и прах бедного Мюллера, оперируя даже такими терминами, как «два батальона римлян», которых якобы разбили древние россияне, хотя никаких батальонов в римской армии в помине не было. И под конец решает судьбу научной карьеры собрата без малейшей жалости: «Ежели положить, что Рурик и его потомки, владевшие в России, были шведского рода, то

не будут ли из того выводить какого опасного следствия». Поправить диссертацию, чтобы можно было ее опубликовать, нельзя, решил Ломоносов и добавил: «Все ученые тому дивиться станут, что древность, которую приписывают российскому народу и имени все почти внешние писатели, опровергает такой человек, который живет в России и от ней великие благодеяние имеет». Мол, получаешь жалованье – так изволь плясать под хозяйскую дудку.

Знаменитое «как бы чего не вышло» сыграло свою роль. Вывод Ломоносова откинул историческую науку в России и Украине лет на двести назад, освятив в ней принципы политической цензуры. Не имея возможности «поспросить» вымерших древних варягов физически, их стали преследовать на страницах исторических сочинений.

Между тем спокойное чтение «Повести временных лет» доказывает, что прав был все-таки Мюллер, а не Ломоносов. Первые киевские князья из династии Рюриковичей носят отнюдь не славянские имена – Олег и Игорь. Еще большее удивление охватывает, когда читаешь перечень имен подписавшихся с русской стороны под договором Олега с греками, – Карл, Ингельд, Фар-лоф, Вермид, Рулав, Гуди, Руальд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид. Как-то не похожи эти добры молодцы на славянских Добрынь!

Не проще ли предположить, что Киев захватила какая-то скандинавская банда? Тем более что «Повесть временных лет» именно так и описывает события.

Годом 862-м в ней датируется статья о призвании варягов кривичами и словенами – племенами, населявшими нынешние Псковщину и Новгородчину. Обессилев от междоусобиц («и встал род на род»), бедолаги решили завести какое-то подобие власти: «И сказали они: «Поищем князя, который бы владел нами и правил по соглашению, по праву». Пошли за море к варягам – к руси... Сказали руси чудь, словены, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет. Идите княжить и владеть нами».

Весь и чудь, упоминаемые в летописи, – финские племена, растворившиеся впоследствии среди славян. По поводу того, каким точно «сортом» варягов была летописная «русь», существует несколько версий. Чаще всего считают, что она получила свое имя от слова «руотси» – так финны в средние века называли шведов. Есть и другие мнения. Но как бы там ни было, главная версия строится на том, что Русь основали именно норманны. IX век – самый разгар их грабительских походов. Британия, Франция и Испания подвергаются их набегам. Нет ничего удивительного, что какая-то часть этих ребят осела и на землях восточных славян.

Я бы не сравнивал варягов с обычными пиратами. Пират – просто грабитель. Его идеал – пустить под воду зазевавшегося купца и пропить награбленное. А норманны обладали мощным государственным инстинктом. В Северной Франции они основали герцогство Нормандия, подчинив местных жителей. В Англии завладели областью вокруг города Йорка. В Италии – создали Сицилийское королевство.

Везде норманны стремились пробиться на самую верхушку общества. Храбрые, жестокие и умные, одинаково интересующиеся войной и торговлей, люди Севера считали себя предназначенными повелевать от природы. Рюрик, которого славяне призвали наводить порядок, принадлежал именно к этой породе. Через двадцать лет Олег (его «Повесть временных лет» называет родственником Рюрика) захватил Киев и посадил княжить тут Игоря Рюриковича. Первая новгородская летопись рассказывает об этих событиях несколько иначе. В ней главный герой взятия Киева – сам Игорь. Олег – только воевода. Но в общих чертах обе версии совпадают. В них куда больше сходства, чем различий. По крайней мере ни киевская, ни новгородская летописи не называют первых Рюриковичей хазарами, печенегами или лапландцами. Они сходятся именно на варяжских истоках этой княжеской династии.

Ломоносову все это очень не нравилось. Великий одописец, химик и по совместительству создатель мозаичных картин в «рецензии» на мюллеровские изыскания свое недовольство высказал прямо, хотя и несколько коряво по стилю: «Оно российским слушателям будет весьма досадно и огорчительно, когда услышат, что народов, одним именем с ним называемых, скандинавы бьют, грабят, огнем и мечом разоряют, победоносным оружием благополучно побеждают».

Может, и «огорчительно». Но почему мы должны ассоциировать себя с обиженными и оскорбленными? Скандинавская «русь» слилась с местными славянами, приняла их язык и имена, нашла тут свою новую родину! Мы – такие же потомки этой залетной руси, как и полян или северян.

Череп Святослава

Со Святославом вроде все ясно. Образ его настолько ярко выписан летописном, что слова негде воткнуть. Начал боевую карьеру в раннем детстве, пробросив копьё между ушей коня, в карательной экспедиции на древлян. Ходил в походы налегке – спал, подложив под голову седло, ел испеченное на углях мясо. Начиная войну, всегда предупреждал: «Хочу на вас идти!» Разрушил Хазарию, отогнал от Руси печенегов, хотел перенести столицу из Киева на Дунай, говоря: «Тут середина моей земли!» В конце концов надорвался и потерял голову – в прямом и переносном смысле.

И тем не менее сплошные вопросы.

Начнем с того, что в X веке современники произносили его имя немного не так, как мы – Свентослав. Причем «ен» звучало в нос – в древнерусском языке в этой позиции стояла так называемая носовая гласная. Из славянских языков, бывших тогда намного ближе друг другу, чем сейчас, она сохранилась только в польском. В прочих – отмерла. Но византийский историк Лев Диакон, оставивший о борьбе с киевским князем обширные записки, зафиксировал именно эту форму имени – с некоторым греческим акцентом –

Сфендослав.

Имя многое может рассказать о его хозяине. Святослав – первый из пришлой в Киев династии Рюриковичей, кто называл себя не на варяжский, а на славянский манер. Следовательно, викинги к его рождению уже прилично ославянились на местной почве. Обросли детьми, бабами и родственниками.

Но несмотря на это, в самом Святославе не было ни капли славянской крови. Отцом его был варяжский конунг Ингвар, матерью – варяжка Ольга. Лев Диакон описывает яркую северную внешность князя – голубые глаза, светлые волосы, вздернутый нос. Для южного Киева такой антропологический тип был тогда такой же редкостью, как и сейчас. Но по культуре Святослав – был явно «наш». И даже волосы носил на степной манер – в виде свисающего локона на бритом черепе.

Эта прическа здорово раззадорила «шароварно-галушечных патриотов». Раз есть «оселедец», значит, и запорожские казаки были уже во времена Святослава! Но оселедец – еще не доказательство существования в Киевской Руси казачества. На самом деле это древняя прическа кочевников, встречающаяся по всей Великой Степи от Монголии до Венгрии. Турки ее, между прочим, точно так же будут носить в XVI столетии, как и запорожские казаки. А на голове

Святослава «оселедец» свидетельствует прежде всего о его связях со степняками. Долгое время киевский князь свирепствовал именно в союзе с печенегами – теми, кто в конце концов и сделал из его головы чашу.

Абсолютный миф – полный разгром Святославом Хазарии. Он нанес ей тяжелый, почти смертельный удар, но до конца так и не покорил. В летописи нет никакого упоминания о вымышленном уже в XX веке Львом Гумилевым взятии князем хазарской столицы Итиль. Зато реальная война отображена достаточно полно – согласно «Повести временных лет», Святослав «одоле козаром и град их Белу Вежу взя. И ясы победы, и касогы».

Белая Вежа – крепость на Дону. Киевскому князю она была нужна, чтобы захватить торговый путь по этой реке, чего он успешно и достиг. То, что донская артерия имела исключительно важное значение, свидетельствует ранг противника, которого одолела Русь. Против киевского войска вышли главные хазарские силы «с князем своим каганом». Кубанские же племена ясов и касогов, по-видимому, являлись хазарскими вассалами. Поэтому набег на них – такое же естественное предприятие, как и поход в землю вятичей – на Оку и к верховьям Волги. Святослав просто отбирал у хазар «кормовую базу», переподчиняя себе подконтрольные им племена. Но до Итиля руки кня-

зя просто не дотянулись – отвлек более заманчивый «византийский» проект.

Мифический разгром Хазарии некоторые историки часто ставят Святославу в упрек – дескать, этим он открыл путь на Русь печенегам и половцам. Но не нужно забывать, что Хазария реально не контролировала степи – венгры, например, прорвались на Запад через «хазарские» земли задолго до печенегов, и никакой каган им не помешал. В те времена вообще не существовало границ в современном значении этого слова. Можно было удерживать только опорные пункты на речных путях, где происходил сбор мыта. Да и не виноват Святослав в том, что через двести лет после него на Русь будут совершать набеги половцы! Эту проблему следовало решать его потомкам. А если они с нею плохо справлялись, то и ответственность вся на них – нечего все валить на и так славно помордобойствовавшего пращура.

Хазарию же победил не так Святослав, как сама хазарская знать, когда она приняла иудаизм и стала чужой собственным подданным. Религиозные войны и внутренний раскол ослабили эту страну так основательно, что просто грех было не приложить державную руку к «хазарскому наследству». Святослав и приложил, за что честь ему и хвала.

Дунайский поход – гениальное прозрение Свято-

слава, как вспышка молнии, озарившее всю последующую судьбу Руси, России и нынешней Украины. Из него родится и «греческий проект» Екатерины Великой, и русско-турецкая война Александра II Освободителя, и славянофильская мечта о кресте над святой Софией. Последнее особенно парадоксально. Сам Святослав как убежденный язычник ни о каком кресте не мечтал, но похозяйничать в тех местах, где византийцы его водрузили, был не прочь – в конце концов геополитика всегда первичнее идеологии.

Блестящая Святославова идея – перекрыть путь всему европейскому товарообороту на Дунае («Тут все блага сходятся!») – слаба лишь тем, что не воплотилась. В противном случае мы получили бы совершенно фантастическую Русь, захватившую все главные восточноевропейские речные пути – по Днепру, Дону и Дунаю. Венгрия, Чехия и Византия были бы для этой сверхимперии всего лишь сателлитами. Святослав знал, что делал, – оголяя свой тыл против степи, мобилизуя все силы в одном месте против греков, он шел ва-банк. В случае удаче все бы простилось. Но, видимо, в ином был промысел Божий.

В Киеве Святослав, в отличие от христианской партии мира, возглавлял языческую партию войны. Христиане считали, что с Византией следует дружить и торговать. Князь настаивал на том, что дружить мож-

но и потом. Но сначала следует отобрать на Дунае наиболее выгодное место для дружбы. Вот тогда и продиктуем условия!

А перепуганные византийцы замысел русов воспринимали просто как наказание высших сил. «О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинственен и могуч, что он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие, – писал в своей «Истории» Лев Диакон. И продолжал: «Говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: «Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос».

Гордитесь, соотечественники! наших предков описывали как Божью кару!

Особенно потряс византийцев обряд человеческих жертвоприношений, который практиковали воины Святослава. «Когда наступила ночь, – пишет Лев Диакон, – и засиял полный круг луны, скифы (так называет русов византийский историк. – О. Б.) вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили несколько грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра».

Таковы подлинные нравы святославовой дружины. Меня же больше всего потрясает ее языческое «бес-

корыстие». Ведь сами могли воспользоваться любовью пленниц! Но считали, что погибшие товарищи не должны остаться без подруг в загробном мире – и отправляли их в подарок мертвецам! Правду сказал Гоголь: «Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей».

Из шестидесяти тысяч русов, напавших на Византию, уцелело чуть больше трети – двадцать две тысячи. Греки называли точную цифру, исходя из того, что по условиям мира должны были снабдить каждого уходившего со Святославом воина двумя медимнами зерна (примерно 20 кг при пересчете на наши меры).

«Сфендослав, – заканчивает Лев Диакон, – оставил Дористол, вернул согласно договору пленных и отплыл с оставшимися соратниками, направив свой путь на родину. По пути им устроили засаду пачинаки – многочисленное кочевое племя, которое пожирает вшей, возит с собою жилища и большую часть жизни проводит в повозках. Они перебили почти всех, убили вместе с прочими Сфендослава, так что лишь немногие из огромного войска росов вернулись невредимыми в родные места».

«Пожиратели вшей» печенеги отличались одной особенностью – крайним бесстыдством.

Общеизвестно, что печенежский князь Куря сделал из черепа убитого Святослава чашу. Но только в од-

ной почти «засекреченной» древнерусской рукописи, близкой к Тверскому летописцу, можно найти упоминание, что «есть чаша сия и доныне хранима в казнах князей печенежских, пьют же из нее князья со княгинею в чертоге, егда поймаются, говоря так: «Каков был сий человек, его же лоб есть, таков будет и родившийся от нас».

Бывает, что, читая старую хронику, хочется встать и идти мстить за предков. Мстить за Святослава, увы, уже некому – не осталось на свете ни одного печенега. Чаша из головы Святослава не принесла им ни счастья, ни силы.

Вошь печенежская

Если не считать эротических забав с черепом Святослава, печенеги, в отличие от монголов или половцев, оставили в нашей истории какой-то скучный след. Половцы прославились своими «красными девками» и войной с князем Игорем. Монголы навеки врезались в память широким разрушительным размахом, с которым ни до, ни после них никто не гулял на Святой Руси. Зато печенегам явно не повезло. По сути, кроме обычая делать столовые сервизы из человеческих голов, о них ничего не известно. Просто безликие степные тени какие-то! Между тем, они могли бы украсить собой страницы любого исторического романа, если бы нашим романистам чуть-чуть побавить склонности покрывать картины прошлого густым слоем современного синтетического лака. В одной из старинных книг – изданных в 1870 году в Петербурге «Сказаниях мусульманских писателей о славянах и русских» – я нашел очаровательный отрывок из писаний арабского путешественника середины X века. Звали его длинно – Абу-Дулаф Мисар ибн-Муханхаль аль-Хазраджи аль-Янбуи. Родился он близ Мекки, увлекался поэзией и путешествиями, выполнял различные дипломатические поручения и одна-

жды добрался до печенежских кочевий. Сексуальные привычки этих туземцев настолько поразили интеллигентного араба, что в «Книге о чудесах стран» он не смог удержаться от следующего пассажа: «Затем пришли мы к племени, известному под именем печенеги, это люди длиннородые, усатые, производящие набеги друг на друга. Едят они только просо и сочетаются с женщинами на открытой дороге. Мы путешествовали среди них двенадцать дней и нам рассказали, что страна их прилегает к северу и к стране славян. Они никому не платят дани».

Поражаться раскомплексованности печенегов не стоит. Они жили в степи вместе со скотом, ежедневно наблюдали все проявления животной жизни и не выделяли себя из ее круговорота. Сменившие печенегов половцы будут такими же. Может быть, даже более дикими. По крайней мере Гильома де Рубрука – папского посла к монгольскому хану – больше всего поразит, как половцы «опорожняют желудки, не отойдя даже настолько, насколько можно бросить бобовое зерно».

Но особенно удивляла цивилизованных соседей печенегов их кухня. Степные гурманы с удовольствием пожирали вшей, вылавливая их прямо в собственной одежде. Вечно голодные печенеги даже подогнали под свою народную кухню философскую базу: ес-

ли паразиты «едят» нас, отчего бы не отвечать им тем же?

Впрочем, от такого рациона не сильно разгуляешься. Постоянная нехватка пищи делала печенегов крайне уязвимыми. Сначала сын погибшего Святослава – Владимир – отразил этих дикарей под Переяславлем, а затем и внук – Ярослав Мудрый – разбил бородатых любителей совокупляться на природе прямо у стен своей столицы – там, где ныне возвышается Софийский собор.

Обычно считается, что кочевникам свойственна врожденная агрессивность по отношению к оседлым народам. Но на самом деле все сложнее. Набегу печенегов 1036 года на Киев предшествовало наступление Руси на степь. Как свидетельствует летопись, четыремя годами ранее «Ярослав начал ставить города по Роси». Фактории русичей отбирали у степняков пастбища. Их лошадям и овцам не хватало травы. Что еще оставалось печенегам, как не попытаться счастья в самоубийственном броске на ставку киевского князя?

Но окончательный удар пацинакам нанесла не Русь, а Византия. В конце XI века, немного окрепнув, кочевники решили попытаться счастья в пределах империи. Перейдя Дунай, орда их хлынула на земли Второго Рима, сжигая городки и села. Подробный рассказ об этом остался в сочинении византийской принцессы

Анны Комнин, описавшей подвиги своего отца Алексея. Император привлек для борьбы с печенегами их естественных врагов – половцев. Именно они и помогли одержать решающую победу.

Этнические проблемы в XI веке решались просто. Печенеги к тому времени так всем надоели, что византийцы, окружив их полчища, вырезали всех до последнего за одну ночь – больше 30 тысяч любителей чужого сразу.

Зато на карте Украины до сих пор осталось несколько населенных пунктов, хранящих отпечаток былой доблести врагов Святослава, – поселок Печенеги в Чугуевском районе на Харьковщине и (совсем на другом конце страны!) Печенежин в Коломыйском районе Ивано-Франковской области. Чувствуете, каков был размах степного бега!

И все же, почему киевские летописцы не увидели ни во внешности, ни в привычках кочевых секс-гигантов ничего удивительного? Да потому что сами мало чем отличались от своих противников. Примерно в то время, когда печенежские орды переживали пик своего могущества, в мае 922 года посол арабского халифа Ибн-Фад-лан достиг города Булгар на Волге. Там он увидел купцов-работорговцев из Руси и описал их удивительные повадки: «Они грязнейшие из творений Аллаха – они не очищаются ни от экскрементов, ни от

мочи, не оmyваются от половой нечистоты и не моют своих рук после еды... У каждого из них скамья, на которой он сидит, и с ними сидят девушки-красавицы для купцов. И вот один из них совокупляется со своей девушкой, а товарищ его смотрит на него. А иногда собирается целая группа из них в таком положении один против другого, и входит купец, чтобы купить у кого-либо из них девушку, и наталкивается на него, сочетающегося с ней. Он же не оставляет ее, пока не удовлетворит своей потребности».

Что ж удивительного в том, что одни дикари не видели ничего дикого в других – почти точно таких же?

Ярослав Мудрый – покровитель киллеров

Если бы первых Рюриковичей, к коим принадлежал и Ярослав Мудрый, удалось перенести в наше время, они не сходили бы со страниц уголовной хроники. Это была исключительно одаренная в криминальном смысле семья с безмерными аппетитами.

На протяжении нескольких столетий она держала в ужасе всю Восточную Европу, монополизировав поставку самых острых новостей. Ждали от Рюриковичей постоянно чего-то сенсационного – какого-нибудь щекочущего нервы заголовка, вроде «Ольга жарит древлянских послов» или «Дружинники Ярополка загнали в ров его брата».

Не успел князь Олег объявиться в Киеве (якобы с торговой миссией), как тут же прирезал беднягу Аскольда. Наследник его, Игорь, до тех пор обчищал древлян, пока туповатые полещуки не догадались разорвать его на куски, остроумно растянув между согнутыми деревьями. Святослав вырос уже в бандита международного масштаба (наподобие римских императоров) и до того утратил чувство реальности, что даже собственные подданные, набравшись храбрости, вынуждены были ему однажды заметить: «Ты,

княже, ищешь чужой земли, а свою забросил!» (Выдающийся полководец в это время до того увлекся мародерством в Болгарии, что не обратил внимания, как его собственную столицу обложила орда печенегов).

Вся экономика княжеского семейства представляла собой нехитрый набор из трех операций – сбор дани, сбыт ее в Константинополе и традиционный запой по возвращении на Родину. Умей эти защитники Земли Русской писать, то в графе «род занятий» они могли бы с чистой совестью вывести: «рэкет, торговля награбленным». Основатели государства не гнушались даже работорговлей. Тот же предприимчивый Святослав, перечисляя ассортимент древнерусского экспорта, наряду с воском и медом упомянул и рабов. Интересно, где он их брал? Разводил, как скот, рассматривая подвластное население вроде племенного стада? Или попросту охотился в пущах на лесных мужиков? Историки молчат.

В толпе этих великосветских разбойников неким семейным уродцем выглядит только Ярослав Мудрый. В массовом сознании он до сих пор присутствует в образе безобидного книжного червя, который, дескать, только то и делал, что закладывал церкви да круглые сутки просиживал над толстенными неподъемными фолиантами. Проносющаяся время от времени истерия поисков его исчезнувшей библиотеки, в кото-

рой вряд ли было больше нескольких десятков томов, только укрепляет расхожий стереотип.

На недавно открытом в Киеве памятнике возле Золотых Ворот Ярослав изображен в привычном для него образе мудрого властителя – с моделью храма св. Софии в руках. Однако прозвище Мудрый придумал ему только русский придворный историограф Николай Карамзин. Причем несколько поздновато – через целых пятьсот лет после смерти князя, чем окончательно превратил покойника в мифологического героя – воплощение разнообразных добродетелей.

Но, возможно, куда более ему подошел бы монумент на другой сюжет – Ярослав заказывает варягам убийство своего брата. Ибо, в отличие от Ивана Грозного, собственноручно порешившего сына в приступе безумия, киевский князь не был сумасшедшим. Подобные комбинации он старался воплощать с помощью подставных лиц – чтобы капли крови не брызнули на белое полотно его репутации.

По традиционной версии, изложенной в «Повести временных лет», история восхождения Ярослава на киевский престол выглядит несколько упрощенно. В 1015 г. умирает его отец Владимир – тот самый, что окрестил Русь. Киевским князем становится старший сын Святополк. Ярослав в это время княжит в Новгороде. Тут бы им только жить-поживать да дань со-

бирать, да только Святополк вдруг повел себя не как глава рода, а просто как серийный маньяк-убийца. С упорством, достойным лучшего применения, он начинает истреблять меньших братьев, открыв счет с Бориса и Глеба – таких себе дурноватых пацанов-недопек, покорно подставивших шеи под ножи заказных убийц.

Ярославу это очень не нравится – чего доброго, энергичный брательник доберется и до него в медвежьем новгородском углу. А потому он нанимает за морем варягов и смело вступает в борьбу с «маньяком» Святополком, поведение которого летописец объясняет без лишних психологических нюансов – мол, бес попутал.

На беса, конечно, можно все свалить, но после нескольких боев Ярослав побеждает. Святополк же, гонимый божьим гневом, «прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией и там бедственно окончил жизнь свою. Праведный суд постиг его неправедного»...

Такая вот поучительная история про то, как нельзя обижать младших, если бы не несколько «но».

Даже из текста «Повести временных лет» следует, что Ярослав никогда не был послушным мальчиком. Свою политическую карьеру он начал с репутации отъявленного сепаратиста, еще при жизни отца от-

казавшегося платить дань Киеву. Не умри Владимир так быстро, Ярослава ждала бы хорошенькая «взбучка». А точнее, карательная экспедиция – испытанный медицинский метод, которым тогда лечили расшатанную психику злостных неплательщиков налогов. Владимир уже и мосты приказал мостить на Новгород, да только скоропостижно окочурился – очень нехвата для идеи территориальной целостности страны.

К тому же Ярослав охотно воевал не только «за правду», но и за обычное семейное имущество. Именно в духе этих идеологических ценностей он после победы над Святополком принялся делить Русскую землю с еще одним братом – Мстиславом. И делил, пока окончательно не залил кровью в гражданской войне.

И, наконец, самое главное! В распоряжении исследователей оказалось еще одно свидетельство тех запутанных событий. Готовясь к войне, Ярослав Мудрый нанял в Скандинавии варягов. А эти храбрые воины имели хороший обычай оставлять рассказы о своих подвигах – так называемые саги. Одна из них, повествующая о походе на Руси конунга Эймунда, сохранилась в Норвежском государственном архиве. Несколько лет назад научное издание ее крошечным тиражом появилось и в Петербурге.

Историю, известную из «Повести временных лет», она излагает совсем в другой интерпретации.

Согласно саге, новгородский князь Ярицлейв, сын Вальдамара, ведет жестокую войну со своим братом... Бу-рицлавом. Все имена легко расшифровываются. Вальдамар – это Владимир Креститель, Ярицлейв – Ярослав Мудрый. А Бурицлав – Борис, первый из двух якобы убитых Святополком братьев!

Как рассказывает сага, в тот самый момент, когда борьба достигла апогея, варяжский конунг Эймунд предложил Ярославу избавиться от соперника. Говоря более поздним языком – «ликвидировать политического оппонента». Мотивировал он это достаточно убедительно: «Ведь никогда не будет конца раздорам, пока вы оба живы».

Хитрый Ярослав повел себя приблизительно так же, как товарищ Сталин, любивший, как известно, все непопулярные меры перекладывать на товарища Ежова. Он ответил: «Не стану я ни побуждать людей к бою с Бурицлавом, ни винить, если он буде убит».

Инициативный Эймунд расценил это как дипломатическое одобрение. С десятком самых верных друзей он подстерег Бурицлава, когда тот ночевал в лесу с войском, и, внезапно напав, отрезал голову. Голова была ему нужна не для садистского удовольствия, а как вещественное доказательство – чтобы получить гонорар за профессионально исполненную работу. Но Ярослав сделал вид, что ничего подобного не заказывал.

вал – мол, его просто неверно поняли! Платить отказался. И даже предложил варягам за их счет похоронить покойника: какое, мол, он имеет к этому отношение?

Правда, как свидетельствует сага, князь при этом покраснел. Но кто скажет точно – по какой причине? Может, ему стало стыдно. Может, жаль неудачника-брата. А может, он как человек образованный, расстроился, что мир так несовершенно устроен. Кто знает? Вот только Эймунду с друзьями скоро пришлось бежать от Ярослава – тот почему-то решил поотрезать головы и им. И только чудом славным норвежским парням удалось спастись.

Возникает вопрос: можно ли верить саге больше, чем «Повести временных лет»? И тут же напрашивается ответ – да! Святополку незачем было убивать Бурицлава-Бориса. Он и так оказался самым старшим в роду, законным наследником, а Борис, по русской летописи, даже готов был чтить его, «как отца своего». Войну же с Ярославом Святополк получил в наследство от умершего отца – он сам ее не развязывал. А потому логичнее всего было отправить Бориса с войском на север – туда, где, как оказалось, его поджидал варяжский киллер Эймунд. Ну а варягам оговаривать себя и вовсе нет смысла – для них все происходящее выглядело не трагедией, а обычной работой наемни-

ка, которой следовало гордиться.

Но виноват ли автор «Повести временных лет» в сознательной фальсификации? Отнюдь! Древнерусский историк не был заказным борзописцем. На страницах своей книги он не скрывает самые неприглядные поступки князей: упомянул же, что отец Ярослава – Владимир – в свое время тоже разделался со своим старшим братом при помощи варягов! Но то была открытая, наглая расправа. А в нашем случае речь идет о заказном убийстве – самом труднораскрываемом виде преступлений, к информации о котором всегда допускается узкий круг лиц.

Святополк погиб в междоусобной войне. Услышать его оправдательную речь у летописца не было физической возможности. Так, со слов победителей, он и стал навсегда Окаянным. И если бы в норвежском архиве не отыскалось свидетельство подлинного исполнителя, никто бы так и не узнал, что моду на заказные убийства ввел на Руси Ярослав Мудрый, так любивший книжное учение.

Неудачник Борис стал первым русским святым.

А доживший до семидесяти шести лет Ярослав, чьи кости лежат теперь в Софийском соборе, тоже как бы канонизирован – как небесный покровитель наемных киллеров.

Мифическая библиотека князя Ярослава

Украинские историки в дополнение ко всем грехам повесили на железноголовых монголов хана Батыя еще один – эти варвары уничтожили библиотеку Ярослава Мудрого!

Никто, естественно, не видел, как они ее уничтожали. Наматывали «бесценные» пергаменты вместо портянок на свои кривые кавалерийские лапы? Использовали для гигиенических нужд? Соскоблив кириллические буквы, пытались нацарапать поверх богомерзкие письма, прославлявшие степного Бога Неба? Черт его знает! Ни один из «знавців старовини», проникнувшись болью за истребленное культурное наследие, при разгроме Киева в 1240 году не присутствовал – тем громче их притворный вой, оплакивающий последствия посещения ордой Батыя киевской «хаты-читальни имени Ярослава Мудрого».

Но давайте задумаемся: а было ли что уничтожать?

В летописи о том, как Ярослав заставил переписчиков корпеть над какими-то книжонками, – пара строк. Распорядился – хлопцы сели за дубовые столы и, высунув от старания языки, взялись выполнять госзаказ. Вот и все. То, что получилось, якобы собрали при Со-

фийском соборе. Откуда из этого убогого факта взялся вывод, что среди переписанного при Ярославе были какие-то выдающиеся тексты, чуть ли не превосходившие по качеству само «Слово о полку Игореве»? Начнем с того, что Ярославу «на культуру» история вообще отвела не так много. Десятилетиями он упорно воевал за Киев со своими братьями – сначала Святополком Окаянным, затем Мстиславом Черниговским – и окончательно утвердился тут только после смерти последнего в 1036 году. Не успел утвердиться, как привалили печенег. Пришлось срочно отгонять и их. Потом нужно было снаряжать неудачно закончившийся поход на Византию, строить вокруг Киева новую крепкую стену – на культурный подъем времени почти не осталось.

Русь XI века – полуварварская малограмотная страна. Библия толком не переведена. Ветхий Завет на русском языке появится только в Московии XV века. А при Ярославе Мудром даже большинство Евангелий – так называемые априкосные. Они содержат выдержки из текстов четырех евангелистов вперемешку. По сути это дайджесты, приспособленные к церковной службе – чтобы попу не искать в полном тексте, какой отрывок в какой день зачитывать еще более темной, чем он, пастве. Знаменитое своими картинками Остромирово Евангелие, переписанное в 1067 году, тоже не отличается высоким уровнем культуры. Оно представляет собой сборник выдержек из Библии, который использовался в церковной службе. В нем много иллюстраций, но они выполнены в простом, схематичном стиле, характерном для иконописи того времени.

санное в 1056—1057 годы дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира, как раз априкосное, упрощенное. А «четвероевангелия», содержащие полный текст, в эпоху Киевской Руси почти не попадают! Для них попросту еще нет соответствующего читателя!

Не мог Ярослав Мудрый передать библиотеке Софийского собора и светские книги. Во-первых, это считалось не очень приличным. А во-вторых, отдавать было просто нечего. Свои «шедевры» легкого жанра написать еще не успели, а передирать зарубежные — не хватало грамотных специалистов. Как отметил еще в 50-е годы XX века далекий от псевдосенсационных построений профессор Н. К. Гудзий, «специфически светская литература, свободная от морально-религиозной окраски, бытовавшая в Византии все же в достаточном количестве, вовсе не была известна на Руси».

Только в XII веке, через сто лет после смерти Ярослава, переведут отрывки отдельных изречений Плутарха, Диогена, Аристотеля и составят из них сборник «Пчела» — удобное пособие для стилиг, не желающих портить глаза образования ради, но при случае не гнушающихся блеснуть вершками учености. Можно представить этих древних киевских «голохвостовых», поражающих обывателей своей эрудицией! Но

даже они плод куда более поздней, чем ярославова, эпохи.

Тогда что же могло входить в состав библиотеки Софийского собора, кроме нескольких красочно переписанных Евангелий да двух-трех переводных византийских хроник, знакомящих древних русичей с мировой хронологией? Вы не поверите: уголовный кодекс! Да-да, та самая «Русская Правда» Ярослава, о которой говорят как о вершине его законодательного гения. Да еще Церковный устав его отца – Владимира Святого.

Именно эти «литературные» тексты дают представление о собирательном портрете читателя первой половины XI века. «Если кто кого ударит батоном, либо жердью, либо ладонью, или чашей, или рогом, или тыльной стороной руки, – гласит «Русская Правда», – то обидчик платит 12 гривен».

Столько же стоила забава, «если кто кого ткнет мечом, не вынув его из ножен, либо рукоятью меча». И ровно в такую же сумму оценивалось «выдергивание усов и бороды». Практиковали «читатели» времен Ярослава и угон чужих транспортных средств с целью развлечения от средневековой скуки: «если кто поедет на чужом коне, не спросив разрешения, то платит 3 гривны».

Но особенно дорого стоило, «если кто кого ударит

по руке и рука отсохнет». Целых 40 гривен! В такую же сумму оценивалась человеческая жизнь, что не должно казаться странным. Ведь что такое в XI веке человек без руки? Живой труп! Ни пахать, ни служить в дружине он не годен. А нищенствовать в те времена не особенно было выгодно – даже работающий народ не переедал. Не позволяла примитивная экономика, основанная все на том же ручном труде.

Впрочем, за убийство можно было рассчитаться и по бартеру. По принципу: жизнь за жизнь. «Правда» Ярослава открыто разрешала кровную месть: «Если убьет муж мужа, то мстить брату за брата, или сыну за отца, или отцу за сына, или сыну брата, или сыну сестры, если не будет никто мстить, то 40 гривен следует заплатить за убийство».

Еще более забавен Церковный устав, в котором сохранилась даже статья за то, когда «жена с женою» и «муж со скотиною». Зоофилов наказывали принудительной продажей в степь – «поганым», т. е. язычникам. Древние русичи жить рядом со своими скотоложцами не желали. И, по-моему, поступали совершенно правильно. Может, этим и убереглись от всякой заразы.

Вот такие тексты могли находиться в библиотеке Ярослава Мудрого. И их действительно могли уничтожить монголо-татары Батыя. А что касается «шедев-

ров», то их еще просто не успели написать. Или подделать. Ведь даже «древняя» Велесова книга появится только в XX веке – когда вырастет число фальшивок на почве возросшей образованности масс.

Парикмахерская для половцев

Странно, но по страницам популярной литературы упорно кочует миф об «истинно арийском» внешнем виде степняков, населявших в XI—XIII веках Дикое Поле. «Есть данные, – пишет в книге «Исчезнувшие народы» С. А. Плетнева, – свидетельствующие, что половцы были в основном светловолосые и голубоглазые. Отсюда будто бы и произошло русское название – «толовые», т. е. светлые, как полова – солома». Легко же писать кабинетной исследовательнице! Во-первых, начнем с того, что «полова» и «солома» – далеко не одно и то же. Достаточно съездить к крестьянам в деревню – они их хорошо различают. Солома – это высушенные стебли ржи или пшеницы – длинные, светлые, красивые. Она годится как на подстилку скоту, так и на крышу для хат. А вот полова недаром синоним слова «дрянь». Полова, как пишет Владимир Даль, – «обой от молотьбы, отвеянная лузга». По цвету она, скорее, сероватая, грязная. По размеру – чуть длиннее ногтя. И уж никак не похожа на солому!

Так что если половцев и называли в честь половы, то отнюдь не за парадный внешний вид. Путешествовавший в 1253 году по причерноморским степям францисканский монах Гильом де Рубрук, в отличие от со-

временных специалистов по древним кочевникам, видел их воочию. Половцы ему явно не понравились: «Даже когда мы сидели под своими повозками ради тени, так как в то время там стояла сильная жара, они так надоедливо приставали к нам, что давили нас, желая рассмотреть наши вещи».

Ничего необычного во внешнем виде этих назойливых людишек Рубрук не отметил. Скорее его поразили их гигиенические привычки, отличавшиеся полной беспардонностью: «Если у них появлялось желание опорожнить желудок, они не удалялись от нас и настолько, насколько можно бросить зерно боба; мало того, они производили свои нечистоты рядом с нами во взаимной беседе»... Ну скоты, и больше ничего! И ни слова о «светловолосости» и «голубоглазости».

А между тем Рубрук был не просто послом французского короля Людовика Святого, но и замечательным, говоря по-современному, «журналистом». Он фиксировал все необычные, поразительные факты, которые удавалось встретить на пути. Посетив готов, живших на южном берегу Крыма, он тут же отметил, что их «много» и что язык их – немецкий. Добравшись до татар, тщательно описал их внешность в главе «О бритье мужчин и наряде женщин»: «Все женщины удивительно тучны; и та, у которой нос меньше других, считается более красивой». Но вот «европео-

идности» половцев почему-то не заметил.

Молчат на сей счет и древнерусские летописи. Правда, «Слово о полку Игореве» упоминает о «красных девках половецких», которых похватали (и, наверное, употребили по назначению) храбрые русские дружинники. Но, отмечая внешнюю привлекательность пленниц («красные» – то есть красивые), поэт ничего не сообщает об их антропологическом типе. Мне же думается – как все-таки непривлекательны были наши предки! Даже типичная половецкая девка, глядящая прямо не отходя от воза, казалась им «красной»!

Из летописей известно десять браков древнерусских князей с дочерьми половецких ханов. Даже такой знаменитый их враг, как Владимир Мономах, отнюдь не брезговал половчанками. В 1107 году он женил своего сына – будущего Юрия Долгорукого – на дочери хана Аепы. Плод этого брака хорошо известен – Андрей Боголюбский, разоривший в 1169 году Киев. От этого Андрея остался череп, заботливо изученный известным антропологом Герасимовым. Герасимов воссоздал и внешний вид «гибрида»: широкое лицо, узкие глаза, круглая, как шар, голова степняка. Да с такой «рожей» не на святой Руси княжить, а урюк на базаре продавать!

Рассказать о себе сами половцы тоже не могли – от

них остался только словарь XIV века. Да и то составленный итальянцами. Нуждаясь для торговых дел в понимании местного языка, венецианские и генуэзские купцы записали самые важные, с их точки зрения, слова куманов – так называли они половцев.

Зато половцы сумели себя показать, изваяв сотни надгробных статуй, украшающих теперь археологические музеи Украины и России! Всех их отличает явное стремление к реализму – половецкие скульпторы изображали именно тех людей, что лежали под надгробьями. Некоторые из них принадлежат скульпстым широколицым мужчинам с лихо закрученными усами. Маленькие зоркие глазки уверенно смотрят из-под плотно натянутых шапок, отороченных мехом. Руки держат ритуальную чашу.

Но особенно заметна монголоидность на женских изваяниях! Крошечные узенькие глаза, носики, буквально тонущие в толстых щеках. Этим фигурам, тем не менее, свойственна своеобразная эротичность. Под каменными одеждами выпукло проступают полные груди и широкие бедра. Удобные для верховой езды штаны плотно обхватывают мощные ляжки.

Эталон половецкой красоты не должен нас удивлять. В степи часто случались стихийные бедствия. Проигранная война означала потерю стада, голод и страдания. Описывая бедствия половцев в Крыму по-

сле поражения от татар, Рубрук отмечает: «Когда пришли татары, команы, которые все бежали к берегу моря, вошли в эту землю в таком огромном количестве, что они пожирали друг друга взаимно, живые мертвых, как мне рассказывал видевший это некий купец; живые пожирали и разрывали зубами сырое мясо умерших, как собаки – трупы». Конечно, нарисованная Рубруком картина – отпечаток катастрофы, уничтожившей владычество половцев в Причерноморье. Но и обычные годы выдавались нелегкими. В этих условиях особенно ценилась «женщина-консерва» – легко нагуливавшая сало и способная к деторождению даже в голодный год.

Тогда как же возникла легенда о половцах – голубоглазых блондинах? Первым это предположение выдвинул в XIX веке русский историк-норманист А. А. Куник, пытаясь объяснить славянское название этого народа. Он и запустил идею, что «половый» означает «светлый», «соломенно-желтый». В XX веке в СССР норманистов не жаловали. Поэтому объяснение стало гулять по научным монографиям без ссылки на автора.

Но полова, как мы уже выяснили, – не желтая, а грязно-серая. Происходит это слово от другого похожего – «половина». Ровно столько получается этих отходов после обмолота зерна. Появившись в середи-

не XI века у границ Руси, первоначально половцы не переходили на правый берег Днепра – жили на левой половине. Отсюда и название. А стойкая ассоциация диких, не любящих мыться, зато гадящих где придется, варваров с половой довершила дело. Так куманы и стали половцами.

А вот в голубоглазых блондинов их перекрасили уже в XIX веке – в профессорских «парикмахерских» Москвы и Петербурга.

Подделка ли «Слово о полку Игореве»?

Сомнения в подлинности «Слова» высказывали с момента его открытия. По официальной версии, поэму обнаружил в 90~х годах XVIII века граф Мушин-Пушкин – бывший адъютант екатерининского фаворита Григория Орлова. Выйдя в отставку, он занялся коллекционированием старинных книг и в одной из монастырских библиотек – Спасо-Ярославской – наткнулся на рукописный сборник. В нем будто бы и находился тот загадочный текст, который теперь известен любому двоечнику – «Слово о полку Игореве». находка вызвала сенсацию. Русские патриоты ликовали. Наконец-то и у нас откопан шедевр, сравнимый с французской «Песнью о Роланде». А, может быть, даже лучше! Молодой Карамзин поместил в гамбургском «Обозревателе Севера» восторженную заметку, где были и такие слова: «В наших архивах обнаружен отрывок из поэмы под названием «Песнь воинам Игоря», которую можно сравнить с лучшими оссиановскими поэмами и которая написана в XII столетии неизвестным сочинителем».

При этом начинающий историк еще не подозревал, что изданные в 1765 году в Англии «Песни Ос-

сиана», с которыми он сравнивает русскую находку, только что признаны не сочинениями древнего барда, за которые их принимали, а мистификацией вполне современного Карамзину шотландского собирателя фольклора Джеймса Макферсона. «Оссиановские поэмы» должны были доказать, что старинная литература шотландцев, испытывавших комплекс национальной неполноценности, – ничуть не хуже, чем у англичан. Так почему бы не предположить, что и Мусин-Пушкин всего лишь пытался поднять самооценку восточных славян, вынужденных постоянно сравнивать себя с Европой?

Тем более, что саму рукопись «Слова о полку Игореве» практически никто не видел. По той же официальной версии она сгорела в Москве в 1812 году, во время войны с Наполеоном. Хотя неизвестно, раскуривали ли от нее свои трубки потомки Роланда – французские гренадеры – или протопили ею в отсутствие Мусина-Пушкина камин необразованные русские мужички. Все же последующие перепечатки сделаны по первому изданию 1800 года, озаглавленному «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича». Все становится еще более загадочным, если мы вспомним, что «Слово» – не единственное произведение, рассказывающее об авантюрном броске Иго-

ря в степь. Есть и еще одно! Но на него, хотя оно превосходно известно, стараются не обращать внимания – дабы не разрушить образ древнерусского витязя, гордо (если верить «Слову») изрекшего: «Лучше нам убитыми быть, чем плененными!»

Любознательному исследователю легко изучать древнерусскую историю XII века. Князей много. У каждого свой летописец. Во времена междоусобиц все писали обо всех. Какие мерзости стыдливо опустили новгородцы, о тех упомянули киевляне. Что не рассказали галичане, о том «настучали» потомкам черниговцы. Полная свобода слова! Поэтому тот «имидж» Игоря, к которому мы привыкли с детства, штудировав «Слово», мягко говоря, не соответствует действительности. А был он типичным князем-хулиганом своей эпохи!

В 1169 году юного, полного сил и энергии, Игоря Святославича мы видим среди банды князей, ограбивших Киев. Инициатором нападения выступил суздальский князь Андрей Боголюбский. Впоследствии, уже в XX веке, кое-кто из националистических украинских историков пытался представить этот поход как первый наезд «москалей». Но на самом деле Москва тогда была всего лишь мелким острожком, ничего не решавшим, а в якобы «москальском» воинстве рядом с сыном Андрея Боголюбского – Мстиславом – поче-

му-то оказались Рюрик из «украинского» Овруча, Давид Ростиславич из Вышгорода и наш девятнадцатилетний черниговец Игорь с братьями – старшим Олегом и младшеньким – будущим «буй-туром» Всеволодом.

Разгром Киева был страшным. По свидетельству Ипатьевской летописи, грабили весь день, не хуже половцев: храмы жгли, христиан убивали, женщин разлучали с мужьями и уводили в плен под плач ревущих детей: «И взяли они добра без счета, и церкви оголили от икон и книг, и риз, и колокола поснимали все эти смоляне, и суздальцы, и черниговцы, и Олегова дружина...Зажжен был даже монастырь Печерский... И был в Киеве среди всех людей стон и печаль, и скорбь неутихающая, и слезы беспрестанные». Ай да Игорь, ай да патриот!

Кстати, по происхождению Игорь Святославич был «метисом» – от матери-половчанки он унаследовал горячую степную кровь, которая не раз бросалась ему в голову в самый неподходящий момент.

В 1184 году великий князь киевский Святослав отправил объединенное русское войско на половцев. В походе участвовал и Игорь с неразлучным «буй-туром» Всеволодом. Но стоило союзникам углубиться в степь, как между переяславским князем Владимиром и нашим героем разгорелась дискуссия о методах

дележа награбленного. Владимир потребовал, чтобы ему уступили место в авангарде – передовым частям всегда достается больше добычи. Игорь, замещавший в походе отсутствовавшего великого князя, категорически отказал. Тогда Владимир, плюнув на патристический долг, повернул назад и принялся грабить Северское княжество Игоря – не возвращаться же домой без трофеев! Игорь тоже не остался в долгу и, забыв о половцах, в свою очередь набросился на владения Владимира – переяславский город Глебов, который захватил, не пощадив никого.

А в следующем году приключился тот самый злощастный поход, по мотивам которого создана великая поэма. Вот только за кадром осталось то, что в составе Ипатьевской летописи содержится произведение, трактующее неудачу Игоря с куда более реалистических позиций. Историками оно условно названо «Повестью о походе Игоря Святославича на половцев». И неизвестный автор его рассматривает плен Новгород-северского князя как справедливую кару за погромленный русский город Глебов.

В отличие от «Слова», где многое дано только намеком, «Повесть о походе» представляет собой подробнейший отчет. Игорь в ней выражается не высокопарным штилем, а вполне прозаическими достоверными фразами. В «Слове» он вещает: «Хочу копье

преломить край поля Половецкого с вами русичи, хочю либо голову свою сложить, либо шлемом испить из Дону!» А в «Повести» просто мучается от комплекса неполноценности, принимая опрометчивое решение продолжать поход, несмотря на затмение: «Если нам не бившись вернуться, то срам нам будет хуже смерти. Пусть, как Бог даст».

Бог дал плен. Автор «Слова» кратко, стеснительно упоминает: «Тут князь Игорь пересел из седла золотого в седло рабское», а летописец в деталях повествует, как предводитель распадающегося на глазах русского войска пытается повернуть свою победившую легкую кавалерию – «ковуев» (одно из вассальных степных племен), но, не догнав их, попадает в руки половцев «на расстоянии одного полета стрелы» от своих основных сил: «И пойманный Игорь видел брата своего Всеволода, который крепко бился, и просил он душе своей смерти, чтобы не видеть падения брата своего. Всеволод же так бился, что даже оружия в руке его было мало, и бились они, обходя кругом озера».

Тут на зарвавшегося авантюриста, по словам летописца, находит раскаяние. «И рек тогда Игорь: «Помянул я грехи перед Господом Богом моим, как много убийств, кровопролитий сотворил я на земле христианской, как не пощадил христиан, но взял на щит го-

род Глебов у Переяславля. Тогда немало зла испытали безвинные христиане – отлучали отцов от детей, брата от брата, друга от друга, жен от мужей, дочерей от матерей, подруг от подруг, и все смятено пленом и скорбью было. Живые завидовали мертвым, а мертвые радовались, как святые мученики, огнем от жизни сей приемля испытание. Старцы умереть порывались, мужей рубили и рассекали, а жен – оскверняли. И все это сотворил я! Не достоин я жизни. А ныне вижу отмщение мне!» Возникает вопрос: мог ли этого средневекового разбойника воспеть современник, хорошо осведомленный обо всех проделках князя Игоря? И не придумал ли Мусин-Пушкин свою историю с находкой «сгоревшей» рукописи, выполняя совсем другой социальный заказ?

Тем более что и другие доводы в пользу именно этой версии. Конец XVIII – начало XIX века – буйное время литературных мистификаций. О «находке» поддельных «Песней Оссиана», с которыми сравнили наше «Слово», мы уже упоминали. Но это не единственный пример. В той же Англии в 1770-х годах некий Томас Чаттертон сочиняет произведения на средневековом английском языке под псевдонимом Томаса Раули – ученого монаха XV века. В 1810-х годах бурная полемика стоит вокруг «обнаруженной» Вацлавом Ганкой в Чехии «Краледворской» рукопи-

си, оказавшейся не старинным текстом, а подделкой, призванной поднять самооценку поработанного немцами чешского народа.

В России же сюжеты «киевского» периода именно в это время входят в моду – на протяжении всего XVIII века, начиная с «Владимира» Феофана Прокоповича, одна за другой появляются исторические пьесы о Древней Руси – «Хорев» Сумарокова, его же «Синав и Трувор», «Владимир и Ярополк» Княжнина. Русская историческая наука находится в зачаточном состоянии. Поэтому авторы самостоятельно роются в летописях в поисках тем – благо церковнославянский язык образованные люди XVIII столетия знали с детства. А он весьма облегчал понимание древнерусских текстов. Что, если одному из таких неизвестных талантов – Мусину-Пушкину или кому-нибудь из его круга и пришла в голову мысль сочинить собственное произведение на таком поэтичном, дышащем стариной языке Киевской Руси?

Тем более, что сам Мусин-Пушкин историю обнаружения рукописи «Слова о полку Игореве» рассказывал весьма скупо. Граф утверждал, что приобрел поэму в числе других книг у архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля. Как удалось установить исследовательнице Г. Н. Моисеевой, сборник, в составе которого находилось «Слово», действительно при-

надлежал Спасо-Ярославской обители и числился в описи его рукописных книг. Но не позднее 1788 года, как указано в той же описи, он был «отдан». Кому – неизвестно. А в описи 1789 года та же рукопись значится уже «за ветхостью уничтоженной». Так когда же сгорел подлинник «Слова» – в 1812 году или все-таки двадцатью тремя годами раньше? И не означает ли это, что первоначально граф Мусин-Пушкин хотел убедить всех, что рукопись «Слова» буквально рассыпалась в прах – так ее «зачитали» древние книголюбы, а потом свалил все на куда более поэтичный московский пожар, подвернувшийся как нельзя кстати? Спасибо супостату Наполеону, заметшему все следы с присущим ему размахом – куда масштабнее, чем какая-нибудь монастырская плесень или крыса...

Поэтому среди русских ученых уже в начале XIX столетия появился ряд скептиков, сомневающихся в подлинности «Слова» – Каченовский, граф Румянцев (известный коллекционер древних рукописей) и особенно Осип Сенковский – предприимчивый журналист и издатель популярнейшей в свое время «Библиотеки для чтения».

Все это так. Однако на каждое из этих утверждений существуют не менее веское возражение. Мусин-Пушкин с неохотой рассказывал о подробностях своего открытия? Да ведь он фактически подтолкнул

архимандрита Иоилия на должностное преступление, убедив списать вполне приличную рукопись «за ветхостью» – фактически незаконно присвоив ее! Станешь ли болтать о таком громогласно?

Сомневались представители «скептической школы»? Так они сомневались во всем – даже в древности летописей и сборника древнерусских законов «Русская правда». На то они и скептики.

И, наконец, просто невозможно представить себе человека XVIII века, соединившего в одном лице блистательный поэтический талант, абсолютную историческую эрудицию на уровне лучших историков XX столетия и... знание древнерусского языка как родного. Да, церковнославянский похож на него, но только в той степени, которая облегчает понимание. Не более. Тому же Мусину-Пушкину как первому издателю «Слова» пришлось к сочиненному им самим заглавию «Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославовича» добавить подзаголовок: «Писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие». Сами издатели и то этот «старинный русский язык» понимали с трудом. Первое издание кишит такими примерами – старинные русские тексты писались без интервалов между словами. Разбивку Мусин-Пушкин «со товарищи»

провели самостоятельно. Вот и получилось у них вместо «розно ся» – «рози нося» и вместо «къмети» – «къ мети». Эти ошибки, затруднявшие понимание «Слова», были исправлены только значительно позже.

А то, что Игорь из поэмы совершенно не похож на Игоря из «Ипатьевской летописи»... Так ведь ни один исторический персонаж никогда не оценивался однозначно! Поэму создавал придворный поэт. Или же человек, рассчитывающий на благосклонность князя. Тыкать «хозяина» мордой в преступления у него не было смысла. Поэтому он и написал «Слово» о «славе славной Игоря Святославича», умалчивая о его не менее позорном позоре.

Новое доказательство подлинности «Слова о полку Игореве» обнаружил не так давно петербургский исследователь Даниил Аль. Он обратил внимание на одно из загадочных мест в так называемой «Степенной книге» – официальной истории Руси, скомпилированной в правление Ивана Грозного. Полное ее название: «Книга степенная царского родословия». Смысл этой книги состоял в том, чтобы изобразить русскую историю как смену княжений внутри той линии Рюриковичей, которая от киевского князя Владимира Святого шла к московскому царю Ивану.

В действительности схема была отнюдь не так проста. В начале XII века Киевское государство распа-

лось на многочисленные уделы. Почти четыре столетия Русь оставалась раздробленной на части, пока большинство из них не объединила силой Москва. Составителям же «Степенной книги» надо было показать, что никакой раздробленности никогда не было – напротив того, предки Ивана Грозного всегда были самодержцами на Руси. В этом направлении и перекраивались летописи.

Так в «Степенной книге» появился рассказ о том, как Всеволод суздальский – пращур Ивана Грозного – накануне похода князя Игоря организовал победоносную экспедицию против половцев (в действительности ничего подобного не было) и как Игорь с братьями, якобы позавидовав успеху этого предприятия, сами отправились в степь и были разбиты, и как Всеволод суздальский и Роман волынский (опять сплошная выдумка!), узнав об этом, двинулись выручать и выручили пленников.

Зачем понадобилась составителям «Степенной книги» эта «клюква»? Ведь известно, что князь Игорь бежал из половецкого плена без посторонней помощи. Известно также, что, порицая древнерусских князей за бездействие, автор «Слова» особо осуждает Всеволода суздальского, отсиживающегося на севере и не желающего принимать участие в обороне киевских земель. Все эти упреки – серьезный удар по ре-

путации предка Ивана Грозного, повинного в развале Киевской Руси.

Поэтому наемные московские историки XVI века, творящие по заказу царя «красивое прошлое», и придумали небывалый поход Всеволода в степь, которому будто бы позавидовал князь Игорь.

Вставка из «Степенной книги» показывает, что «казняк» был всегда и что в XVI веке «Слово» не только существовало, но и пользовалось большой популярностью. Иначе зачем его было оспаривать столь сомнительным способом?

Объясняет эта версия и то, почему сохранился единственный экземпляр «Слова», попавшего уже при Екатерине II в руки коллекционера Мусина-Пушкина. Другие списки просто уничтожали, чтобы они не «порочили» московско-суздальскую линию Рюриковичей. Суздальские сепаратисты, превратившиеся в государей всея Руси, очень не любили, когда им напоминали о преступном бездействии их предков. Ко времени же Екатерины II, принадлежавшей совсем к другой династии, конфликт был снят, и «Слово о полку» вновь вписалось в официальную версию русской истории, став символом имперского единства.

Как галичане развалили Киевскую Русь

В выпущенной во Львове в 1934 году и неоднократно перепечатанной в Канаде «Історії для дітей шкільного віку» есть очаровательная картинка «Москалі руйнують Київ». На ней бородатые гоблины в островерхих шлемах живописно режут, хватают за патлы и насилуют несчастных киевлян. Сердце кровью обливается.

Но почитав текст под картинкой, начинаешь искренне хохотать – оказывается, что «руйнують» они в 1169 году, когда никаких «москалей» еще в природе не существовало, а сама Москва едва прописалась на страницах истории. Ее и упоминают-то впервые в летописи всего двадцатью двумя годами ранее как крошечный городишко суздальского князя Юрия Долгорукого. По значению это было что-то вроде нынешнего райцентра. Поэтому писать, что в 1169 году «москалі руйнують Київ» – то же самое, что предположить, что для столицы нынешней Украины представляет опасность банда свинокрадов из Кобеляк.

Зато как-то подзабылось, что на самом-то деле Киевскую Русь развалили именно галичане – те самые прославленные Роман и Данило Галицкие и еще

несколько колоритных личностей, предшествовавших им. «Але українська держава не пропала через те, що Київ був знищений, – пише уже упомянутая «Історія для дітей...» – Вона проіснувала ще потім з двісті літ. Тільки її ядро пересунулося на захід».

Какая наглая бандеровская брехня! Ясно, что ни с того ни с сего государственные ядра не двигаются. Двигают их исторические персоны. Причем обычно с сепаратистскими замашками. В XII веке Галич как раз и являлся таким ядром местного сепаратизма.

Удивляться этому не стоит. Галичане отличались от настоящих русичей всем – психологией, антропологическим типом и, (что важнее всего!) неславянским происхождением.

Да-да! Именно неславянским! Подсознательно уроженцы Западной Украины осознают это до сих пор. Даже те, которые вообще ничего не читали – ни исторических книг, ни отрывных настенных календарей.

Тот, кто общался с обитателями Львовской или Ивано-Франковской областей, знает местное выражение – «расовий галичанин». «Його дружина – расова галичанка!» – с гордостью скажут вам. Или: «Пан Зеник – то справжній расовий галичанин». И укажут на вертлявого «курдупеля» (коротконового субчика по-нашему) с идеологической истерикой в глазах.

Но если существует определение, то должно иметь-

ся и явление – какая-то местная галицийская раса. Попросту говоря, человечья порода, радикально не схожая с полтавчанами или черниговцами. Так из чего же она вывелась?

Разгадку можно найти в любой монографии по славянскому этногенезу.

На рубеже старой и новой эр славян в Галичине еще не было. Ее населяли носители так называемой «культуры карпатских курганов» – дакийское племя карпов. Древние даки – предки нынешних румын и молдаван. Во II веке при императоре Траяне их покорили римляне, основав на территории нынешней Румынии провинцию Дакия.

Но до самих Карпат и Верхнего Приднестровья завоеватели не дошли. Бедные местные территории, населенные отсталыми дикарями, попросту не интересовали уроженцев Италии. Овечьей шерсти у них хватало своей, а гоняться по полонинам за какими-то козлоногими сатирами ради одной воинской славы не имело смысла. Даков-карпов оставили в покое, предоставив им возможность существовать в своей «культуре карпатских курганов».

Так продолжалось до эпохи Великого переселения народов, когда с Волыни сюда стали просачиваться славяне. В V—VI веках эта часть даков, подпав под их власть, утратила свой язык и перешла на славянское

наречие, естественно, исковеркав его. Из даков, подчинившихся римлянам, вышли румыны и молдаване. А из тех их остатков, которые признали превосходство славян, – нынешние галичане. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что галичане – это по сути славянизированные молдаване.

«Історичний шлях культури карпатських курганів, – утверждает изданная в 1995 году в Киеве «Давня історія України», – е наочною ілюстрацією асиміляції давніми слов'янами гето-дакійців. Можливо, саме в цьому явищі полягають глибинні причини своерідності слов'янських етнічних груп, що проживають нині в Карпатах».

Но почему «возможно»? Лично я, глядя на то, как скачут вокруг ватры гуцулы со своими национальными томагавками, ни на йоту не сомневаюсь в причинах этой «своерідності». Те же румынско-молдавские (гето-дакийские!) мелодии, те же горбоносые неславянские лица, точно такие же расшитые карпатскими цацками кептари шерстью вовнутрь. Пока молчат – вообще от молдаван не отличишь!

Под власть Руси прикарпатские земли попали поздно. Поначалу Киев соперничал за них с Польшей. Соперничал с переменным успехом, пока в конце X столетия Владимир Святой не отобрал их в составе так называемых «червенских городов». Отсюда и другое

название Галичины – Червонная Русь. Столицей ее, кстати, сначала был не Галич, а Перемышль.

В начале XII века тут завелся необыкновенно вредный, пакостный и удачливый князь – отдаленный потомок Владимира Святого, приходившийся ему прапраправнуком. Носил имя Владимирко и, подобно Евгению Онегину, приходился «наследником всех своих родных». Те не отличались особой живучестью и мерли с завидной регулярностью. Жадный Владимирко радостно пригребал к себе их осиротевшие уделы и вскоре оказался самым видным князем в Галичине. Только последний родич – звенигородский князь Иван – не хотел умирать. Тогда Владимирко просто согнал его с места, вынудив податься в бродячие разбойники.

Став единственным князем большого шмата земли, Владимирко перенес свою столицу из Перемышля в Галич. Сделал он это потому, что Перемышль лежал на западной границе Галичины, а Галич – строго по середине. Отсюда было проще грабить подконтрольные территории.

Дальнейшая политика этого сепаратиста была проста. Кто бы ни утверждался в Киеве, он считал его своим заклятым врагом и, как мог, подгрызал центральную власть. В 1139 году киевским князем стал Всеволод Ольгович. Но Владимирко не считал его «за че-

ловека» и гнул свою линию на фактическую независимость от столицы Руси.

Всеволод собрал мощную коалицию князей, пригласил в помощь половцев и отправился на галицко-го сепаратиста в поход. Устоять перед такими силами Владимирко не смог и под Перемышлем проиграл решающую битву. Но он был такой богатый и хитрый, что уговорил киевского князя помириться, уплатив 1400 гривен откупа (около 70 кг серебра). Забрав «налог», Всеволод убрался в столицу, а Владимирко – на охоту.

В принципе он дешево отделался. Денег у него было много. Днепровский торговый путь перекрыли половцы, от чего Киев постепенно слабел. Зато галичане держали под контролем всю торговлю по Днестру, немисливо обогащаясь на транзите между Византией и Западной Европой.

Но Владимирко был такой жадный, что его ненавидели собственные бояре. И та охота чуть не стала для него роковой. Пока князь-паразит гонялся где-то под Тисме-ницей за диким зверьем, галицкая знать потихоньку передала власть его двоюродному брату – Ивану Берладнику – тому самому живучему родственнику, которого Владимирко некогда выжил из его удела.

Узурпатор вернулся с охоты и застал ворота Галича на замке. На стенах радостно гоготали сторонники

враждебной партии. Но Владимирко упорно боролся за свое «рабочее место». Единственное, что он умел – это собирать мыто с проплывавших по Днестру купцов. Как он мог позволить лишиться себя такой доходной профессии?

Осада продолжалась три недели. Наконец на Масленицу 1145-го князь-изгой вернул себе любимый город и, как пишет автор Ипатьевской летописи, «войдя в Галич, многих людей порубал, а других казнил казнью лютою». Иными словами, вояки его отличились и при штурме, и в результате последовавших за ним обдуманных репрессий.

Уследить за логикой событий середины XII века потрясюще трудно. Тем более описать в русле хоть какой-нибудь исторической концепции. По сути Русь представляла собой просто скопление деморализованного народа, который делили князья из расплодившегося рода Рюриковичей. Ведь все эти Владимирки, Всеволоды, Иваны Берладники – хоть и дальние, но родственники. Все они потомки великого князя Владимира Святого. Но земли для них не хватает, так как каждый оставляет многочисленных наследников. Перманентная гражданская война между князьями превращается просто в факт повседневного быта – такой же, как дождь, слякоть и падеж скота. Паны бьются – у мужиков чубы трещат.

Но уж никак не вписывается этот мутный хаос в схему «украинцы против москалей»! Не вписывается хотя бы потому, что лучшим союзником галицкого Владимирка в борьбе против Киева становится суздальский Юрий Долгорукий. Да-да! Тот самый, трижды проклятый авторами бесчисленных историй для детей «основатель Москвы».

Партнерство их настолько крепко, что Юрий Долгорукий даже отдает за сына Владимирка – Ярослава Осмомысла – свою дочь. Два провинциальных князька семейными узами скрепляют злодейский союз против Киева!

А в Киеве новый суверен – внук Владимира Мономаха – Изяслав. Сначала он разбивает суздальского Юрия, а потом галицкого Владимирка. Причем разбивает так, что тот готов на все, на любой выкуп. Лишь бы ему сохранили жизнь. Даже умоляет союзника Изяслава – венгерского короля Гейзу – замолвить за себя словечко. «Просите короля, – говорит он своим послам. – Пусть не выдаст меня Изяславу».

К Изяславу хитрый галичанин тоже шлет посольство со словами: «Брат! Я кланяюсь тебе и каюсь за свою вину, потому что виноват я. Ныне же, брат, прими меня к себе и прости меня...» И, как ни странно, прощельгу в очередной раз прощают! Все садятся пировать в шатре у венгерского короля, а к Владимирку

отправляют гонца с крестом, который тот на радостях целует, присягаясь быть вечно преданным киевскому князю. По условиям мира, он должен вернуть все захваченные у киевлян города и признать себя вечным вассалом Изяслава.

Но как только войска расходятся по домам, Владимирко забывает о крестном целовании. Ипатьевская летопись сохранила нравоучительный рассказ о киевском после, боярине Петре Бориславиче, который напомним галицкому сепаратисту о нарушенной присяге: «Княже! Ты крест целовал!» В ответ Владимирко только ехидно ответил: «Вот этот маленький крестик? Иди отсюда и езжай к своему князю!»

Но стоило Петру Бориславичу выехать с княжьего двора, как Владимирка разбил паралич. «Ой! – только и успел сказать клятвопреступник, выходя из церкви Спаса, где отстоял вечерню. – Кто-то ударил меня в плечо». И рухнул без сил. В тот же вечер хитрец скончался.

Перепуганный Ярослав Осмомысл вернул киевского посла и подтвердил свою зависимость от стольного града. Божье чудо на полвека отдалило развал Руси. Но после смерти Ярослава Осмомысла и пресечения его рода новая династия галицких князей снова подняла знамя борьбы против Киева.

Роман – князь-потрошитель

Одной из самых наглых выдумок, настойчиво пропагандируемых историками, является так называемое Галицко-Волынское княжество.

Создателем его считается отец Даниила Галицкого – Роман, хотя он только присвистнул бы от удивления, узнав, чего о нем насочиняли профессиональные мифотворцы. Никогда такого титула он не носил! Да и страна «Галицко-Волыния» существует только в лживых диссертациях и не менее лживых учебниках.

Роман не был даже князем Волынским! Княжества с таким названием не существовало с тех пор, как еще в конце X века Владимир Святой, придя из Киева, захватил землю племени волынян и разрушил их столицу Велинь. Как всякий просвещенный деспот на захваченных землях он построил новый «областной центр». Естественно, имени себя – Владимир.

Именно владимирским князем и значился далекий потомок крестителя Руси – князь Роман, родившийся примерно через сто пятьдесят лет после завоевания этих земель киевлянами – в середине XII столетия. Кроме него, на территории древней Волыни существовали и другие княжества: Луцкое, Пересопницкое, Щумское, Берестейское, Белзкое. В каждом си-

дел свой князек, и быть бы Роману всего лишь одним из этих малоизвестных истории деятелей провинциального масштаба, если бы, прямо скажем, не его выдающиеся личные качества и широкие родственные связи в Западной Европе.

Матерью Романа была сестра польского князя Казимира Справедливого – Агнешка. Сын Казимира, Лешко Белый, таким образом приходился Роману двоюродным братом. И именно его упросил Роман помочь захватить галицкий престол, когда в 1199 году там умер сын Ярослава Осмомысла – Владимир.

Собственно, не оказись польской помощи, не сидеть бы Роману в Галиче никогда. Репутация у него была отвратительная. Автор «Слова о полку Игореве» называет Романа «буйным». Волнуясь, князь начинал заикаться, а потом пускал в ход руки и все, что оказывалось под рукой. Хорошо, если подворачивались половцы. Тогда, по словам древнерусского летописца, он начинал сердиться на них, «яко рысь», и губить, «яко коркодил». Но хуже было то, что Роман не стеснялся и на русских землях.

Обстоятельства его вокняжения в Галиче остались неизвестными отечественной летописи. Зато их хорошо сохранила «Великопольская хроника». Второстепенный владимирский князь, пишет ее автор, хорошо понимал, «что является неравным по силам другим

князьям». Поэтому Лешка Белого он обхаживал, как никого в своей жизни. Роман говорил, что согласен быть в Галиче даже не князем, а всего лишь польским прокуратором. Что в противном случае пусть поляки не сомневаются: «всякий иной из князей Руси захватит этот престол» и будет несомненным врагом их государству.

При краковском дворе тут же образовались две партии. Одни говорили, что можно захватить Галич и без Романа, потому что назначать князем «иноземца» не совсем безопасно. А другие вполне резонно возражали: «Да какой же Роман иноземец? На каком основании может быть назван иноземцем тот, с кем наш князь Лешко находится во второй степени родства? Как можно сомневаться по поводу Романа, который был наивернейшим помощником нашего государства и даже как бы его наставником? Чья постоянная верность является испытанной? Кто из-за наших трудов имеет кровавые раны на своем теле? Чрезвычайным беззаконием является отказать в родственном благочестии или не оплатить ближнему взаимной услугой».

Справедливости ради заметим: Роман действительно сделал польским родичам немало добра. Лешку только исполнилось тринадцать лет. В разразившейся после смерти Казимира Справедливого междоусобице владимирский князь не только безоговорочно

поддерживал своего двоюродного братца морально, но даже поучаствовал в нескольких сражениях. Таким образом, пишет дальше хронист: «храбрый Лешко вторгается во владения Руси». А навстречу ему «выходят первые люди Галиции со склоненными выями. Обещают ему свое послушание, навеки верность и выплату подати». «Пусть достоинство вашей светлости, – говорят галичане, – соблаговолит решить, будет ли править нами лично или через установленное лицо. Мы ни о чем другом не просим, только бы слава вашего имени воссияла над нами».

И тогда Лешко предложил им Романа. Галицкие бояре ожидали чего угодно, только не этого. Роман уже правил у них несколько месяцев в 1188 году и хорошо врезался в память своей тиранией. Тогда волынского князя выбили из Галича венгры, и никто о нем особенно не плакал. Но теперь история повторилась на новом витке. И хотя галицкие бояре обещали Лешку Белому послушание на любых условиях, «лишь бы не попасть под иго Романа», тринадцатилетний поляк был неумолим и навязал им своего «крокодилоподобного» кузена, разменявшего пятый десяток. Предчувствия не обманули галичан. «Когда князь Лешко вернулся домой, – продолжает польский хронист, – Роман, войдя в роль жестокого тирана, захватывает не ожидавших этого знатнейших галицких сановни-

ков. Кого убивает, кого живым закапывает в землю, у других срывает кожу, разрывает на куски, многих пригвозждает стрелами. А у некоторых вырывает внутренности и уже потом убивает. Применяя все виды мучения, он является для своих граждан более чудовищным врагом, чем для неприятелей. Отсюда и возникла эта известная поговорка: «Нельзя безопасно попробовать мед пчел, пока не будет совершенно уничтожен их рой». Благодаря несчастью других он благоденствовал и в короткое время стал могущественным настолько, что повелевал всесильно почти всеми русскими князьями и провинциями».

Из приведенного отрывка следует, что князь Роман был психопатом, склонным к изощренному садизму. Чтобы показать, кто в Галиче хозяин, можно было и не сдирать с бояр кожу. Конечно, новый князь очень хотел добраться до богатств галицких «олигархов». Деньги были ему нужны для новых политических проектов. В мечтах он мнил себя владыкой всей южной Руси вместе с Киевом. Но отобрать финансовые излишки – одно, а выковыривать у их бывшего владельца внутренности – совсем другое. То, что польский хронист не врет, рассказывая о зверствах Романа, подтверждают и некоторые эпизоды из русской летописи. Владимирский князь издевался не только над галичанами. Захватив в одной из стычек литовских

пленных, он впряг их в плуг вместо быков. Удивительной фантазией обладал человек!

Подмяв под себя богатейший после Киева город, вчерашний неудачник тут же почувствовал себя первым парнем на Руси. Своего тестя киевского князя Рюрика он заточил в монастырь, с дочерью его Предславой развелся, в Киеве посадил своего ставленника, называя себя притворно его вассалом, а напоследок решил отплатить и благодетелям-полякам.

Гибель Романа во время похода в Польшу в 1205 году до сих пор считается исторической загадкой. Какого черта галицкий князь пошел походом на своего вчерашнего благодетеля Лешка Белого? Между тем объяснение удивительному поступку все-таки есть. При чем рациональное.

Роман ничего не делал просто так – из одной склонности к насилию. Его интересовали деньги и власть.

Незадолго до смерти Роман потерпел поражение в киевской политике. При всей своей внезапно возросшей силе номинально он числился всего лишь князем Владимирским – вассалом Луцкого князя Ингваря Ярославича и князем Галицким – по милости польской. Шаткое положение!

Ингваря Ярославича Роман пропихнул на киевский престол и тут же столкнулся с противодействием суздальского князя Всеволода Большое Гнездо – тоже

родственника. Причем родственника невероятно могущественного. Всеволод – внук Владимира Мономаха – попенял Роману за то, что он постриг в монахи своего бывшего тестя и захватил в плен его сына Ростислава. А ведь Ростислав приходился Всеволоду еще и зятем!

Что делать? Активность «буйного Романа» грозила разрушить все шаткое равновесие Руси от западного Галича до восточного Суздаля. Не отпустить Ростислава в Киев – придет с севера Всеволод и надает по шее. Отпустить – куда прикажете девать Ингваря Ярославича Луцкого, только что пропихнутого в Киев? Положеньице!

И Роман Ростислава все-таки отпускает. Тот уезжает в Киев княжить вместо постриженного в монахи отца, а раздосадованный Ингварь Ярославич, вынужденный сдать «киевский пост», с горя выдает свою дочь Гремиславу замуж за польского князя Лешка Белого. Таким образом, новая родня его жены окажется куда ближе к Лешку, чем Роман. А потом у польского князя пойдут сыновья, а их тоже нужно будет куда-то сажать – например, в тот же Галич.

Но ведь и пятидесятилетний Роман – молодой отец. Разведясь с Рюриковной, он женился на родственнице венгерских королей и византийских императоров Анне и в кавалерийском темпе наклепал себе двух на-

следников – Даниила и Василька. Одному четыре года, другой еще меньше.

И тогда Роман идет на рискованный, но единственный, с его точки зрения, разумный шаг – нападает на Польшу. Ему надоело быть властителем по чужой милости и выслушивать хоть и девятнадцатилетнего теперь, но все-таки молокососа Лешка, которому посчастливилось получить от рождения то, за что Роман всю жизнь боролся – большое настоящее государство, а не затерявшийся где-то в волынской глухомани владимирский удел. Дальнейшее «Великопольская хроника» излагает так: «Роман, часто упоминавшийся, могущественнейший князь русских, отказывается платить дань князю Лешку, смело противостоит его власти и, собрав большое войско, с сильным отрядом неожиданно вторгается в пределы Польши. Когда это узнал Лешко, он, тотчас собрав небольшой отряд вооруженных, спешит к нему навстречу в Завихвост, обрушивается на него, захватывает и побеждает. Русские, которые сначала пришли самонадеянно, были многие ранены, очень многие вместе с князем Романом убиты, остальные, увидев это, стали искать спасения в бегстве, причем многие жалким образом кончили свою жизнь в реке Висле. Так, Роман, забыв о бесчисленных благодеяниях, оказанных ему Казимиром и его сыном Лешком, осмелился напасть на сво-

их братьев, но получив удар мечом, испустил дух на поле боя. И было это в году от Р. Х. 1205».

От захвата Романом Галича прошло всего шесть лет.

Так был ли он «создателем Галицко-Волынской державы»? Нет и еще раз нет! Он был баламутом, бравым воякой и кровавым узурпатором, захватившим Галич только благодаря иностранной поддержке, а потом переоценившим свои силы и сгинувшим в неудачном походе против своих вчерашних господ.

Другие князья приводили половцев. Этот – поляков. Вот и вся разница. Из-за таких высокоинициативных личностей, как он, Русь только теряла свои силы, погружаясь в состояние всеобщего маразма. К удовольствию венгров, половцев и явившихся, наконец, как Божья кара татарских орд.

Блуд древнерусский

Политика политикой, а развлекаться ведь тоже надо!

Разврат на Святой Руси был всегда – даже когда еще и Руси-то не было. Самое раннее изображение «свободной любви» на территории Украины относится ко II тысячелетию до нашей эры. Оно называется Керносский идол.

Археологи до сих пор гадают, что за усатый бес изображен на каменной стеле с топором за поясом. Большинство почему-то сходится на спорной мысли, что это мифический прародитель какого-то племени. Зато не вызывает никаких сомнений то, что вырезано на боку у степного чуда, – приткий молодой человек без штанов накалывает на вздыбленный член бесстыдную юную леди, похотливо оттопырившую первобытный задок.

«Какая развитая цивилизация была!» – воскликнул мой друг, когда я показал ему репродукцию этого доисторического шедевра. – Возможно, они даже знали половые извращения!»

Ну, знали или не знали – другой вопрос. А вот что разбирались в половых излишествах – так это точно.

Древний славянин жил в обстановке, максималь-

но способствующей морально-бытовому разложению. Он не признавал изб, беленых хаток с вишневыми садками и тем более каких-то там коттеджей. Его жилище – полуземлянка размером в десять квадратных метров – как кухня в городской квартире. Только, в отличие от кухни, все это строение целиком сидело в почве, а над поверхностью торчала только двускатная крыша, обложенная дерном. Жилище хоббита – да и только!

Ютились в нем, кроме отца семейства, еще с десятков обитателей – жена с вечно распухшим от беременности брюхом и выводок сопливых детишек в домотканых рубашках. Вся половая жизнь – на виду. С вечера папаша забирался верхом на мамашу и, посапывая, вершил непотребное.

Тем более что вокруг землянки все только и склоняло к разврату – похрюкивали поджарые спортивного вида кнуры, взбираясь на круглозадых свинок, орали петухи, топча кур, и протяжно мычал от любовной тоски красавец-бык в ожидании податливой коровы с выменем, до которого далеко любим силиконовым подделкам. Деревенская идиллия!

Иначе отдыхали высшие классы.

По большому счету первые древнерусские князья – просто паханы банды рэкетиров, оседлавшей путь «из варяг в греки». Образ жизни они вели соответству-

ющий – настолько пряный, что даже у восточных путешественников, привыкших к роскоши гаремов, слюнки текли. Вот как описывает быт киевского двора арабский географ Амин Рази в книге «Семь климатов»: «Царь их постоянно живет в замке, очень высоком, и четыреста человек воинов постоянно находятся при нем и ночью спят у ног его ложа. И с каждым из этих четырехсот человек есть девушка, так что каждый, если имеет желание совокупиться, пользуется девушкой в присутствии царя. У царя также есть четыреста девушек, которые являются его наложницами. Трон его большой, увенчанный драгоценными самоцветами, сделан так, что на этом троне он сидит с сорока любимицами и в их обществе проводит время. И если у него вдруг появится страсть, он совокупляется с ними в присутствии своих сподвижников. И это дело они не считают постыдным. Царь их никогда не сходит ногами с высоты трона, и если он изъявит желание ехать верхом, то ему подводят лошадь прямо к трону. И нет у него другого дела, кроме как совокупляться с девушками, пить вино и предаваться развлечениям».

Эх, жили же люди! Причем не в Лас-Вегасе или гамбургском Санкт-Паули, а прямо здесь, в Киеве, на том самом месте, где теперь торчит Исторический музей с унылыми черепками и несет пережаренным маслом от бара «Ольжин двор».

Публичная любовь так нравилась древнерусским дружинникам, что все окрестные народы просто сбегались на них посмотреть. Главной статьей киевского экспорта был, кстати, не мед и не воск, как пишут в школьных учебниках, а красивые девки. Русы ловили их в подвластных деревнях, отмывали от крестьянской грязи и везли на Волгу – в славный мусульманский город Булгар. Отсюда живой товар расходился по всему Востоку.

Русы верили, что настоящий мужчина не может обойтись без секса даже после смерти. Вместе с конем, мечом и кольчугой дружинник прихватывал на тот свет еще и любимую бабу, которую предварительно с соблюдением красивых народных обычаев душили его друзья. Арабский путешественник Ибн-Фадлан в 922 году в Булгаре стал очевидцем колоритнейших похорон русского купца. Он описал их с мельчайшими подробностями, бережно сохранив для науки все, что смог рассмотреть.

«Когда умер тот муж, о котором я говорил раньше, то сказали его девушкам: «Кто умрет вместе с ним?» И ответила одна: «Я». Ее поручили двум девицам, чтобы они были с ней, куда бы она ни пошла – они даже мыли ей ноги своими руками. А девушка каждый день пила и пела, радуясь будущему.

Когда же наступил день, в который должны были

сжечь покойника и девушку, они нарядили мертвеца в кафтан с золотыми пуговицами и парчовую шапку и отнесли на корабль, посадив на стеганый матрац и подперев подушками, а девицу его подняли к нему.

И я увидел, что она растерялась. Мужички стали бить палицами по щитам, чтобы не было слышно ее крика, потому что другие девушки перестали бы стремиться к смерти со своими господами.

Потом туда поднялось шесть человек из числа родственников ее хозяина, и все как один совокупились с девушкой в присутствии мертвеца.

Как только они покончили с осуществлением своих прав любви, девушку уложили рядом с ее господином. Двое схватили ее за ноги, двое – за руки, пришла старуха, именуемая ангелом смерти, накинула ей на шею веревку и дала ее конец двум мужам, а сама стала вгонять огромный кинжал между ребер девушки, в то время как мужички душили ее, пока она не умерла.

Тогда ближайший родственник умершего взял палку и зажег ее от костра. Не прошло и часа, как корабль, девушка и ее господин превратились в пепел». Шокирующий отчет Ибн-Фадлана своему любопытному багдадскому халифу – на самом деле исключительно точный документ. Раскопки древнерусских могил подтвердили: с соблюдением именно таких сексуальных ритуалов наши предки и хоронили своих самых ува-

жаемых мертвецов.

Особенно крутым половым разбойником был князь Владимир Святой. Жизнь его – бесконечная череда плотских подвигов. Когда полоцкая княжна Рогнеда отказалась выйти за будущего крестителя Руси за муж, тот не просто захватил Полоцк, но еще и изнасиловал переборчивую невесту прямо на глазах у родителей.

Владимир был еще подростком. Самому ему такое и в голову бы не пришло. Но у него был дядя – знаменитый русский богатырь Добрыня. Тот, как пишет историк Татищев, повелел Владимиру быть с Рогнедой «пред отцом и матерью». И Владимир «был», приспустив портки и закинув девке подол на спину, после чего «нарек имя ей – Горислава».

По утверждению Нестора-летописца, главная «малина» князя Владимира была в Вышгороде. Там он держал триста девок. Еще одна в Берестовом – прямо у стены нынешней Печерской лавры. А третья – в Белгороде, бывшем тогда пограничной крепостью с печенегами. Всего же у «святого» имелось восемьсот наложниц и шесть законных жен. Но этим он не ограничивался, ибо «был такой же женолюбец, как Соломон – ненасытный на блуд, и, приводя к себе замужних жен и дев, растлевал их».

Функционировал князь как безотказная секс-маши-

на. Захватив Киев, он правил тут до принятия христианства всего шесть лет, после чего, если верить летописцу, стал примерным мужем византийской принцессы Анны. Куда девался гарем Владимира после крещения – неясно. Но можно представить, с какой интенсивностью спаривалось это чудо природы во дни своей языческой юности. А ведь нужно было еще и в поход сходить, собрать дань, отогнать от границ орды диких кочевников... Воистину князь по праву заслужил свое былинное прозвище – Красное Солнышко!

Быт и нравы цивилизации легко понять по ее уголовному кодексу. Едва научившись писать, Киевская Русь тут же стала покрывать стены своих соборов ругательствами и издавать своды законов об улучшении нравов. Один из них – «Церковный устав князя Ярослава» – рисует живописную картину морального падения наших пращуров. Знали они все – вплоть до лесбийской любви и скотоложества.

«Аще кто с животиною блуд сотворит, – указывает этот кодекс, – митрополиту 12 гривень». Тридцать гривен штрафа полагалось за групповой секс с двумя сестрами. Двадцать – за многоженство. Сорок – за инцест – когда «отец с дщерию».

Со временем склонность древних русичей к распутству только усиливалась. «Церковного устава» стало

не хватать, и князю Владимиру Мономаху пришлось ввести новое законодательство, где штрафы заменились поркой и отрезанием носов. По сто ударов плетью получали любительницы розовой любви, если «блуда ради бесилися, лезучи на купу, творящи иже муж едина, а другая женою». Извращенцы, «приложившиеся» к девице моложе тринадцати лет, продавались в рабство с конфискацией всего имущества. А кровосмесителей – пороли и разводили.

Зацикленность древнерусских законодателей на половых вопросах не должна удивлять. Во-первых, всякое извращенчество – дело действительно интересное. Борясь с ним, можно получить несравненное удовольствие – тоже по-своему в высшей степени извращенное. А во-вторых, регулируя телесный разгул, пытались спастись от венерических хворей, ибо презервативов – даже примитивных, из бараньих кишек – еще не знали, а наслаждения жаждали. Гнусный миф – что сифилис появился в Европе только после открытия Америки. На Руси его хватало всегда – даже за четыреста лет до хождения великого генуэзца в Новые Индии. Как утверждает вышедшее несколько лет назад в Москве солиднейшее исследование «Восточные славяне», «у населения Белой Вежи ставится бесспорный диагноз сифилиса». Ту же «радость» обнаружили при раскопках Старой Ладogi. Белая Ве-

жа – пограничная крепость на Дону. Ладога – такая же, но на Балтике. Перефразируя советскую песню, «от Дона до Балтийских морей древнерусский сифилис был всех сильнее». Зараза, занесенная в гарнизон, живущий замкнутой жизнью, повергала в ужас самых закаленных вояк. Если бы вы видели снимки этих изъеденных плотской «любовью» человеческих костей! Даже смотреть страшно!

Вот такая она была – жизнь сексуальная на «светло светлой и прекрасно украшенной земле Русской»!

Роксоланы для Италии

Отправляясь летом в Крым, читатель, не пропустите Кафу – нынешнюю Феодосию.

Оторвите утомленный отдыхом зад от нежного феодосийского песочка, поднимитесь к старинной Генуэзской крепости, присядьте в тени ее башен и спросите себя: «Отчего это в XIV веке, когда на месте Киева сорняком зарастали развалины княжеских дворцов, тут выперло такие «небоскребы»? А между тем связь прямая! Природа не терпит пустоты. В одном месте убудет, в другом – прибавится. От разгрома Киевской Руси Батыем неожиданно выиграла... Италия. Точнее, два предприимчивых города-государства, вылупившихся на ее территории, – Венеция и Генуя.

Со школьных лет мы запомнили рассказ о татарских людоловах, охотившихся по всей Украине за зазевавшимся мужичьем. Только соберет селянин зерно и, почесав пузо, задумается: а не развить ли ему теперь еще и культуру, как узкоглазые монголоиды с арканом уже под хатой! Хвать бедолагу и в Крым – сочинять невольничьи плачи. А вот куда девался этот ротозей дальше? Крым – он маленький. На карте, как гроздь винограда. Переварить тучи «сезонных рабочих» экономика полуострова просто не могла. Зато в

документах из западноевропейских архивов то и дело попадаются рабы и рабыни со славянскими именами – Лукьяны да Марьи. Отнюдь не турки были первыми, кто придумал припахивать несчастных украинских мужиков! «Просвещенная» Западная Европа отметилась в этом задолго до них!

В середине XIII столетия Турецкой империи и Крымского ханства еще не существовало физически. Дикое Поле контролировала Золотая Орда. А в Южный берег Крыма вцепились итальянские хищники, чья прожорливость ничуть не уступала современной сицилийской мафии. Венеция и Генуя соперничали между собой по всему Средиземноморью. Сначала выигрывали венецианцы. В 1204 году им удалось натравить крестоносцев на Византию и захватить Константинополь. Генуэзцы нанесли ответный удар только через полвека. Подсобив византийскому императору Михаилу Палеологу кораблями, они помогли ему отвоевать столицу. Но за это выцыганили себе монополию на торговлю во всех портах Черного моря! Согласно Нимфейскому договору 1261 года только генуэзцы имели право беспошлинно промышлять тут. Всем прочим итальянским купцам любая торговля в Черноморском бассейне строго воспрещалась.

И пошло-поехало! Татары ловили под Киевом хлебобобов и волокли к генуэзцам в Крым. Меха, хлеб,

воск и рабы через руки итальянских посредников стали расходиться по всей Европе. Место Киева в европейской торговле заняла Кафа. И не просто заняла, а даже переплюнула! В княжеском Киеве в эпоху его расцвета в XII веке жили 50 тысяч человек. К XV столетию количество киевлян сократилось всего до пяти тысяч. Зато в Кафе насчитывалось в это время 70 тысяч жителей! Хищнический симбиоз генуэзского купечества и Золотой Орды принес чудовищные плоды. Татары ловили, генуэзцы продавали – и вся эта милая «экономическая деятельность» продолжалась более двухсот лет!

В ноябрьском номере киевских «Университетских известий» за 1886 год мне удалось отыскать статью профессора Лучицкого «Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв.» Знаете, где этот Руссильон? Аж на границе нынешних Франции и Испании!

«Главным образом, – писал Лучицкий, – рабов покупали в Руссильоне для удовлетворения земледельческих нужд. Недостаток в рабочих и высокая заработная плата, требуемая ими, заставили руссильонцев искать в рабах удобное орудие для выполнения сельских работ».

Еще одной статьей дохода стала торговля женщинами, молодостью и здоровьем которых средневековый европеец желал пользоваться со всем пылом

своей «трубадурской» природы: «Русские рабыни и в Руссильоне, как и во Флоренции, покупались охотнее всего, их искали особенно усердно на рынке, и оттого-то и цены на них достигали максимума. Те же причины, которые создавали рабство во Флоренции и подымали там цену на русских рабынь, действовали и здесь почти в такой же степени. Покупали обыкновенно русских рабынь в возрасте от 18 до 30 лет; чаще всего таких, которые не перешли возраста в 23—25 лет».

Употребляли этих «прекрасных дам» в высшей степени цинично: «Рабыню русскую, всегда молодую покупали безусловно, и затем по истечении известного времени ее ребенок или дети продавались или отсылались в приют, а она сама уступалась во временное пользование другому лицу в качестве большею частью кормилицы... Это было делом крайне выгодным для рабовладельца. Покупая за весьма высокую плату русскую рабыню, рабовладелец легко вырубал свои затраты путем найма ее на время. Особенно улучшились в этом отношении его шансы, когда в Перпиньяне (столице Руссильона. – О. Б.) вошло со второй половины XV века во всеобщую моду держать русских кормилиц».

Теперь ясно, на чьем молоке выросла европейская цивилизация?!

Доходило до смешного – в 1456 году перпиньянский приют св. Иоанна оказался переполненным подкидышами от русских рабынь. Городскому совету пришлось содержать за свой счет 50 кормилиц для этих детей – наверное, из тех же рабынь. «Уже и в прежние годы, – иронизирует Лучицкий, – муниципальные власти не раз возбуждали вопрос о мерах пресечения развивающегося разврата в городе. Теперь они решаются принять более энергические меры. Все ренты приюта истрачиваются на незаконных детей от рабынь. Совет постановляет, что впредь этого быть не должно, и что всякий раз, когда к приюту будет подброшен ребенок, власти обязаны немедленно заняться изысканием родителей этого ребенка, и уже город сам возложит на них издержки по его содержанию в приюте».

Эта история происходит почти за семьдесят лет до знаменитого «путешествия» Роксоланы в гарем султана! Как видим, жители Перпиньяна вели себя куда более «по-турецки», чем сам главный турок! Стремясь застраховать себя от недоброкачественной сделки, они даже вносили в договоры о купле-продаже гарантии, что продаваемая не страдает сумасшествием, эпилепсией и женскими болезнями. Но однажды некий пройдоха по фамилии Брюгат все-таки сумел всучить купцам с Мальорки бракованную рус-

скую рабыню, названную в документах Антуанеттой. Те перепродали ее канонику Сакасу, который возбудил против них целое судебное дело – бедная 22-летняя Аннушка страдала нарушениями менструального цикла и потому была, по словам святого отца, «вечно больна». Остается посочувствовать похотливому католическому попику – он поистратился, а его так надули... Причем свои же однокорытники по цивилизации.

Генуэзская монополия на торговлю рабами с территории Руси продолжалась целых два столетия. Но в середине XV века Константинополь захватили турки и решили, что делиться с какими-то итальянскими гяурами доходами сам Аллах не велит.

Весной 1475 года на рейд Кафы, как бы между прочим, завернул ошестинившийся пушками султанский флот и попросил генуэзцев убраться на историческую родину – в солнечную Италию. Торгаши сдались через три дня, собрали бухгалтерские книги и драпанули домой – делать свое «Возрождение».

А по Дикому Полю поехали в обнимку классические татарин с турком – ловить человечинку и пользоваться так хорошо налаженной европейцами экономической машинкой. Но, надеюсь, теперь всем ясно, откуда на полотнах тогдашних итальянских художников развелось так много блондинок. При хроническом-то их дефиците среди аборигенок Италии...

Как пропили Великое княжество Литовское

Со взятием в 1240 году монголо-татарами Киева история не закончилась. Стоило татарам уйти в степь, как на опустошенные земли тут же полезли новые «колонизаторы» – литовцы. Колонизаторы были добрые. Местных жителей они не обижали. Наоборот! Просто обожали жениться на успевших спрятаться от узкоглазых степняков древнерусских красавицах.

Процесс этот шел прежде всего на верхних уровнях. Трудно сказать почему, но во второй половине XIII – первой половине XIV веков у Рюриковичей, правивших в Галичине и на Волыни перестают рождаться мальчики. Наследников по мужской линии нет. Зато девочки – чудо как хороши! Да еще и с огромным приданым, которое литовским парням столетием раньше даже не снилось.

Есть, к примеру, в Луцке знаменитый замок Любарта. Его до сих пор показывают туристам. Сам Любарт официально числился литовским князем, сыном основателя их самой известной династии – Гедимина. Но супругой его была луцкая княжна – «русьская», как писали тогда. А Луцк и всю прилегающую Волынь он присоединил как приданое – на совершенно легитим-

ных основаниях. В XIV веке никто даже не сомневался, что Волынь должна принадлежать именно Любарту – как раз это и считали законным.

Примерно так же в состав Великого княжества Литовского вошли и прочие земли нынешней северной Украины – Киевская, Новгород-Северская и Черниговская. Иногда дело, правда, доходило и до стычек. Но местное население смотрело на них в общем равнодушно. К князьям относились тогда примерно, как нынешние базарные торговцы – к рэкетирам. Их дело – «крышевать». Вот пусть между собой и воюют. Крестьянское же – землю пахать. А так как литовские пришельцы защищали своих «колхозников» от татар куда лучше, чем местные князья, то восприняли их вполне благожелательно. Ведь главное, что они сами на аркане никого в степь не тащили и другим не позволяли.

Так, как бы между прочим, малозаметная прежде Литва превратилась в Великое княжество Литовское и Русское. В XIV веке это государство процветало. В XV – проедало накопленное величие. Потом последовал непредсказуемый спад. В 1500 году Москва, выиграв у Литвы очередную войну, включает в свой состав Новгород-Северщину и Черниговщину. Еще через какое-то время прихватывает Смоленск и Брянск.

Нынешние украинские историки обычно очень расхваливают Великое княжество Литовское. Называют

его настоящим европейским государством. Постоянно вспоминают развитую судебную систему и два устава, по которым сутяжничали жители. Никогда не забудут упомянуть, что «украинский» магнат князь Константин Острожский дослужился в Литве аж до должности гетмана, что действительно было очень почетно. Единственное, о чем они забывают упомянуть, так это то, почему в XVI веке такая совершенная политическая система фактически стала вассалом Польши, заключив с ней в 1569 году Люблинскую унию и отдав за гарантии безопасности всю Украину?

Разгадка, между тем, на удивление проста. И поискать ее лучше всего не у современных «яйцеголовых», разглядывающих прошлое через академические очки, а у современников упадка Великого княжества Литовского.

Жил в середине XVI века некий шляхтич, оставивший на латинском языке печальное сочинение о своем времени, исполненное жалобами на испорченность нравов. Звали его Михайло Литвин. Записки его исследователям широко известны. Но цитируют из них только то, что выгодно. Между тем стоило бы дать ему слово, не ужимая цензурой. И тогда многие наши стереотипы неожиданно исчезнут, а вместо них появится подлинная картина.

Главными врагами Литовско-русского государства

были Москва и татары. Вот что пишет Михаил Литвин о них: «Силы москвитян и татар значительно меньше литовских, но они превосходят литовцев деятельностью, умеренностью, воздержанием, храбростью и другими добродетелями, составляющими основу государственной силы».

Одной из причин, способствовавших разложению Литовского княжества, стало увлечение его панов дорогими импортными товарами – турецкими лошадьми, заморскими пряностями, дорогими каретами, стоившими не меньше, чем сейчас «Мерседесы» и БМВ. А москвиты, как пишет Литвин, «до такой степени воздерживаются от употребления пряностей, что даже при изготовлении пасхальных яств довольствуются следующими приправами: грязноватую солью, горчицею, чесноком, луком и другими плодами собственной земли; так поступают не только простолюдины, но и вельможи, даже сам великий князь, отнявший у нас много крепостей... Между тем литовцы питаются дорогими иноземными яствами и пьют разнообразные вина, отчего происходят различные болезни. Подобно москвитянам, и татары, и турки, хотя владеют областями, производящими вино, но сами его не пьют, а продают христианам, получая за него средства для ведения войны, так как они убеждены, что исполняют волю Господню, если каким бы то ни было образом

истребляют христианскую кровь».

Существует стереотип, что Россия – страна повального алкоголизма, и такой якобы была всегда. Чуть ли не с сотворения мира. А Михайло Литвин рисует совсем другую картину: «Так как москвитяне воздерживаются от пьянства, то города их славятся ремесленниками, прилежно изготовляющими различные изделия; они снабжают нас деревянными чашками и посохами, также седлами, саблями, конскою сбруею и разного рода оружием, получая за эти предметы наше золото».

Зато литовцы в изображении мемуариста – полная противоположность расчетливым подданным московского великого князя. Причем под «литовцами» он подразумевает и белорусов, и украинцев – ведь все они принадлежали к одному государству. Правда, прежде, как пишет автор, «наши предки также избегали иноземных яств и напитков; трезвые и воздержанные, они полагали свою славу в военном деле, все удовольствие в оружии, конях, большом количестве слуг и вообще во всем, что проявляло твердость и храбрость, необходимые для ведения войны. Они не только отражали нападения соседних народов, но раздвинули свои пределы от одного моря до другого, и враги называли их «Храбрая Литва».

Но все это – в золотом прошлом. К середине XVI ве-

ка, «в городах литовских самые многочисленные заводы – это броварни и винницы. Литовцы возят с собой пиво и водку в военные походы и даже тогда, когда съезжаются, чтобы присутствовать на богослужении. Они так привыкают к этим напиткам дома, что если во время похода случится пить воду, они, вследствие непривычки, гибнут от поноса и дизентерии. Крестьяне, не радея о земледелии, собираются в корчмах, пьянствуют там день и ночь, забавляясь пляскою ученых медведей под звуки волынки... День у нас начинается питьем водки, еще лежа на кровати кричат: «Вина, вина!» и затем пьют этот яд мужчины, женщины и юноши на улицах, на площадях, даже на дорогах; омраченные напитком, они не способны ни к какому занятию и могут только спать».

Хваленая правовая система княжества – тоже миф. «Правосудие у татар выше, чем у нас, – пишет Михайло Литвин и тут же объясняет, почему, – ибо они всякому немедленно возвращают все, что ему принадлежит, между тем, как у нас судья получает десятую часть стоимости иска истца, ни в чем не повинного; эту плату судье, называемую «пересуд», должно вносить немедленно на суде». Да и само решение частенько выносилось анекдотичнейшим образом: «Наши производят суд каждый в одиночку, в пьяном виде, и удалив посредников и свидетелей; таким образом

они могут делать все что угодно».

Можно было бы принять мемуариста за мизантропа, обиженного судьбой. Но это вряд ли будет истиной. Именно в его время разложившееся Великое княжество Литовское проиграло все что смогло трезвой Москве, став таким образом первым государством, пришедшим в упадок от безмерного либерализма и пьянства.

По сути в Литве не запрещали ничего. Завоевав все, что осталось от Киевской Руси, за исключением Новгорода и Москвы, литовцы сами слились с покоренным народом, так что и мы теперь не знаем, как называть тех же потомков Гедимина – Острожских и Вишневецких – литовскими или украинскими князьями?

А водка, появившаяся тут на столетие раньше, чем в Москве, довершила дело. От огромного государства (в два раза больше современной Украины!) остался один миф, пропахший дешевой корчмой. Одним словом, не Великое, а Пропитое княжество Литовское.

Пьяное потомство Роксоланы

Авторы известного телесериала с Ольгой Сумской в роли Роксоланы забыли упомянуть о главной причине успеха этой обаятельной женщины при стамбульском дворе. Их можно понять. Они – люди глубоко приличные. А причина до изумления неприлична. Хоть и валяется чуть не под ногами. Так и быть, скажу: не было бы никакой знаменитой султанши украинских кровей, не окажись у Сулеймана Великолепного самой обыкновенной гетеросексуальной ориентации!

Да неужели? А вот, поди ж ты, именно так! Ибо, как ни странно это звучит, а Турецкую империю создали педерасты. Да-да, дикие степные педерасты на арабских скакунах, ничуть не похожие на своих сегодняшних собратьев, похотливо вихляющих бедрами в эстрадных шоу. Изредка они, конечно, интересовались женщинами. Но как бы между прочим – исключительно для продолжения рода. А в остальное время только и делали, что охотились за зазевавшимися мальчишками на всех трех континентах, доступных их армиям, – в Европе, Азии и Африке.

Папаша Сулеймана – Селим I, носивший ту же запоминающуюся кличку, что и популярный московский царь – Грозный (по-турецки – Явуз) – даже сколо-

тил из пленных мальчиков целый гарем. Извращенец отличался своеобразным вкусом, недоступным «непродвинутому» большинству. Своих избранных он непременно кастрировал. А к женщинам был настолько равнодушен, что, захватив после удачного боя всех жен персидского шаха, даже не пожелал их изнасиловать разок. «Неисправимый педераст, султан Селим Грозный, – пишет о нем в «Истории Турции» украинский историк Агатангел Крымский, – не захотел забрать себе шахских женщин: он приказал раздеть их всех и голыми выгнать вон из лагеря и лишь любимую жену Исмаила отдал своему приближенному вельможе».

На фоне таких предков султан Сулейман выглядел семейным уродцем. «Он не педераст, какими были прочие турецкие владыки, – докладывал родному правительству венецианский посол, добавляя с удивлением, – и любит справедливость». «Даже в молодости он не испытывал порочной страсти к мальчикам, в которой погрязают почти все турки, – вторил ему другой дипломат, посланник Германского императора Бузбек.

Интерес международной политической мысли к такой интимной стороне султанской природы не должен удивлять. В конце концов Европа переживала эпоху Возрождения. Причем, во всем – от архитектуры и жи-

вописи до секретной службы. Надо же было знать, кого ему подкладывать в шпионы – мужика или бабу! Но расчеты самой передовой тогдашней разведки – венецианской – спутала Ее Величество Судьба, зашвырнув в постель владыки полумира скромную поповскую дочку Настю Лисовскую из неизвестного украинского Рогатина.

К тому времени, как Сулейман Великолепный вступил на престол, Османская империя почти достигла предела могущества. Папа-извращенец постарался на славу, завоевав для сыночка Сирию, Египет и кусок Персии, что увеличило пределы подконтрольных территорий ровно вдвое. «Править – это сурово карать», – назидательно говорил он, после чего тут же наваливал терриконы из отрезанных голов. А коррупцию искоренял так радикально, что по Турции и сейчас гуляет поговорка: «Чтоб тебе быть визирем у султана Селима!» Редко какой премьер выживал у него больше месяца! Сулейман же, выросший на всем готовеньком, уже проявлял некоторую склонность к декадансу. «Бешеный лев оставил своим наследником ласкового ягненка», – сказал о нем итальянский политик Паоло Джовио и почти не ошибся.

Конечно, Сулейман тоже немножко нацедил крови из «гяуров» – и даже покорил Венгерское королевство, выстроив после боя под Мухачем пирами-

ду из двух тысяч красивых христианских черепов – в том числе восьми епископских. Но до размаха предка-беспредельщика ему было далеко! Стыдно сказать – втайне повелитель правоверных даже пописывал стишки! Да-да, самые настоящие стишки, под псевдонимом Мухибби, пронизанные мотивами тщетности земного богатства и славы! Недаром в турецкую традицию он вошел не под европейским прозвищем Великолепный (так его называли только за границей), а под куда более скромным отечественным «Эль-Кануни» – то есть Султан-Законодатель... Крючоктворец, попросту говоря.

Неудивительно, что к сердцу этого юриста на троне и протоптала потайную тропку украинская «интердевочка». Причем, протоптав, тут же отвадила ходить той же дорогой остальных. Чем она там его приручила – точно не известно. Венецианский посол считал, что Роксолана «молода, но не красива» («*giovane, ma non bella*»), а стамбульское простонародье на полном серьезе утверждало, что султанша – ведьма. Германскому послу Бузбеку агенты называли двух баб, поставивших для султанши зубы гиены – очень хороший любовный талисман, по мнению тогдашних «сексологов». Указывали даже на некую «Тронгиллу, еврейку-чародейку», вместе с которой Роксолана «с помощью заклинаний и любовных напитков» приво-

раживала Сулеймана. Вся дипломатическая колония билась над решением неодолимой задачи. Как? Как ей удалось? Этой маленькой неприметной сучке, ничуть не похожей на буйнотелую Ольгу Сумскую из многосерийного фильма!

Честно говоря, и я бьюсь над этим вопросом. И даже готов предложить свой вариант ответа. В гарем Сулеймана Роксолана попала в 1520 году, находясь в нимфеточном пятнадцатилетнем возрасте. Это уже кое-что – Набоков о такой, например, только мечтал.

Была она девушкой образованной – дочерью попа. Следовательно, грамотной и подкованной в Священном писании, имеющем немало параллелей с мусульманским Кораном. Значит, с ней было о чем поговорить – не то, что с неграмотными черкесскими красавицами, почему-то особо ценимыми в Стамбуле.

На каком языке разговаривать – тоже не составляло проблемы. Турецкая столица кишела выходцами из славянских стран, как пес паразитами. Мы представляем империю османов как нечто до скуки единообразное. Между тем реальная картинка была куда сложнее – вроде современного Киева, где кто-то говорит по-русски, кто-то по-украински, а кто-то на таком «канадійском» диалекте с «інвазіями» и «гелікоптерами», что его даже сам Симон Петлюра не поймет!

Итальянский разведчик Паоло Джовио в трактате

для императора Карла V (того самого, что накомылял французам при Павии), сообщал: «При султанском дворе разные языки в ходу: турецкий – язык властителя, арабский – на котором написан турецкий закон – Коран; третье место занимает язык славянский. на нем, как известно, говорят янычары...»

На стамбульских улицах слепые кобзари распевали думы на тех же языках, на которых говорили матери на Днепре и Дунае. Только пели они о победах их сыновей-янычар над христианами-гяурами! Не верите? Что ж, тогда вот вам свидетельство польского путешественника Мацея Стрыйковского, изложенное в написанной им собственноручно «Хронике»: «Я сам своими ушами слышал, как в Турции на улицах и базарах, на общественных рынках поют о подвигах храбрых людей сложными стихами, подыгрывая на скрипках, которые мы называем сербскими, на лютнях, кобзах и гарфах, к великой радости простого народа... Вот так и при мне в Царьграде, как отобрали в 1574 году у испанцев Тунис и Голету в Африке, то везде на улицах, в караван-сараях и харчевнях на турецком и славянском языке нищие громогласно распевали красивые песни о том, как мужественно шли на штурм янычары...»

Сулейман Великолепный прекрасно понимал язык своих лучших солдат – тот самый, что был родным

и для его любимой наложницы. Языкового барьера между ними не существовало!

Но главное – Роксолана была постоянно веселой! А найти бодрую, никогда не унывающую бабу – счастье для любого самца, будь он хоть трижды султан. И слегка меланхоличный, склонный к поэзии и депрессиям падишах взял да и влюбился, став пленником собственной пленницы.

Последствия этого выбора оказались трагическими для Турецкой империи. Не будем преуменьшать влияние славянского лобби в политической системе Стамбула – оно было огромно! Другой польский разведчик Михаил Литвин писал об обстановке при султанском дворе: «Все министры этих тиранов, евнухи, секретари и знающие люди и их особое войско – янычары, которые с детских лет обучаются военным знаниям и дисциплине, те, из которых выбирают военачальников и баронов, – все они родом из нашей крови».

Роксолане было на кого опереться в придворных интригах, чем она и не преминула воспользоваться.

Вскоре Стамбул погрузился в пучину интриг, вызвать которые может только украинская баба.

Пока янычары распевали на украинском языке бодрые песни, прославлявшие их славное янычарское житье, Роксолана занялась своим прямым делом – производством для султана наследника. Турция еще

не подозревала, какая страшная опасность нависла над ее историческим будущим. Но было уже поздно.

Наследник по имени Селим, честно говоря, получился так себе. К тому же у него был существенный изъян – он несколько опоздал к разделу государственного имущества. Кроме Роксоланы, Сулейман Великолепный более двадцати лет имел еще одну жену – черкешенку родом с Кавказа. Как пишет в «Истории Турции» Агатангел Крымский, «она превосходила украинку Роксолану тем, что «была не просто гаремной женщиной, а султаншей, и уже породила султану Сулейману сына-первенца, которого звали Мустафа».

Отец сильно любил Мустафу. Простой народ его просто обожал. Это был настоящий турок эпохи расцвета – дикий и кровожадный. Бежавший из Стамбула христианский пленник Джурджевич писал, что он «затмевает всех предшественников деспотизмом и жестокостью». С таким бы империя османов не заржавела! Держись, Европа! Но ему, как говорится, не хватило счастья.

Роксолана задумала устранить Мустафу, а на его место пристроить своего сынишку – Селима. То, что Селим с юных лет пил, как сапожник, ее не интересовало – зато «рідна дитина». Хоть и от турка.

Сначала она добилась устранения великого визиря

Ибрагим, поддерживавшего «черкесскую партию». Старый приятель Сулеймана визирь жил роскошнее всех в Стамбуле. Даже самого султана. Того до поры до времени это ничуть не беспокоило – друг есть друг. «Нет такой почести, которой бы он не заслуживал», – сказал про него однажды Сулейман. Но хитрая баба из Рогатина разрушила эту идиллию, и Ибрагим неожиданно для всех заслужил черный шелковый шнурок, которым его и задушили по приказу друга-султана.

Вместо Ибрагима пост визиря занял ставленник «славянского лобби» Рустем-паша – серб родом и верный сообщник Роксоланы – мужчина настолько угрюмый, что не улыбался никогда. Как всякий мрачный тип, он имел репутацию честного человека. Сулейман верил ему, как себе. К тому же Роксолане удалось убедить мужа выдать за Рустем-пашу их дочь. Именно Рустем сыграл главную роль в натравливании султана на старшего сына Мустафу.

А петля интриг Роксоланы все прочнее затягивалась у того на шее. И тогда соперница украинки не выдержала. «Предательница! – набросилась мать Мустафы на Роксолану. – Ты, базарное мясо, хочешь равняться со мной!» Произошла безобразная драка – такая же, как в украинском селе, когда бабы не делят приглянувшегося мужика. Чисто физический пе-

ревес оказался на стороне уроженки Кавказа. Используя элемент внезапности, ей удалось вцепиться Роксолане в лицо и выдрать клочок волос.

Как раз в этот момент явился старший евнух – кизляр-агаси – с приказом для Роксоланы явиться к султану. Потрепанная в гаремной потасовке прелестница ответила отказом, заявив, что «базарное мясо» пришло в нетоварный вид: предстать пред светлые очи падишаха с такой физиономией было бы для повелителя правоверных сущим оскорблением.

Сулейман, тем не менее, потребовал, чтобы она пришла, а потом вызвал на расправу и черкешенку. Гордая дочь гор темпераментно ругалась, наезжая на падишаха. Дочь степей обиженно молчала. Сулейман, как всякий мужчина, выбрал из двух баб ту, которая меньше действовала ему на нервы. Роксолану оставили в Стамбуле. Черкешенку отослали в провинцию к сыну Мустафе.

Однако тайный смысл всего происходящего не укрылся от иностранных дипломатов. Венецианский посол Наваджеро в феврале 1553 года доносил сенату: «Все намерения матери, которую так любит великий государь, и замыслы Рустема, обладающего такой большой властью, направлены только к одной цели: сделать наследником своего родственника Селима».

Дело это оказалось тем проще, что Мустафа и не

скрывал своего неудовольствия происходящим. Среди народа даже распространился слух, что старший сын, если бы мог, давно сбросил бы папашу с трона. Сначала Мустафу перевели из близкой к Стамбулу Магнесии в куда более отдаленную Амасию, а потом, когда в изоляции он окончательно утратил влияние, неожиданно вызвали к султану.

Осенью того же 1553 года Сулейман Великолепный расположился лагерем в Малой Азии, готовясь к войне с персидским шахом. К этому времени Рустем-паша и Роксолана окончательно сумели убедить его в том, что Мустафа, опираясь на популярность в народе, завязал тайные сношения с персами и готовит переворот, Султан немедленно вызвал наследника к себе.

Ничего не подозревая, тот зашел в султанский шатер и бросился, по обычаю, целовать отцу руку. Но Сулейман с гневом отверг эти изъявления преданности и подал условленный знак. «Немые» (так называли ближайших охранников падишаха) тут же набросились на Мустафу и задушили его петлей. «Все это происходило прямо на глазах у султана-отца», – докладывал французский посол де Сильв. Представитель германского императора Бузбек подбрасывает подробностей: «Сулейман, отделенный матерчатой стеной шатра от места, где разыгрывалась эта трагедия, вы-

совывал из-за нее голову и бросал ужасные и грозные взгляды на «немых», упрекая их за неуклюжесть гневными жестами».

Роксолана ликовала. Наследником вместо Мустафы стал ее сын Селим II Мест, что в переводе означает Пьяница. Интеллигентный академик Крымский, избегающий в своих работах крепких выражений, тем не менее не нашел для него других слов, кроме как «выродок-алкоголик и лютый деспот». «Правление его пошло, без сомнения, во вред Турции, – замечает он. Именно с Селима начался упадок империи османов.

«То, что русскому здорово, немцу – смерть», – говорит пословица. В умеренном климате Украины-Руси увлечение славянских предков Селима II горячительными напитками не мешало им сохранять здравость рассудка. Но в жарком стамбульском пекле султану, чтоб не болела голова, приходилось закладывать прямо с ранья – по утренней прохладе. Рабочий день повелителя полумира шел насмарку, едва начавшись. И ведь никто не смел возразить! Султан – самодержец, тень Аллаха на земле. Раз пьет, значит так надо за грехи правоверных. Турция могла вынести много чего. Но ген алкоголизма, занесенный Роксоланой в непьющую султанскую семью, оказался роковым для страны. Династия алкоголиков погубила великую державу!

Селим II правил всего восемь лет. Но за это время успел полностью потерять господство над Средиземным морем, проиграв испанцам битву при Лепанто (именно в ней потерял руку автор «Дон-Кихота» Сервантес). Внук Роксоланы Мурад III оказался таким ничтожеством, что вступив на престол, сказал только: «Я голоден, принесите чего-нибудь пожрать». После этого набожных мусульман не удивили ни нахлынувшие неурожаи, ни инфляция, ни мятежи янычар, ни открытая распродажа государственных должностей. С Роксоланы в Стамбуле начался тот режим, который историки именуют «правлением привилегированных женщин». У каждого султана отныне была своя «роксолана», вертевшая им за ширмой гарема так, как ей хотелось.

Недавно одна украинская феминистка весьма удивлялась, отчего это нашим мужчинам так нравится Роксолана? Какого беса из поколения в поколение мы с восхищением пишем о ней? Отвечаю: мы радуемся, что ее сдыхались. Страшно даже представить, какое бедствие принесла бы эта баба отчизне, не утащи ее на аркане татары прочь из родимых мест.

Развалив Турцию, она спасла Украину. Честь ей за это и слава!

Посмертные приключения Байды

Князь Дмитрий Вишневецкий несказанно удивился бы, узнай, что ему приписывают создание Запорожской Сечи. «Я послужил разным государям, – воскликнул бы он. – Но почему вы хотите любить меня за то, чего я не совершал?»

Иногда история превращается в фантастический роман. А наше дело – вернуть ее в рамки детектива. Как мы уже упоминали, опустошенный Батыем Киев подобрали литовцы. Пришельцы и русичи довольно быстро столковались, обнаружив общих врагов – татар, а потомство «тихого завоевателя», удачливого язычника Гедимины на славянских землях крестилось и необыкновенно размножалось, дав начало множеству княжеских родов – Чарторыйским, Збаражским, Корецким... Одним из них были и Вишневецкие.

Гнездо их – замок Вишневец на Волыни – стоит до сих пор. Они жили, занимали высокие посты, воевали с татарами и были вполне лояльны к Литовской короне. До тех пор, пока среди них не появилась необыкновенно энергичная и инициативная личность – Дмитрий Вишневецкий, которого из-за живости темперамента называли и просто Дмитрашкой.

Поначалу Дмитрашка растрачивал себя преимуще-

ственно на уголовные дела. В 1546 году судился с князем Чарторыйским за какой-то домишко в Вильно. В 1548 году привлекался к судебной ответственности за ущерб, причиненный крестьянам королевы Боны. Его заметили и дали проявить себя, назначив черкасским и каневским старостой – стражем степного пограничья, по которому, как команчи в американском вестерне, шастали дикие татары. Тут, где не доставали никакие суды, Дмитрий Иванович и раскрылся с лучшей стороны. У Дмитрашки был врожденный инстинкт власти. Именно в его разгоряченном мозгу родился первый, еще неуверенный проект того, что очень скоро назовут Украиной. Нюхом сообразив, что кусок степи между Литвой, Московией и Крымом лежит плохо (ну просто безобразно плохо лежит!), он принялся выкраивать из него что-то вроде государства. Он еще не знал, как оно будет называться, где пролягут его границы, но ему очень хотелось управлять. Все равно чем. Лишь бы чем-то своим. Кровным. И чтоб никакой король не мешал.

К тому же подпирала бедность. Вишневецкие плодились, как коты. У отца нашего героя, Ивана Михайловича, было, кроме Дмитрашки, еще три сына и две дочери, которых надо было выдать замуж. А воинства – всего четырнадцать всадников. В то время когда у князя Острожского – аж 426!

Дмитрий Вишневецкий стартовал как типичный бедный рыцарь. Должность черкасского старосты была самым незавидным местом в Великом Княжестве Литовском. Она сулила беспокойную пограничную службу, и не более. А нужно было выбиться в люди!

У Вишневецкого просто не оставалось выхода, как набрать самое дешевое в тогдашней Европе войско – казаков, готовых в случае крайней нужды служить даже не за деньги, а за право пограбить. Недостатка же в этом лихом народце, шатающемся в поиске смысла жизни по Дикому Полю, слава Богу, не наблюдалось.

Обзаведясь приватной казачьей бандой, Дмитрий Иванович спустился по Днепру ниже порогов и на острове Малая Хортица построил замок. А чтобы вооружить его, напал на татарскую крепость Ислам-Кермен и прихватил там несколько пушек. Это было уже слишком.

Крымский хан выбил Вишневецкого с Хортицы, а замок разрушил, после чего князь подался на службу к московскому царю Ивану Грозному. Но тут, где всячески давили частную инициативу, ему не понравилось, и он снова дернул на родину. Московский гонец в Литве Андрей Клобуков удостоил напоследок Дмитрия Ивановича такой служебной характеристики: «Притек Вишневецкий ко государю нашему, как со-

бака, и потек от государя нашего, как собака же». Обижаться за резкость на грубого москвитя не стоит – он просто не мог оценить широту планов нашего земляка.

Вернувшись домой, Вишневецкий сразу же затосковал без живого дела. На сей раз «плохо лежала» Молдавия, погрузившаяся в пучину междоусобицы. Вступив с отрядом в эту несчастную страну, изнемогавшую без твердой руки, Дмитрий Иванович сначала помогал претенденту, нанявшему его, – Гераклиду, а потом вдруг перескочил на сторону его соперника – Томши, пообещавшего нашему авантюристу этот самый малопонятный молдавский трон. В случае успеха князь мог бы войти еще и в пантеон национальных героев Молдавии, но неожиданно для себя стал мучеником за веру. Этого-то он совсем не хотел, но история меньше всего интересуется нашими желаниями.

В конце августа 1563 года в бою под Верчиканами (сейчас это территория Румынии) Стафан Томша, перехитрив Вишневецкого, разбил его братву, а самого захватил в плен, выковыряв из копны сена, где тот спрятался.

Впрочем, Томше не следовало бы слишком бахвалиться своей победой. Степной супермен Вишневецкий пребывал как раз в скверной физической форме и даже в поход отправился не на коне, а на телеге –

по причине мучившей его подагры.

Продержав пару месяцев пленника в Сучавском замке, молдавские бояре решили подарить его своему патрону – турецкому султану, у которого состояли в вассальной зависимости. А тот на радостях припомнил Вишневецкому все: и пушки Ислам-Кермена, и походы на Перекоп и Азов, совершенные на московской службе, и свои бессонные ночи, а потому приказал бросить давнего врага на крюк, где тот скончался аж через три дня, демонстрируя феноменальную как для подагрика живучесть.

По свидетельству генуэзского дипломата Грилло, ему отсекали руку и ногу, но «поскольку он беспрестанно проклинал магометанскую веру, убили стрелой».

Если когда-нибудь Украина наскребет денег, чтобы снять собственный историко-авантюрный сериал (а в это я все-таки верю!), то лучшего сюжета, чем приключения Вишневецкого, не найти. Тем более, что его прозвище – Байда – в переводе с татарского значит «гуляка».

Но кто же посодействовал тому, что этот авантюрист, выбравший в конце концов Молдавию вместо Украины, стал нашим национальным героем? Больше всех виноват народ, сочинивший славную песню о том, как Байда «в Цареграді на риночку п'є горілочку, п'є не день, не два, не одну нічку та й не годиночку»...

Песня, честно говоря, абсолютно бессмысленная, сочиненная отчаянными домоседами, плохо извещенными о том, как оно на самом деле в Стамбуле. То, что Байда мог пить сутками, – вполне вероятно. Чем ему в XVI веке еще было заниматься? А вот в то, что он ударился в запой посреди мусульманской столицы, где Аллах такие «демонстрации» строго запретил, – верится с трудом. Попробуйте-ка сегодня ввезти поллитровку в мусульманскую страну – я на вас посмотрю! Но, видимо, наши кобзари просто не могли вообразить себе непьющего мученика – не вписывалось это в их представления об идеальном герое!

А так как историки наши тоже не могут проводить свои исследования без рюмки-другой, то и они не оставили Дмитрашку без благосклонного внимания. Несколько строк у Яворницкого в «Истории запорожских казаков» создали ему репутацию на века: «Начало организации могло быть лишь с появлением на Низу общего предводителя казаков, впервые соединившего их в одно для общей цели – борьбы с мусульманами – и положившего начало столице их, называемой Сечью. Первую попытку в этом роде сделал знаменитый князь Дмитрий Иванович Вишневецкий».

Свою мысль Яворницкий никак не обосновывал. Да и не смог бы обосновать. Во-первых, «общие предводители» из польско-литовских магнатов использова-

ли казаков задолго до Дмитрашки. Имена их хорошо известны – Предслав Ляндскоронский, Бернард Претвич и Евстафий Дашкович. Во-вторых, во всех документах укрепление Вишневецкого на Хортице именуется не иначе как «замком» – вполне в феодальной традиции, не имеющей ничего общего с демократическими обычаями Запорожья. И в-третьих, вряд ли такой человек, как Вишневецкий, мог бы допустить, чтобы его кто-то там выбирал, кроме Господа Бога. Какая-то, стыдно сказать, голопупая чернь. Ни казачьим гетманом, ни кошевым атаманом современники его не называли – таких должностей просто не было в природе!

* * *

В Киеве в Музее истории на втором этаже висит портрет нашего героя, привезенный из родового замка в Вишневце. Надпись на нем гласит: «Дмитрий Корибут Вишневецкий, повелитель Днепровских островов, господарь Волошский».

Под этими титулами он и должен войти в историю. А Сечь... Сечь, честно говоря, не имеет к нему ни малейшего отношения. Как и он к ней.

Сагайдачний на Арбате

Помните старинную народную песню?

Ой на горі та женці жнуть,

А попід горою

Яром долиною

Козаки йдуть.

Попереду Дорошенко

Веде своє військо,

Військо Запорізьке

Хорошенько.

А позаду Сагайдачний,

Що проміняв жінку

На тютюн та люльку,

Необачний.

Интересно, куда бредет казачье воинство? И почему назван «необачним», то есть неосмотрительным, гетман Сагайдачный? Да и вообще какой поход воспевается в поп-хите XVII столетия?

Общеизвестно: Петро Сагайдачный был одним из самых удачливых казачьих полководцев. Талант лихого рубаки он сочетал с тонкостью дипломата. С запорожской чернью гетман говорил на одном языке. С

польским королем – на другом. В результате чувствовал себя как рыба в воде и в Варшаве, и на Сечи. Все пиратские предприятия его заканчивались блистательными удачами, которым позавидовал бы сам Генри Морган. Именно под предводительством Сагайдачного запорожцы захватили Варну, где взяли добра на 180 тысяч злотых, ограбили Кафу в Крыму и выиграла сражение с турками под Хотинном.

«Нет ни одного турецкого города на Черном море, которого бы казаки не взяли и не уничтожили», – писал об этом времени Пьетро делла Балле.

И лишь однажды гетману не удалось победить судьбу.

Весной 1617 года профессиональная армия польского королевича Владислава вторглась в Московию. Расчет был прост – воспользовавшись русской смутой, захватить царский престол и объединить под одним скипетром два государства. Тогда Владислав после смерти отца Сигизмунда III мог бы стать и польским королем, и государем Руси – «всея Великая, и Малая, и Белая». Но лихо задуманный план, как всегда, влип в русский климат. Повоевав год в московской грязи, покормив комаров и мух, наемники Владислава частично передохли, а частично разбежались. Самая же стойкая часть, которую не брали ни мороз, ни паразиты, застряла под Москвой, не в силах ни взять

ее, ни обратиться назад в Польшу.

Предприимчивый Владислав, большой жизнелюб и громила, но человек трезвомыслящий, уразумев, что в одиночку московским добром не разжиться, решил звать на помощь Сагайдачного. Тот сразу же откликнулся на монарший зов. Во-первых, на Черном море все было уже ограблено (нужно было дать туркам нагулять сальца), а, во-вторых, гетман никогда не бывал в Московии, которую с удовольствием обложил бы контрибуциями до самого Китая.

И все же Сагайдачный не был бы Сагайдачным, если бы сначала для виду не поторговался. Чувствуя, что на него как на крупного профессионала разбоя большой спрос, гетман потребовал от Польши гарантий православия на Украине, увеличения реестра и подконтрольной казакам территории. Скрепя сердце король согласился и отправил хитрому наемнику знамя, бунчук и булаву. По польским законам сделку должен был утвердить сейм. Но до него было далеко – обе стороны решили обойтись королевским словом. Зато у Сагайдачного было теперь все, что должно иметься у настоящего государственного деятеля – не только булава и банда, но даже печать! Нашлепав на радостях различных универсалов (честно говоря, я на его месте сделал бы так же), казачий вождь выступил в поход.

Для начала его хлопцы немножко разорили Киевское и Волынское воеводства, пошарпав имения мирных шляхтичей, хотя эти земли принадлежали не Московии, а нанявшей их Речи Посполитой, а потом ударным корпусом в 20 тысяч головорезов вторглись на территорию сопредельной России.

Первой жертвой казаков-колонизаторов стал несчастный Путивль, сейчас входящий в состав Украины, а тогда принадлежавший московскому царю. Затем настал черед городишка Ливны, где взяли в плен местного воеводу князя Черкасского. Последнее особенно обрадовало гетмана – с московского боярина можно было содрать весьма справедливый выкуп.

Под Ельцом казакам повезло меньше – его опытный воевода Андрей Полев погиб в бою. Выкуп брать стало не с кого. Зато удалось захватить жену воеводы – настоящую русскую красавицу с толстым задом и 30 тысяч рублей царской казны, следовавшей с московским посольством в Крым в виде взятки хану. Сгодились на худой конец и полсотни татар конвоя, попавших в страшную казацкую неволю, которой пугали сыновей крымские матери.

В это время сподвижник Сагайдачного Михайло Дорошенко с отдельным отрядом захватил Лебядин, Скопин, Данков и Рязск, вырезал местных жителей вплоть до младенцев; потом выжег Рязанщину, пере-

бил увещевавших казаков священников-москвитов, некстати лезших с напоминаниями, что, дескать, все мы – люди православные – и под Ельцом соединился с Сагайдачным.

Казалось, объединенное запорожское войско в измученной войнами стране никто не остановит. Но именно тут закончились его удачи. Шестнадцатого августа 1618 года гетман обложил никому не известный паршивый городок Михайлов. Жаль, что никто из наших кинематографистов, озабоченных поиском национальной идеи, до сих пор не снял фильм про эту осаду! Зрелище вышло знатное!

Запорожцы пускали в деревянную крепость «множество стрел с огнем», палили из пушек, натащили под городские стены кучу всякой легковоспламеняемой дряни и устроили такой фейерверк, что сердце радовалось!

Тем не менее дело кончилось ничем. Защитники Михайлова бросились на вылазку, сожгли все осадные сооружения и перебили множество «запорог». Рассвирепевший Сагайдачный пообещал, что спалит Михайлов дотла, а всем жителям от мала до велика прикажет отрубить руку и ногу и скормить собакам. Перепуганные перспективой такого невеселого будущего защитники Михайлова воспрянули духом и поклялись стоять до последнего. В самом деле: что

за радость смотреть, как твою любимую нижнюю конечность гложет какой-то бродячий пес? Да, лучше смерть в бою, чем такой «гуманный» плен!

Двадцать седьмого августа после второго неудачного штурма, потеряв больше тысячи человек, гетман снял осаду и двинулся на соединение с королевичем Владиславом. Как написал летописец: «Всепагубный враг Сагайдачный с остальными Запороги отиде от града со страхом и скорбию». День избавления от казаков выпал на праздник св. Николая. Михайловцы вплоть до революции 1917 года отмечали его как Божье чудо – самое великое событие своей скучной провинциальной истории, которую так оживили украинские завоеватели.

На перехват обозленному гетману к Серпухову маршировало московское войско под командой знаменитого князя Пожарского – того самого, что в виде памятника стоит теперь на Красной площади. По дороге Пожарский заболел и вернулся в Москву, сдав командование Гришке Волконскому. Смена полководца плохо отразилась на боеспособности армии. Сагайдачный разбил москвитов на реке Оке и Каширской дорогой двинулся прямо на царскую столицу, разоряя все на своем пути.

С другой стороны через Тушин на Москву наступал и Владислав. Решающая битва произошла в Замоск-

воречье. Гетман лично водил своих хлопцев в атаку, вырвал у воеводы Бутурлина узду и хватил беднягу булавой по черепу. Завидев, как воевода покатился с коня, москвиты в панике ринулись под защиту крепостных стен. Двадцатого сентября «братские» украинская и польская армии заключили друг друга в объятия и стали готовиться к решительному штурму.

Но тут произошла одна из тех случайностей, которые напоминают Божью кару – из армии Владислава к москвитам перебежали два наемника-француза. Дали деру они не с пустыми руками – взамен на подовые московские пироги дезертиры, принадлежавшие к отряду саперов, выдали главную польскую тайну – взорвать ночью Тверские и Арбатские ворота и, воспользовавшись паникой, проникнуть внутрь крепости.

Когда 30 сентября подрывники во главе с паном Надворским попытались привести этот план в действие, их встертил дружный залп из пищалей. Надворского ранили в руку. Отряд его отступил. Поляки и казаки, постреляв для острастки, отошли на исходные позиции. Несколько дней они потоптались под московскими стенами, а потом без лишнего шума сняли осаду. Война по сути закончилась. Амбициозный геополитический план варшавского двора превратился просто в очередной исторический анекдот.

Не стоит удивляться, что Сагайдачный и Влади-

слав так легко отказались от наступления. Начинаясь холодный октябрь – исключительно мерзкая пора в Подмоскowie. А армии двух полководцев состояли сплошь из «рыцарей удачи». Они шли грабить, а не героически гибнуть во время штурмов. Да и что можно было содрать с москвитов? Бедная, унылая страна, разоренная за десятилетие непрерывной войны. Черные избышки «на курьих ножках», грязные деревенские бабы, которых просвещенному европейцу неприятно даже насиловать... 1 декабря 1618 года в селе Деулине близ Троице-Сергиевой лавры было подписано перемирие сроком на четырнадцать с половиной лет. Царь терял Смоленск, Новгород-Северский, Чернигов и Стародуб, не считая двух десятков более мелких городов. Новая граница между Речью Посполитой и Русским царством прошла почти под Москвой – по Вязьме, Ржеву и Калуге. Это был апогей польского великодержавия – почти все земли древней Киевской Руси, если не считать Новгорода и Ростово-Суздальской земли, оказались в руках Варшавы.

Казачье войско получило 20 000 злотых за московский поход и 7 000 штук сукна. Но про привилегии православия впопыхах как-то забыли...

И все-таки это был славный поход, доказавший, что украинцы могут еще кое-что, кроме унылого пения под бандуру о прелестях татарских набегов. Поход,

о котором с такой документальной точностью повествует народная песня, запечатлевшая все до мельчайших подробностей. И имена участников – Дорошенко и Сагайдачный. И обаятельную их легкомысленность. И даже время выступления на войну – август. Тот самый месяц, когда «женці жнуть», а «козаки йдуть»...

Упущенный шанс Богдана

18 января 1654 года в соборной церкви Успения славного города Переяслава возникла маленькая, но неприятная заминка. Прибывший присягать на вечную верность государю всея Руси Алексею Михайловичу гетман Богдан Хмельницкий неожиданно почуял неладное. Что его смутило, трудно сказать. Быть может, хитрые бородатые рожи царских послов, напоминавших переодетых в боярское платье тамбовских разбойников. Или просто смутные предчувствия. Но только он ни с того ни с сего потребовал у московитов гарантий.

Обратившись к боярину Бутурлину, представлявшему светлую особу его царского величества, Богдан возжелал, чтобы тот тоже присягнул – «за царя».

Но Васька Бутурлин, мужчина твердый и решительный, в высокой горлатной шапке, напоминавшей воздетый на голову столб, выслушав эту взволнованную речь, ответил: «В Российской державе подданные присягают царю, а того, чтобы присягать за царя никогда не бывало и впредь не будет». «Запорожское войско должно присягнуть, – заметил посол, – а великий государь уж пожалует. Ибо за Богом вера, а за царем служба не пропадут». Не удовлетворен-

ный таким ответом Хмельницкий сказал, что ему нужно посоветоваться с товарищами и вышел из церкви. А посоветовавшись, вернулся и все-таки потребовал у бояр присягнуть. Причем запорожские полковники загалдели, что польские короли всегда своим подданным присягали. Но боярин Бутурлин упрямо твердил, что «того в образец ставить непристойно».

Назревал нешуточный скандал. Кто-то должен был уступить. Иначе две братские нации рисковали разойтись в мутных волнах истории, как в море корабли. Не имевший полномочий присягать Бутурлин не уступал. Хмельницкий же, шесть лет обивавший пороги московского двора, рисковал остаться один на один с польской армией. А на это у него просто не оставалось сил. Ни моральных, ни физических. Уставший гетман плюнул и сдался. Сдался безо всяких юридических гарантий, кроме устного слова государева, которое, по уверениям Бутурлина, «пременно не бывает».

Недоброжелательно настроенные к Богдану историки частенько корят его за этот шаг. И напрасно. Они совершенно забывают: провал гетмана был полностью предопределен фатальной ошибкой, совершенной им за целых шесть лет до переяславского инцидента – в ноябре 1648 года. Вот если бы тогда он проявил хоть на каплю больше твердости и жестокости!

Увы, под грозной внешностью у Хмельницкого билось сентиментальное сердце. Рыча на других, он скрывал затаенную слабость. За шесть лет до Переяславской рады Богдан публично обзывал польских послов обезьянами и грозил загнать их князей за Вислу.

Беспристрастный казацкий летописец Самойло Величко оставил нам следующее описание этого дипломатического приема: «Киселю он приказал замолчать, однако пригласил к себе с другими на обед. И чего только там эти послы не насмотрелись и наслушались, тяжело описать! Сам Хмельницкий пил с презрением к ним стаканом вареную горелку, а жене Чаплинского, на которой только что женился сам, и которая была так же пьяна, приказал тереть табаку. Послы, увидев это, постарались побыстрее уйти, изложив только одно требование».

Современному читателю, не знакомому с тонкостями тогдашнего книжного языка, следует объяснить, что выражение «тереть табаку» означает одно: вступить в половой контакт. Сам же факт публичного овладения польской шляхтянкой можно расценивать как своеобразный дипломатический жест. Чаплинская была той самой дамой, которую двумя годами ранее вместе с хутором забрал у будущего гетмана Чигиринский подстароста и из-за которой 50-летний Богдан и поднял восстание. Теперь, совокупляясь с ней на гла-

зах у послов, гетман, подобно вожаку в звериной стае, показывал, кто на Украине хозяин.

А ведь поначалу он о таком даже не мечтал!

Должен разочаровать любителей патриотических легенд – только последнее десятилетие жизни сделало из Хмельницкого того человека, которого мы знаем и ценим. До этого он отличался скромнейшим поведением. Мирно правил хутором Суботовом с мельницами, нивами и четырьмя ставками, кишевшими карасями, и время от времени отправлялся в поход по приказу польского правительства – то на турок, то на Москву.

Не отбери поляки у хозяйственного Богдана его хутор с карасями и бабу, ни за что бы он не вступился за права соотечественников!

Ведь даже поднимая восстание, Хмельницкий стремился придать ему видимость некой законности! Он постоянно напоминал, что взбунтовал казаков с согласия самого короля Владислава IV. Тот, выслушав в Варшаве жалобы казацких депутатов на притеснения шляхты, будто бы посоветовал им надеяться на собственные силы: «Разве у вас нет сабель, если вы называете себя рыцарями?»

Королевский совет звучит несколько странно. Но только, если забыть, что по тогдашней польской конституции власть монарха была строго ограничена

сеймом. Король являлся лишь символом государства и, в отличие от других европейских правителей, ни карать, ни миловать не имел права – разве что оказывать моральную поддержку. Время от времени та или иная шляхетская партия даже могла отстаивать свои требования с помощью оружия. Такая веселая форма политической деятельности называлась «рокошем».

Поэтому весь начальный период войны Хмельницкий рассчитывал не порывать с Польшей, а как-то вписаться в ее забавную политическую систему. До самого сражения под Берестечком казаки даже воевали под пожалованным королем знаменем традиционных польских цветов – белый орел на красном полотнище.

Эта половинчатость и стала для Хмельницкого роковой. После победоносной кампании 1648 года гетман мог двинуться прямо на Варшаву и в полном смысле отсечь Речи Посполитой голову. За его спиной лежали поля под Желтыми Водами, Корсунем и Пилявцами, усеянные выщипанными крыльями польских гусар, а впереди аппетитно благоухала кухонными дымами беззащитная польская столица.

Стоял ноябрь – всего только пять месяцев назад Хмельницкий был лишь жалким изгнанником, преследуемым польским правосудием. А теперь все складывалось, как в приключенческом романе, когда у противника неожиданно ломается шпага. Польша увязла

в выборах нового короля вместо умершего Владислава IV. Каждый тянул за своего кандидата – ни о каком организованном сопротивлении и речи быть не могло!

Несколько последних переходов уставшего, но закаленного в боях казачьего войска, и слово «блицкриг» навсегда вошло бы в военные словари мира в благозвучной славянской упаковке. Какой-нибудь Наполеон на месте Хмельницкого так бы и поступил.

Но Хмельницкий не был Наполеоном! Вместо того, чтобы обратиться к армии с простыми словами, понятными сердцу каждого казака: «Хлопцы, завтра все варшавские девки – ваши, а грехи беру на себя!» – он, как растерянный медведь перед зимней спячкой, топтался у стен второстепенной крепости Замостье, дожидаясь финала комедии выборов.

Почему же гетман не решил разорить Варшаву?

Да потому, что психологически это была и его столица! Полвека он служил ей верой и правдой – с тех самых пор, как отец младенцем посадил его по казацкому обычаю на коня. Именно сюда он ездил с депутациями Запорожского Войска и как вербовщик казаков для заграничных походов. Именно отсюда шло казакам жалование, приказы и отсюда же та сабля, которой наградил Хмельницкого Владислав за войну с москвитями под Смоленском и о которой после Переяславской Рады гетман не любил вспоминать.

Но до Рады еще долгих пять лет, а сейчас в кружащейся от неожиданных успехов голове Хмельницкого просто не укладывается его изменившееся положение. А потому вместо передовых отрядов он высылает к Варшаве послов на избирательный сейм, требуя отдать престол брату умершего Владислава – Яну Казимиру. Поляки говорили тогда о Хмельницком: «Бог наказал его слепотой!»

Именно Ян Казимир станет тем королем, который нанесет гетману страшное поражение под Берестечком, стоившее казакам 30 тысяч убитых. Но Хмельницкий сам выковал меч для своего будущего врага.

И если французский маршал Груши, на совести которого проигранная битва под Ватерлоо, имел всего одну секунду на размышление: идти ли на поддержку Наполеону или тупо выполнять его устаревший приказ о преследовании разбитых пруссаков, то у Хмельницкого для принятия решения была, по меньшей мере, неделя. Использовал он ее как исключительный тугодум.

Никакие последующие усилия гетмана – его исключительная хитрость, красноречие, умение управлять толпой – не вернут ту неправдоподобно благоприятную расстановку фигур, которой он не воспользовался. Ибо независимость Украины рухнула не в день Переяславской Рады, а холодными ноябрьскими вече-

рами 1648 года под Замостьем.

По-видимому, гетман и сам понимал, что совершил ошибку. Вернувшись из похода, он то благочестиво постился, то впадал в пьяный разгул и пел думы собственного сочинения, то молился, то советовался с гадалками. Завеса страшного будущего приоткрылась ему, ибо сознание подсказывало – недорубленный лес всегда вырастает.

Мало кто помнит, что Хмельницкий умер от разрыва сердца, не перенеся известия о поражении своих войск под той же Варшавой в 1657 году. Тело его лежало непогребенным почти месяц, а потом недолго покоилось в земле. Захватив Суботов, польский полководец Стефан Чарнецкий, некогда побывавший у Богдана в плену, приказал выбросить на поругание гетманские кости...

...Но гетман был сам виноват. И пусть это послужит уроком каждому, кто в череде ускользающих мгновений посмеет упустить свой единственный (всегда единственный!) шанс.

Миллион за город мертвого Льва

Сегодняшний Львов не стоит того, чтобы его завоевывать. Поезд из Киева прибывает сюда ранним утром. Ежась от холода, ты идешь мертвыми улицами, дома на которых пережили своих строителей и хозяев. Почтовые ящики, замазанные несколькими слоями масляной краски, под которой еще читаются польские надписи. Кафе, где днем невозможно помыть руки, так как воду включают только утром и вечером. Проститутки страшного вида, к которым опасно не то что прикоснуться, но и приблизиться. И какой-нибудь проникнувшийся религиозным пылом субъект, застывший на четвереньках под сводами храма. Два или три ночных клуба на весь город. Вырванные с мясом медные ручки, о которых сами львовяне шутят, что они «не пережили бум кольчужных металлов середины 90-х». И, простите за подробность, куча экскрементов, оставленная в подъезде каким-нибудь местным бомжем. Все это Львов! Город сырости и тоски.

Старых львовян уничтожила мировая война. Сначала немцы выбили евреев. Потом явившаяся в 1944 году советская администрация изгнала поляков. Пустующие квартиры заселили пришельцы из деревень

– те самые потомки носителей «культуры карпатских курганов», которые теперь составляют красу и гордость «украинского Пьемонта». Они могут сколько угодно проклинать Сталина. Но именно он подарил им этот город, в котором при Австрии их дедам улыбалась в лучшем случае судьба фельдфебелей и истопников. А такие, как Станислав Лем, уехали отсюда навсегда. В 1996 году, давая мне интервью в Кракове, старый фантаст признался, что никогда не возвращался после изгнания в город своего детства, где у его отца было два дома, – слишком уж тяжелы воспоминания.

«Инопланетяне» из сел, по-моему, так до конца и не освоились в подаренном городе. Разве что научились варить кое-какой кофе, который, тем не менее, значительно хуже итальянского. Когда меня спрашивают, что делать во Львове, я отвечаю на «львовской» мове: «Приїхати вранці, випити філіжанку кави, закусити канапкою, залізти на Високий Замок, а далі або вниз сторчма головою, або на потяг – і до Києва, до Києва, до Києва!»

Город Льва давно стал городом мертвого Льва. Львовяне сами хорошо это понимают. Они любят свой город. Но почему-то издалека. Самые предприимчивые из них теперь засоряют Киев, перенося сюда свою упадочническую энергетику и провинциальные

привычки.

Впрочем, Львов всегда был таким. И при поляках. И при австрийцах. Слишком удушливо перемешались тут миазмы Востока и Запада, сплетясь в чудовищном узле противоречий. Слишком непосилен груз старых грехов. Слишком сильна власть призраков.

Именно тут казнили славного казака Ивана Подкову. Тут умер в доме сумасшедших Иван Франко. Тут процарапывал свои кладбищенские летописи борода-тый тролль Грушевский.

Недаром символ города – речка Полтва, загнанная в канализацию. Так и течет она под львовской Оперой, подмывая фундаменты своей мертвой водой.

Малопригодное место для жизни! Даже в те времена, когда оно хранило в своих стенах неисчислимые сокровища, о которых остальная Украина могла только мечтать...

Средневековый Львов населяли четыре нации – поляки, православные украинцы, называвшиеся русинами, евреи и армяне. До конца XV века все эти этнические группы жили в относительном согласии. Но в следующем столетии, как пишет в изданной в 1844 году «Хронике города Львова» Денис Зубрицкий, «между ними уже начали появляться ненависть и гордыня».

Город принадлежал польскому королю. Поляки же

были самой многочисленной и влиятельной частью его населения. Как католики они с презрением смотрели на представителей других исповеданий.

В 1518 году Львов потрясла жестокая расправа, имевшая в основе как раз такой межэтнический конфликт. Какой-то вдовец армянин Ивашко завел служанку Софью «латинского обряда», то есть польку. Как сказано в приговоре, он даже «оплодотворил ее». Это, пишет Зубрицкий, «дошло до ведома рады, которую возмутил не столько сам грех, сколько то, что он, будучи неверным (ибо такими считали армян и русинов), решился проявить свою страсть к христианке».

Суд, рассмотрев дело, признал его «не терпящим промедления святотатством» и приказал сжечь влюбленную парочку, что и было тут же воплощено в жизнь.

«Неверные» армяне не могли понять «справедливости» этого городского суда и подали апелляцию королю. Тот, осудив поведение львовской Фемиды, приказал выплатить компенсацию наследникам сожженного армянина и, кроме того, каждому члену его общины – «по двадцать грошей».

Деньги выплатили. Однако обиженные армяне вернули их магистрату «из благородной гордости». Несчастливого зажаренного Ивашко королевская милость, естественно, не воскресила.

Вообще с развлечениями во Львове как-то не складывалось. Религиозного изуверства хватало. Зато веселье пребывало в постоянном дефиците. В 1473 году – том самом, когда в Кафедральном соборе «установили большое распятие», некий заезжий купец решил поправить ситуацию и открыл публичный дом.

Благочестивые туземцы тут же подали на него в суд и изгнали из города вместе с сообщниками, а имущество публично сожгли. Заведение «новатора» рядом с еврейской школой долго стояло незаселенным из-за «этого печального события». Только через сто лет «деревянный дом разврата» продали некоему Нахману.

При таких нравах нехватка женщин доводила львовских тинэйджеров до уголовщины. В 1580 году двое молодых мещан, переживавших период гиперсексуальности – Павел Еленек и Урбан Убальдини (в многонациональном Львове попадались и такие уникамы), поссорились на свадьбе из-за права потанцевать с симпатичной панной Анной Вильчковой.

Еленек зацедил Убальдини в зубы. Тот отплатил смертельным ударом, от которого соперник уже не оправился. Умирая, бедняга по-христиански простил конкурента и даже побеспокоился, чтобы тому сохранили жизнь. По-средневековому трогательная и дурацкая история закончилась тем, что Убальдини же-

нился на Анне и стал патриархом славного и многочисленного рода.

В таких пикантных забавах незаметно проходило время, перемежаясь для остроты ощущений набегам татар. Но что Львов запомнил по-настоящему, так это появление под его стенами огромной армии Богдана Хмельницкого. Зрелище действительно многократно превосходило по масштабу жалкие драки на чужих свадьбах и скромные сожжения одного-двух напроказивших горожан.

Появившись осенью 1648 года под львовскими стенами сразу после Пилявецкой победы, Богдан Хмельницкий рыдал, как крокодил. Правда, современная книга «Наш город – Львов», которую жители столицы Галичины теперь изучают на уроках «львовознавства», утверждает, что гетман «не был заинтересован во взятии Львова, хорошо понимая, что этот старинный украинский город будет не только ограблен, но и разрушен, и первыми жертвами станут, конечно, украинцы».

Денис Зубрицкий обрисовывает картину куда колоритнее. Во Львове находилось меньше двух сотен солдат и масса добропорядочных горожан, мало пригодных к боевым действиям. Серьезного сопротивления это воинство из торговцев и ремесленников оказать не могло. Судьба же украинцев-львовян интере-

совала Хмельницкого ничуть не больше, чем поляков, армян и евреев. Иначе с их помощью он легко бы захватил старую столицу князя Льва Даниловича. Но тогда армия гетмана попросту ограбила бы город, перепилась и, утратив стимул воевать, разбрелась бы по домам.

Как мудрый вождь Хмельницкий поступил иначе. Он взял со Львова контрибуцию, предпочитая делить кассу лично, а не пускать такой интересный исторический процесс на самотек.

Сначала в качестве аргумента для завязывания переговоров гетман захватил Высокий Замок. Согласно реляции львовского купца Андрея Чеховича, «казачество немедленно туда ворвалось и, будто хищные волки в овчарне, без уважения и исключения, до последнего вырезали, поубивали и истребили молодых и старших годами, взрослых и малых людей обоих полов, не щадя ни седобородых старцев, ни невинных детей. Опустошив замок и окрасив кровью его стены и траву, густо забросали башни трупами, они покинули его и отошли».

Львовяне поняли, что ждет их в случае несговорчивости и немедленно отправили депутацию для переговоров. Католиков представлял пан Вахлевич, русинов, т. е. украинцев, – пан Лаврисевич, а армян – пан Зухнович. «Допущенные к Хмельницкому, – пишет

очевидец, – мы встретили радостный и человеческий прием, он сам угостил нас горелкой, и мы долго говорили с ним, прося иметь уважение к столичному русскому городу... Он заплакал на нашу речь и выложил все обиды, которые претерпел и он, и Войско Запорожское от разных особ, но от указанной суммы выкупа никоим образом не хотел отступить». Сумма, названная казачьим вождем, произвела бы впечатление и на сегодняшних бухгалтеров. Он потребовал миллион!

Хмельницкий очень сочувствовал львовянам. Тем более что и сам совсем недавно пережил нечто подобное, когда поляки отобрали у него под Чигирином хутор. Но оставаясь реалистом, он не мог дать воли эмоциям. Для убедительности гетман пригласил на переговоры Тугай-бея – своего татарского союзника. Тугай с таким пылом попенял львовянам за несколько подстреленных ими татар, что те сразу же согласились на все условия.

Три недели собирали контрибуцию наличными и товарами. Платили все – и поляки, и украинцы, и армяне, и евреи. Кроме того, Хмельницкий лично получил 20 000 злотых одеждами и, так сказать, «сувенирами». Последним к раздаче подоспел обойденный Кривонос. «Я тоже много что смогу и уже смог, – сказал он, – и если бы захотел, Львов еще набрался бы

страха. Поэтому я не могу быть хуже других. Меня тоже следует уконтентировать сотней-другой золотых!» Сотня-другая обернулась на самом деле пятью тысячами.

Простые же повстанцы и казаки «перепили в городе горилку большими бочками, меды – полубочками, вино – полукубками, а мальвазию – баклагами». Удовлетворившись, армия ушла в сторону Варшавы. Как пишет очевидец, «великою толпою, в окружении захваченных в неволю пленников, а следы неисчислимых лошадей и рогатого скота покрыли окрестные поля на восемь миль, глаз не мог охватить такие густые полки».

Богдан Хмельницкий был самым удачливым из покорителей львовской твердыни. Подвиг его пытались повторить. Но до финансового успеха гетмана уже никто никогда не дотянулся. Даже Карл XII! Этому шведскому королю, взявшему город в 1704 году, досталась куда более скромная контрибуция – 70 тысяч злотых с поляков и армян, 50 тысяч – с украинцев, 40 тысяч – с евреев и 33 тысячи – с духовенства. В пять раз меньше, чем «освоили» Богдан с Тугай-беем.

Хоть в этом наших никто не обогнал!

Конец степной Елены

Роковая женщина в украинско-польской истории носила то же имя, что и Елена Прекрасная, из-за которой разгорелась Троянская война. Только произносили его на варшавский лад – Гелена. Именно из-за нее встали друг на друга два немолодых ловеласа – Чигиринский подстароста Чаплинский и сотник Хмельницкий. А вслед за ними поднялась и вся Украина. Поздняя любовь обернулась ранней кровью. Вроде бы хорошо известная история. Жил в Чигирине скромный сотник Богдан Хмельницкий. Хутор его, кишевший карасями и поросятками, приглянулся Даниле Чаплинскому – Чигиринскому подстаросте. Недолго думая, недвижимость он у Богдана отобрал, сына его на базаре до смерти заporол, а обиженный отец сбежал на Сечь и вернулся с казаками, после чего мстил уже до самой смерти – десять лет подряд. В результате, как Феникс из пепла, воскресла Украина, а бронзовый Богдан навеки вскарабкался на бронзового же конягу на Софиевской площади в Киеве и тычет булавой в сторону Москвы.

А вот есть же нестыковочки! Сыновей у Хмельницкого было, как известно, двое – Тимош и Юрась. Двое в 1646 году, когда эта история только завяза-

лась, и двое уже в те времена, когда сам Хмельницкий стал гетманом. Ни убавилось, ни прибавилось. Следовательно, кого бы там ни порол на базаре Чаплинский, а слухи о его зверствах несколько преувеличены. Юрась был еще маленьким – пятилетним – и для показательной экзекуции не подходил. А Тимоша не так-то просто было забить канчуками – его успокоило только турецкое ядро, прилетевшее в Молдавию, куда он явился немножко пограбить в 1652 году.

Во-вторых, на Суботов у Хмельницкого действительно не было юридических прав. Имелся только королевский привилей, выцганенный по знакомству у Владислава IV, но не утвержденный сеймом. То есть недействительный. Потеряв хутор после проигранной тяжбы, Богдан получил за него денежную компенсацию – 130 злотых – как возвращение вложенных в хозяйство средств. Сумма в принципе мизерная. За нее можно было купить разве что десяток сабель и, раздав голозадым соратникам, отправиться за добычей.

В-третьих, Чаплинский всего лишь исполнял судебное решение в пользу Чигиринского старосты Александра Конецпольского. И себе-то прихватил мелочь – девку, жившую в доме Хмельницкого в Суботове. Но эта девка и дала делу неожиданный поворот.

Наиболее подробное описание исторического скандала оставил Иосиф Ролле, чей очерк под псевдо-

нимом доктор Антоний опубликовал в 1894 году журнал «Киевская старина». Чигиринцы называли Елену ляшкой. Возможно, ее отец происходил из Польши. Вне всякого сомнения, она осталась сиротой, так как нашла пристанище в доме Хмельницкого и выросла у него на глазах. Трудно сказать, чем она там, собственно, занималась. Младший сын будущего гетмана Юрась испытывал к ней особую симпатию – вероятно, Елена присматривала за ним, когда он был ребенком. Жена Хмельницкого болела и нуждалась в помощнице. Энергичная помощница сумела занять местечко и в сердце ее мужа. «Но законная супруга была жива, – пишет Ролле, – приходилось ждать, и Богдан выжидал терпеливо, утешаясь надеждой на более или менее быструю развязку».

А Чаплинский мог и не ждать! Он был уже вдовцом, выдавшим замуж дочь, и сам не имел никаких препятствий к вступлению в законный брак и продлению своего рода еще и по мужской линии.

Как известно, женщины любят выходить замуж. Перспектива томиться за печкой, пока умрет жена Богдана, не улыбалась степной красавице – она приняла предложение подстаросты. Разъяренный Хмельницкий вызвал соперника на поединок, но сам едва спасся от устроенной тем засады. Обратился к Конецпольскому – напрасно. Подал иск в суд –

ему отказали. Богдан понесся в Варшаву. Вслед за ним ринулся Чаплинский. Оба предстали перед сенаторами как перед судьями. В списке обид уведенная девушка красовалась, как маковый цветок в огороде. Ее Хмельницкий даже называл своей женой. А Чаплинский убедительнейше это опровергал: «Он силой держал ее у себя, потому-то она так поспешно и ушла от него, а поскольку пришлась мне по сердцу, то я женился на ней. Никто не принудит меня отказаться от нее, а хоть бы и так, то она сама не согласится и ни за что не вернется к Хмельницкому».

Присутствующие стали потешаться: «Стоит ли, пан сотник, жалеть о такой особе! Свет клином не сошелся! Поищи другую, а эта пусть остается при том, что ей так понравился».

В сущности, это была скучнейшая провинциальная история. Вернувшиеся из Варшавы соперники продолжали грызться, как кобели. Чаплинский подговорил простого казака Песту обвинить Хмельницкого в предательстве. В ответ Богдан жаловался коронному гетману Потоцкому: «Невесть откуда взялся разрушитель спокойной жизни моей, Чаплинский, литовский зайда, польский пьяница, злодей и грабитель украинский, подстароста Чигиринский, который, распоряжась восемь лет в Чигирине угожьями своего пана польского, коронного хорунжего, лживыми поклепами и до-

носами вконец сгубил многих наших братьев и присвоил их собственность; и, конечно же, не пан хорунжий коронный, а слуга его, брехун, предатель и пьяница Чаплинский владеет Чигиринщиной». Зять подстаросты публично обещал прикончить Хмельницкого, время от времени его арестовывали и выпускали под поручительство – ни до, ни после Чигирин не ведал подобного скандала. Иногда за Богдана вступалась даже сама пани подстаростиха, что он впоследствии с благодарностью отмечал в одном из писем: «Если бы не эта добродетельная и жалостливая к невинно страждущим Эсфирь, не миновать бы мне мщения жестокого тирана, ее мужа». Потрясающе, но это единственный случай, когда национальный герой отозвался о женщине хорошо!

...Когда в декабре 1647 года Хмельницкий вместе с сыном сбежал на Запорожье, у Чаплинского отлегло от сердца – он победил. Увы, это было только затишье перед бурей. Уже по весне «украино-польский Батый», как именует Богдана Пантелеймон Кулиш, вновь вынырнул на границе с неисчислимой ордой Тугай-бея и полчищами ненасытных казаков. Как повествует татарский летописец Джанмухамед в «Книге походов», «настоящий лев, военачальник запорожских казаков – племени людей, что бьют в колокола, гетман по имени Мельниска... выбросил из сердца

прежнюю враждебность к нашей вере, не имея другого выхода, кроме как обратиться с просьбой о помощи, направил своих полномочных послов к хану. Исполнив церемониал подчинения, они пожаловались на свою слабость и на утеснения со стороны ляхов. А так как по обычаю Чингиса тому, кто обращается за помощью, прощается его прежняя враждебность и вина, то и вышел приказ прикрыть все былые обиды подолом прощения... Хан сказал, что тот, кто бьет челом о наш высокий порог и выявляет покорность, даже если он и гяур, не заслуживает того, чтобы быть оскверненным и истребленным своими врагами». А потом и сам падишах в Стамбуле «перепоясался саблей джихада».

Как передает эта фраза накал трагедии, разыгравшейся в забытой Богом степи! Совсем недавно Владислав IV планировал использовать запорожцев в затеваемой им войне против турок. А теперь уже запорожцы (неслыханное дело!) вели на Украину татар, участвуя в джихаде, и впереди шел гетман Богдан Хмельницкий, человек, осмелившийся из-за женщины преступить все – даже присягу королю.

Воистину эта безродная девка, степная Елена Прекрасная, не оставившая собственных детей, стала матерью, ненароком родившей Украину! Ведь не увидь ее случайно Чаплинский, Хмельницкий вместе со все-

ми ушел бы в задуманный королем поход на Крым и энергия казачьего порыва утекла бы, как вода в песок. Речь Посполитая стала бы еще сильнее. Православие тише, католичество крепче, а мы (точнее, те, кто родился бы вместо нас) превратились бы в настоящую Европу – такую, как Польша и Литва, а не евразийская Московия с бородатым Алексеем Михайловичем на троне, поэтом Блоком за ресторанным столиком и бандой пьяных попов, хлещущих водку валенками из самовара, не вылезая из бешено мчащейся по историческому тракту птицы-тройки. Хорошо бы было, да не для нас!

А потому лучше взберемся и себе на коня да поскачем, вопреки прогрессу, вместе с Хмельницким, казаками, татарами и отребьем всех мастей и посмотрим, найдет ли гетман наш свое мужское счастье, спрятанное в Чигирине у Чаплинского во дворе!

Это потом, уже советские историки назовут все случившееся весной 1648 года «национально-освободительной войной украинского народа». А поначалу даже Хмельницкий не знал, как оно называется. Ясно только, что получилось большое безобразие. «Многие из панов и шляхты в неволю пошли, а других посечено много, ибо орда не брала полон, чтобы не отягощаться, – пишет об этом походе казацкая «Летопись Самовидца», – но все вырубали, и так Хмельницкий

со своими войсками и татарами или с ордами великими просто к Львову потянулись, опустошая все города, и под Львов подступив, разоряли, только сам город Львов дал откуп за себя орде и Хмельницкому».

Союзниками гетмана были татары. И сам он вел войну по-татарски, применяя на практике полученный в юности опыт. Выкупленный некогда матерью из бурсманского плена Богдан отнюдь не гнушался работоторговлей в принципе. Занятие это, когда продавал он сам, гетману явно нравилось. После корсунского погрома пленным полякам, за исключением двух гетманов и шестидесяти высших офицеров, предназначенных лично хану, предложили выкупиться. Кто мог, так и поступил. Остальных же восемь тысяч забрал Тугай-бей в Крым. Даже гарнизон родного Чигирина перешел во временную собственность Хмельницкого – 65 офицеров и 520 рядовых пообещали наскрести по сусекам и заплатить победителю за свою свободу.

И только одну пленницу Богдан никому бы не отдал – Елену Чаплинскую, ставшую законной женой его врага. Иосиф Ролле так обрисовывает все случившееся с этим «трофеем»: «Где она пребывала во время кровавой борьбы, что случилось с ее неудачником-мужем – трудно сказать. В мае 1648 года в Чигирине уже не было польского гарнизона, поскольку сюда отправили польских пленных. Сомнительно, чтобы

Чаплинский в таких условиях и далее оставался при исполнении должности. По словам Величко, Хмельницкий после битвы при Желтых Водах послал к Чигирину 150 верных и опытных казаков и поручил им задержать Чаплинского. Поручение было выполнено, как положено, и через два дня подстароста предстал перед гетманом, который велел казнить его, а тело в знак презрения закопать далеко за обозом. Впрочем, если это было именно так, то как объяснить настоячивые требования гетмана к Речи Посполитой о выдаче ему того же Чаплинского, которые он выдвигал на протяжении всего последующего года? Не только письменно, но и лично просил Хмельницкий об этом Киселя как комиссара Речи Посполитой; конечно, Кисель отпирался бы, если бы Чаплинский уже был казнен. Между тем Хмельницкому важно было убрать с пути подстаросту хотя бы потому, что тот был женат на женщине, которую гетман взял себе в жены. Не подлежит сомнению, что Чаплинский сумел заблаговременно спрятаться; возможно, он наткнулся при этом на казачий отряд и погиб, а жена его попала в плен и в Чигирине ждала решения своей судьбы».

Решилась она оригинальнейшим образом. Среди авантюристов, болтавшихся по Украине в это время, числился и один подозрительный патриарх-самозванец, приставший к войску Хмельницкого. Не чуждый

наклонности творить чудеса «святой человек» отпустил пьяному гетману грехи без исповеди, ибо тот просто физически не мог ворочать языком, благословил и тут же за тысячу злотых и шесть лошадей заочно (!) обвенчал Богдана с Чаплинской. По-видимому, сделка патриарху так понравилась, что уже совершенно бесплатно он дал отпущение грехов еще и Чаплинской, а также «благословение на брак, три самозапальные свечи, молоко Пресвятой девы и миску лимонов». История кажется совершенно невероятной. Но ее подтверждает сам Хмельницкий в письме Киселю.

Рядовые казаки старались не отстать от предприимчивого вождя. Как пишет Самовидец, по всей Украине «жены шляхестские стали женами казацкими». Таким образом, не решив вопрос с независимостью, окончательно решили вопрос половой. Хотя, впрочем, и страшной ценой. Как риторически сетует тот же Самовидец: «Кто сможет сосчитать неизлечимый убыток в людях, что орды позабирали, а имущество казаки побрали, ибо в то время не было милосердия между народом человеческим». Иногда дело доходило до смешного. Мещане гибли просто за подбритый на польский манер затылок – любая мелочь могла стать поводом для расправы.

Не избежала ее и пани Чаплинская. В окружении

гетмана у нее появился неожиданный враг – старший сын Богдана Тимош. Вернувшись из Крыма, где он оставался у хана в заложниках, тринадцатилетний мальчишка попал в Чигирин как раз к заочной женитьбе отца. Его она явно не обрадовала. Монах, посланец весельчака-патриарха, привезший в Чигирин отпущение грехов, стал первой жертвой склонного к садизму Хмельницкого-младшего. Тимош сначала напоил гостя горелкой, а когда тот заснул, поджег ему бороду. Гетманша, чтобы вознаградить посланца за убыток, подарила ему 50 талеров.

В популярной кинопродукции 30—40-х годов причиной падения Чаплинской изображалось государственная измена. Фантазия сценаристов порождала на свет мифического иезуита-отравителя, подсовывающего гетманше что-то вроде крысиного яда для Богдана. Гетманша, втайне якобы сочувствующая Польше, зелье брала. Но ее разоблачали и куда-то уводили.

Великая эпоха не хотела признать, что вербовать Елену не имело смысла. Всю войну Чаплинская просидела в глубоком тылу – в Чигирине. А боевые действия шли на Правобережье. Там находилась и казачья армия. Любой перебежчик рассказал бы полякам больше, чем гетманша. А главное – быстрее. Не могла она с расстояния почти в тысячу верст и траво-

нуть гетмана – технически это было невозможно. Если бы поляки хотели его отправить на тот свет именно этим способом, то можно было бы действовать проще. Например, после заключения перемирия 1651 года Хмельницкий целый день пропьянствовал в коронном войске с польскими гетманами. Наука о медленнодействующих ядах пребывала в самом расцвете. Ничего не стоило его потихоньку травонуть и ждать, пока Богдан не протянет ноги по возвращении в казачий лагерь – скажем, недельки через две. Никто бы и слова не сказал.

Причиной же казни Чаплинской стала банальнейшая супружеская измена. В Чигирине было скучно. Хмельницкий все время где-то шлялся с казаками, а среди челяди обнаружился молодой часовой мастер, привезенный гетманом после удачного набега на Львов и возвышенный до должности хранителя домашней казны. На нем и остановила свой выбор ядреная бабенка, полная жизненных сил, искавших немедленного выхода. Сначала этому не придали внимания. Но хитрый Тимош следил за мачехой – возможно, еще и потому, что сам втайне был в нее влюблен, но получил отлуп. Следил и до поры молчал. Ему нужны были вещественные доказательства. В начале 1651 года гетман ушел в поход на Бар. Средств на войну оказалось недостаточно, и чтобы прокормить войско,

Хмельницкий вынужден был залезть в личные сбережения. За деньгами он послал Тимоша. В одной из бочек с золотом выявилась недостача. Началось следствие, которое проводил лично гетманский сын.

Под пытками несчастный часовщик сознался в краже и выдал Чаплинскую как сообщницу. По его словам, вместе они собирались бежать в Польшу. Хмельницкий был в сложной ситуации. Казнить? Жалко – вроде, не чужой человек. Простить? Всякая сволочь будет лазить в казну – никакой стражи не напасешься. Чего стесняться, если гетман – гуманист... Победила государственная необходимость. Скрепя сердце, а, может, не скрепя, Богдан выбрал первое. Весной 1651 года, в пору, когда раскрываются друг другу любящие сердца, «жалостливую к невинно страждущим Эсфирь», как называл некогда Чаплинскую Богдан, повесили прямо на воротах хутора Суботова. Рядом поцепили еще шестерых.

Весть о казни пришла в армию как раз накануне битвы под Берестечком. Сам король сообщил ее своим офицерам во время ужина, что дало повод к бесчисленным насмешкам над Богданом в лагере поляков. Хмельницкого охватила жестокая тоска. «Чаплинский, если был жив, мог удовлетворенно вздохнуть, – пишет Иосиф Ролле, – Он поквитался с гетманом».

Ибо даже в мести нельзя преступать некоего эстетического предела, после которого обиженный из восстановителя справедливости превращается в обыкновенного палача.

Дезертир Хмельницкий

Украинские советски историки, мягко говоря, недолюбливали «діяспорних» антисоветских. Последние платили им из-за океана той же монетой. Но странное дело! Как только обе конкурирующие фирмы доходили до описания битвы при Берестечке, как тут же начинали голосить в один голос: казаки проиграли Польше оттого, что сволочи-татары стырили в самый ответственный момент нашего гениальнейшего полководца Богдана Хмельницкого. Слямзили, понимаешь, гетмана, как Остап Бендер коня с шахматной доски! «Орда не выдержала удара, – сетовал крупнейший советский «казаковед» Владимир Голобуцкий, – бросила лагерь и начала панически бежать. Хмельницкий кинулся догонять хана, чтобы уговорить его вернуться. Но тот приказал схватить Хмельницкого. Предательство хана принесло много вреда украинскому войску. Польские военачальники, воспользовавшись отсутствием Хмельницкого и бегством орды, окружили казацкий лагерь с трех сторон. С четвертой казаков защищало болото. Начались тяжелые дни осады».

Орест Субтельный из канадского Торонто (оттуда виднее!) рассказывает эту подозрительную историю еще интереснее: «Битва началась 18 июня, продол-

жалась почти две недели и закончилась для Хмельницкого страшным поражением. Решающей ее причиной были действия крымских татар, которые в переломный момент бросили поле боя. Дело ухудшилось еще и тем, что татары похитили Хмельницкого, который попытался вернуть их в бой...»

Единственная неувязочка в том, что вели себя эти татары как для профессиональных воров крайне неубедительно. Как пишет дальше Субтельный, взяли да и отпустили гетмана – «только после битвы». Даже выкупа не потребовали – просто христианские святые, а не бусурмане, промышлявшие продажей зазевавшихся людишек через незабвенную Кафу. А ведь гетман-то стоил, небось, целый мешок золота! Это вам не какая-нибудь «темная лошадка» Роксолана, украденная 15-летней из отцовского дома, а великий человек, что-то вроде Кромвеля или Наполеона – персонаж, о котором взахлеб писали даже тогдашние французские газеты! Таким бы только торговать да торговать!

Голобуцкий, в отличие от заокеанского коллеги, видимо, понимая, что такой дешевой неувязочкой читателя не надурить, придумал кое-что поэфффектнее. Но без подробностей. У него после поражения «во главе казацкого войска снова стал Богдан Хмельницкий, которому удалось вырваться из ханского плена». За-

метьте: как вырваться, с чьей помощью – не говорится. То ли коня украл, то ли подкупил кого – ничего не ясно! Молчит Голобуцкий. А раз молчит, значит не знает – иначе бы сказал.

А как было на самом деле?

Привычка валить все на татар сильно облегчает нашим историкам работу. Между тем «крымским хищникам» следовало бы сказать и спасибо. Хотя бы разок. Для научной объективности. Голые факты свидетельствуют: во всех кампаниях Хмельницкого запорожцы только тогда побеждали поляков, когда им помогала орда. Казаки были стойкими пехотинцами, но плохими кавалеристами. Их легкая конница не выдерживала удара панцирных хоругвей Речи Посполитой. Тем более, ужасающей атаки крылатых гусар. Последних в польской регулярной армии насчитывалось к началу войны всего-то 1040 человек. Но это была лучшая тяжелая кавалерия в Европе – пущенная умелым полководцем по ровному полю в сухую погоду она сметала все на своем пути!

И Желтые Воды, и Корсунь, и Пилявцы стали возможны только потому, что плечом к плечу с казаками воевали татары. Выносливые и маневренные, они осыпали польских всадников тучей стрел, изматывали ложным бегством, а потом неожиданно переходили в контрнаступление. Моральное воздействие этих

«кентавров» было так велико, что когда их не было, казакам приходилось переодевать своих всадников в татар. Так поступал, например, знаменитый полковник Иван Богун, ничуть не похожий на того опереточного «п...страдателя», которого под его именем запустил в «Огнем и мечом» предприимчивый Ежи Гофман.

В прологе битвы под Берестечком ханская армия сражалась ничуть не хуже, чем обычно. Требовать от нее большего было бы просто глупо. В конце концов это была война за украинскую, а не татарскую независимость. Между тем именно татары на второй день сражения сбили с поля польскую кавалерию, нанеся ей тяжелые потери. Особенно болезненной утратой оказался полный разгром личной хоругви коронного гетмана Потоцкого и смерть нескольких знатных шляхтичей – в том числе галицкого каштеляна Казановского и люблинского старосты Оссолинского (брата самого канцлера, то есть премьер-министра Речи Посполитой).

В пятницу, на третий день побоища, когда из утреннего тумана выступило все польское войско, именно казаки заняли тактику выжидания, а татары вновь бросились атаковать! Чтобы остудить их пыл, поляки вынуждены были остановиться и открыть мощнейший артиллерийский огонь. В это время лихой рубака Яре-

ма Вишневецкий лично выпросил у короля разрешения ударить на Хмельницкого и прорвал линию возов, за которыми укрывалась казачья пехота.

И вот только в этот момент орда, не выдержав пушечного обстрела и атаки польского центра, которым командовал сам Ян-Казимир, бросилась наутек. Коронный хорунжий Александр Конецпольский кинулся за ханом, но король сдержал его, опасаясь, что ночная погоня (день клонился к вечеру) распылит войска. Тем более что казакам именно в этот момент удалось привести свои ряды в относительный порядок.

«Когда Хмельницкий увидел, что хан побежал, — рассказывал современник событий казачий полковник Савич, — он погнался за ним с 18 людьми, чтоб догнать и уговорить. Гнался всю ночь, аж до Ямполья — а Ямполь от Берестечка верст за двадцать или больше. Насилу гетман Богдан Хмельницкий нашел хана, разъезжая за ним в поле, и начал ему говорить с сердцем: «Яснейший хан, где твоя присяга и договор с нами, если ты пришел на бой, как на искушение и приману полякам? Ведь знаешь, ваша ханская милость, что войско Запорожское к услугам вам не раз ставало, а никогда вас не предало! Если ваша ханская милость так поступает, то знай, что я вступлю в союз со всеми христианами и буду твою землю воевать и тебе мстить!» Хан на это стал всячески божиться, что

он не бежал, а гнался за своими татарами, чтоб их перенять и уговорить вернуться к казачьему обозу... И тогда хан, и нуреддин, и мурзы присягнули Хмельницкому, что они вернутся всем войском назад под Берестечко».

Гетман даже послал в войско универсал с полковником Иваном Лукьяновым, чтобы ко вторнику казаки были готовы к бою, так как он возвращается с татарами. Но сама природа воспротивилась его замыслам. Июньский дождь лил, как из ведра. Татарское войско промокло до нитки, и уже на подходе к обозу запротестовало, обращаясь к хану: «Разве не видишь, что Бог нам не велит идти – дождь пустил? Куда нам теперь мокрым в болоте идти в бой с поляками – сами вымокли и кони заморенные и голодные».

Мы часто мерим события прошлого современным аршином. А то было время, когда ворожки толпами слонялись за армиями. Как огромный успех описывал один из шляхтичей в реляции королевичу из-под Берестечка поимку казачьей ведьмы, шлявшейся по польскому лагерю с горшком, полным ящериц, жаб и ужей: «Ее на том же месте немилосердно убили». Как победу над силами тьмы восприняли суеверные ляхи захват казачьей хоругви с венком из заячьей шкурки. «Наверно, то какое-то колдовство», – говорили они. Поэтому испуг татарских всадников перед внезапным

дождем не должен нас удивлять. Хан тоже объяснял его впоследствии колдовством: «Сам не знаю, откуда такой страх напал на нас. Не наслали ли поляки чар?»

Но был у этой паники и вполне реальный подтекст. Ливень лишил татарскую конницу главного оружия – маневренности. На голодной лошади по волынской грязи сильно не погарцуешь. Косматый непарнокопытный «мотор» ханского воинства требовал ремонта – овса и отдыха! Татары не могли не отступить!

Но с чем теперь было возвращаться Хмельницкому? С голыми руками? Запорожский гетман прекрасно знал то, что начнется после его возвращения. Какая-нибудь тварь из лагеря перебежит к полякам и расскажет, что гетман пришел без татар. А король пришлет парламентаров с известным предложением: прощение за бунт в обмен на выдачу Богдана. И казаки согласятся! Они соглашались всегда! И в 1596 году на Солонице, когда выдали на расправу Наливайко. И в 1635-м, когда продали Сулиму. И в 1637-м под Боровицей – сбавив с рук Павлюка. Продавать гетманов – любимое занятие запорожских «лыцарей», продувшихся в политические картишки. Хмельницкий знал об этом не из книжек. В конце концов он сам (тогда еще войсковой писарь) подписывал капитуляцию под Боровицей – говоря по-простому, «продавал» Павлюка. Пусть историки будущего курят фимиам бесстраш-

ным казачьим героям, Хмельницкий-то видел воочию этих полупьяных стражей православия – он сам был из них. Оказаться на месте Павлюка и отдать любимую бычью шею под меч варшавского палача? А вот вам!

То, что наиболее пронизательные из современников поняли, что произошло, доказывает дневник участника битвы под Берестечком польского шляхтича Освенцима: «Хмель, увидев, к чему идет, что лагерь с войском его уже взят в осаду, и сеном не выкрутиться, разве что выдачей его (Хмельницкого. – О. Б.), если он останется в лагере, поспешил за Ханом с Выговским, советником своим, предусмотрительно спасая свою жизнь и свободу. Поводом было, что он гнался за ханом, чтобы упросить вернуться... Только поводом, чтоб открутиться от казачества и холопства, взятого в блокаду, Иначе они его бы не выпустили и охотно купили бы себе жизнь его головой, если бы он не надул их...»

Никто из историков не описывает встречу Богдана с разгромленным под Берестечком казачьим войском. Но мы можем представить как это было: замученные и вшивые бредут вчерашние «лыцари» по грязной дороге. И тут перед ними вырастает Хмельницкий верхом на белом коне:

– Ну що, як без мене?

– Ой, батьку, так без тебе погано... Куди ж ти зник?

– Та хан мене, падлюка, закував в кайдани – ледве вирвався.

И гетман так посмотрел на своих «дггочок», что никто из них даже спросить не посмел, как он «вырывался». Как и то, почему казаки снова в союзе с этим «падлюкой» – Ислам-Гиреем? Ведь ровно через год татары в обнимку с Хмельницким окружают и вырежут в пень поляков под Батогом. И никто тогда крымским «предателям» не припомнит гетманские «кайданы» – даже сам гетман. Наверное, потому что этих кайданов просто не было.

Переяславский цейтнот

Строгие факты гласят: Переяславской раде предшествовали почти три года казачьих неудач. Летом 1651-го Войско Запорожское проиграло битву под Берестечком. Хмельницкому удалось заключить с королем Белоцерковский мир. Но условия его были ужасны. Подконтрольная гетману территория ужималась до пределов Киевского воеводства.

На карте нынешней Украины эта «держава» выглядит так, будто ее пометил с высоты птичьего полета голубь. Казачий реестр одним махом ужимался вдвое – до 20 000 условно «вольных» голов с уныло повисшими оселедцами. На остальные земли возвращались шляхта, польская администрация и все сопутствующие им прелести, от которых казаки целыми сотнями драпали на восток – аж за московские рубежи. На горизонте только мелькали их живописные шаровары (вместо утраченных под Берестечком боевых знамен) и печально скрипели возы со спасенными от ляхов бабами и стратегическими запасами домашних колбас.

Но самое печальное, что даже это компромиссное детище польско-украинской юридической мысли сейм так и не ратифицировал! Панству показалось,

что Хмельницкому оставили все-таки слишком много. В то время как гетман будет щемить своих вечерашних сторонников, не желавших признавать Белоцерковский договор (в мае 1652-го он казнит самого буйного из них – миргородского полковника Гладкого), варшавские теоретики так и не удосужатся придать сделке хотя бы видимость законности. Степень взаимного «доверия» сторон иллюстрирует красноречивый пример тогдашних дипломатических обычаев, описанный автором казачьей «Летописи Самовидца». Заключив Белоцерковский договор, Хмельницкий отправился пировать в польский лагерь, «взявши заставу добрую панов значных». Прогуляв целый день за здоровье короля с гетманами коронным и литовским, Богдан «повернул в цилости» и только после этого отослал своим собутыльникам заложников.

В момент подписания Белоцерковского соглашения Хмельницкому шел шестой десяток. Частые выпивки и нервная политическая жизнь не улучшали его здоровья. Хоть под старость хотелось стабильности. Вместо нее Бог посылал одни неприятности. Стиснутую обручем поражения казачью агрессивность нужно было куда-то выплеснуть, чтобы от неуправляемого взрыва не вырвало из рук булаву.

С горя Хмельницкий придумал поход в Молдавию – и там снова столкнулся с польской армией. В

неухоженной коммуналке Речи Посполитой оба народа уживались явно с трудом. И тот и другой отличались темпераментностью, упрямством и склонностью к кровавым эксцессам. На сей раз запорожцам сопутствовала удача. Напав без предупреждения на коронное войско, Хмельницкий одержал свою последнюю пиррову победу – под горой Батог. Украинские историки прославляют ее как «месть за Берестечко». Между тем побочный эффект ее вряд ли обрадовал старика Богдана – в пылу боя какой-то татарин сослепу отрезал голову польскому гетману Калиновскому.

Не стоит переоценивать варварство XVII века. Тогдашние войны вели профессионалы, соблюдавшие неписаный джентльменский кодекс: можешь сдать в плен – сдавайся, можешь взять пленного – бери. Жизнь благородного рыцаря оценивали в строго оговоренную сумму. Не брало пленных только темное мужичье, просто не понимавшее, какое это экономически выгодное предприятие.

Батогская бойня и непредвиденная смерть Калиновского настолько испортили Хмельницкому репутацию при варшавском дворе, что когда через год казацко-татарская армия окружит польского короля под Жванцем, Богдана даже не пригласят за стол переговоров. Хан будет договариваться с Яном-Казимиром без гетмана. Король пообещает вернуться к старым

условиям еще Зборовского договора 1649 года, самого выгодного для казаков, но... откажется присягать и удалится в Польшу собирать новое войско. Вот вам и последствия «Батігської перемоги»!

Еще одним ее неожиданным последствием стала смерть старшего сына Хмельницкого – Тимоша. Заполучив дочку молдавского господаря Василя Лупула – Розанду, он взял в приданое и все молдавские проблемы, вплоть до того шального ядра, что сразило его в Сучавском замке солнечным сентябрьским днем 1653-го.

Куда было деваться старому гетману? Что бы ни говорили о Польше середины XVII столетия, она оставалась сильнейшим военным государством Восточной Европы. Она сумеет еще отразить и шведский «потоп», и московское нашествие, и даже турок под Веной, спасая своих союзников-австрийцев и вместе с ними всю Европу. Одна в окружении врагов Польша будет сражаться тридцать лет, покрывая свои знамена закатными лучами славы, пока не надорвется и не сойдет с исторической сцены. Богдан Хмельницкий, начинавший некогда в рядах ее победоносной армии, хорошо это понимал.

То, что происходило с гетманом, на шахматном языке называется «цейтнот» – острый дефицит времени. Польша могла еще играть и играть, а у гетма-

на почти не оставалось жизненных сил. Можно было признать себя проигравшим и встать из-за стола. Кто-то другой, возможно, так бы и поступил. Но не Хмельницкий!

Чтобы свести партию вничью, требовался всего один, но абсолютно неожиданный ход. Богдан нашел его!

Пока шли переговоры с королем под Жванцем, пока Войско Запорожское и Речь Посполитая задыхались в юридическом вакууме, запутавшись в ворохе подписанных, но не ратифицированных бумаг, гетман, вопреки всем правилам, затащил на шахматную доску еще одну фигуру – бородатого царя всея Руси Алексея Михайловича – симпатичного полуазиата в поддельной шапке Мономаха. Конечно, в шахматах так нельзя. Но в политике можно!

В конце концов Хмельницкий никогда не сражался за полную независимость Украины. Вполне в духе феодальных традиций на протяжении всех шести лет войны с королем он тем не менее подписывался «гетман Его Королевской Милости Войска Запорожского». Это означало, что Богдан не собирался окончательно порывать с Польшей.

Но если сюзерен оказывается таким несговорчивым, то почему бы и не сменить его? Напрасно историки-спекулянты будут рассказывать байки, что Пере-

яславский договор означает «тимчасовий військовий союз гетьмана з Москвою». Новая подпись Хмельницкого, которую он стал использовать после Переяслава, говорит о другом – «Гетман Его Царского Величества Войска Запорожского». Союзники так не подписываются. Так называют себя только вассалы. И нужно отдать Хмельницкому должное – три последних отпущенных судьбой года своей жизни он проявил себя верным вассалом, ни разу ни предав царя. Гетманские измены начнутся позже – с Ивана Выговского. Но Богдан ими себя не запятнал. Он уходил от Речи Посполитой с чистой совестью – она могла бы сообщать на сеймах побыстрее. Юридически Хмельницкий был абсолютно чист.

Что было бы, поступи Хмельницкий иначе? О, это легко спрогнозировать! Позволю себе только одну цитату из дневника Патрика Гордона – шотландского наемника, успевшего повоевать и в польской, и в русской армиях: «1660-й год был чрезвычайно удачен для поляков: в начале его они заключили мир со шведами, очистившими после него Пруссию, хитростью завладели Могилевом и жестоко обошлись с русскими гарнизонами в Борисове, Быхове и других городах. Они одержали победу над князем Иваном Андреевичем Хованским при Лоховице и князем Юрием Алексеевичем Долгоруким при Басе или Губарах и победи-

ли – взяли в плен всю русскую армию при Чудне; в то же время они заставили казаков подчиниться, назначили у них зимние квартиры для своей армии и захватили большую часть городов и крепостей по южную и западную сторону Днепра».

Обратите внимание: все это происходит через шесть лет после Переяслава, когда Речи Посполитой противостоят объединенные силы России и Гетманщины! Надеюсь, ни у кого не осталось сомнений, что ожидало бы Хмельницкого, не подпишись он «гетманом Его Царского Величества»?

Возникла бы какая-то совсем другая реальность. Например, греко-католическая Украина без казаков, но с языком в виде польско-украинского суржика и полностью ополяченной Галичиной.

Может, кому-то от этого и было бы лучше. Но нас с вами не было бы, читатель! Да что нас... Не было бы даже тех, кто сейчас критикует Хмельницкого, повторяя шевченковскую фразу «Якби ж то ти, Богдане п'яний...» Как будто ее автор знал, что такое турецкий плен и свистящая мимо уха татарская стрела, и польская милость, и восстание, когда тебе уже за пятьдесят и в конце концов сведенная вничью партия в ситуации полного цейтнота.

Кровавая свадьба гетманского сына

Примерно за четверть века до восстания Хмельницкого в одном из православных украинских монастырей появился необычайно талантливый мыслитель. Имя его осталось неизвестным. Зато созданная им Густинская летопись пережила века и легла в основу казачьей идеологии. Суть учения этого анонима сводилась к тому, что славяне – не жалкие униженные рабы, а отчаянные головорезы, чьи предки некогда захватили Рим. Под именем венетов, утверждал этот ученый фантаст, славяне построили славный город Венецию. Скрестившись с немцами – дали начало знаменитому племени вандалов и «множество зла западной стороне сотворили, а потом Африку обсели». Отец Александра Македонского Филипп был у них заложником. А сам Александр дал им «на вечные времена из рода в род во владение все стороны от северного океанского ледовитого моря... А если найдется там кто-нибудь другого рода и другого языка, то пусть будет вам раб и наследники его пусть будут вам рабы навеки».

С такой концепцией можно было промаршировать с бодуна весь мир, не то что до Индийского океа-

на, а даже до Австралии, еще не открытой в те времена. Но «Дурень думкою багатіє», – говорит украинская пословица. Гора родила мышь. Практический вывод из амбициозной идеологической фантазии Густинского летописца получился более чем скромный. бей молдаван! Именно в эту страну направил свою агрессию Богдан Хмельницкий, едва оправившись от поражения под Берестечком. И действительно, кого ему еще было бить?

Поляков запорожцы побеждали только в союзе с татарами. Московский царь был силен и крут. Турецкий султан – вообще непобедим. Оставались одни молдаване – веселые, музыкально одаренные существа, давившие вино босыми пятками и мало интересовавшиеся геополитическими вопросами. Правил ими некто Василь Лупул – международный спекулянт родом из Албании. Поторговав в Стамбуле, он перебрался в Молдавию и достиг там чина «дворника» – говоря по-человечески, канцлера. А потом просто купил у турецкого султана местный высший пост, носивший странное украинское название «господарь». Удивляться этому не стоит. Молдавия находилась у султана в вассальном подданстве и, как говорили в Польше, «кто больше даст турку, тот и господарь».

Афера сулила немалую выгоду. Собираешь с молдаван налоги – примерно полмиллиона левков в год,

отстегиваешь 75 тысяч падишаху, а остальное – забираешь себе. Неудивительно, что богатство Лупула постоянно росло. Налогоплательщиков он грабил нещадно, а не тратился даже на приличную армию – все равно турки после «ревизии» снимут. Зато поддерживал отличные отношения с Польшей, куда собирался бежать после провала. Именно эту финансовую пирамиду под вывеской «независимое Молдавское княжество» и решил переписать на свое семейство Богдан.

У Лупула было две дочери. Старшую – Елену – он выдал за литовского князя Радзивилла. А к младшей – Розанде – подбивала клинья целая свора – и князь Дмитрий Вишневецкий, и Сигизмунд Ракочи (брат семиградского князя), и староста снятинский Петр Потоцкий. Хмельницкий выдвинул кандидатуру своего сына Тимоша.

Перспектива стать родственничком бывшего Чигиринского сотника не обрадовала господаря-спекулянта. Он отказал. Тем более, что к Розанде посватался еще и польский гетман Калиновский. В Молдавии вспыхнула война женихов. Калиновский с армией явился отстаивать свои семейные прожекты. Хмельницкий с казаками и татарами – свои. Все завершилось Каннами XVII века – батогской резней. Озлобленные поражением под Берестечком запорож-

цы жаждали реванша. Вечно голодные татары – добычи. И те и другие проявили чудеса героизма. Польская армия попала в окружение. Пленных вырезали. Калиновскому отделили гетманскую голову от гетманского туловища. Лупул сразу понял, кто настоящий жених.

Свадьбу Тимоша надолго запомнили в Яссах – молдавской столице. Хмельницкий-младший явился к невесте в сопровождении трех тысяч казаков и оркестра. Очевидец оставил его описание: «Волком смотрел исподлобья... хлопец молодой, с оспинами, малорослый, но большой гультай». Но особенное впечатление произвели казацкие «дамы» – жены полковников и сотников. Приехавшие из Чигирина в свадебном поезде, они появились во дворце только на обеде, а потом засели в трактире до самого конца торжества, длившегося шесть дней.

Впрочем, лучше бы им было и вовсе не показываться – на парадном обеде свахи устроили дискуссию с женами молдавских бояр. Каждый выяснял, кто больший аристократ. Особенно неистовствовала какая-то Галья Корниха – необычайно одаренная литературно вдова сотника. «Ото вже цяці, – кричала она молдаванкам, – якщо ви гарніші за нас, то нащо дочку вашу віддаєте за козака?» Ораторшу с трудом выпроводили. Но на лестнице она упала и покатила по сту-

пеням – пришлось на руках донести до кареты. Подруги Гальки тоже вызвали дикий смех, пытаясь одарить кучеров орехами. Их наряды с претензией на европейскую роскошь – свитки, подбитые соболями, выглядели настолько экзотично, что очевидец записал: «Можно было бы много об этом сказать, но скромность не разрешает».

А самое интересное началось после приезда молодых в Чигирин. Добравшись до аппетитной плоти Розанды, Тимош обнаружил, что тут до него уже кто-то побывал. Иными словами, невеста оказалась без девственности. Эту ценную часть своей природы она оставила в Стамбуле. По крайней мере именно так утверждала французская газета 15 ноября 1652 года: «Сын генерала Хмельницкого, Тимош, уже дважды бил свою молодую жену, дочь молдавского князя, упрекая за отношение к великому визирю, когда она была заложницей в серале и по милости визиря надеялась получить свободу. Но отец Хмельницкий, для которого это важно, всячески пытается склонить сына к лучшему отношению с женой».

«Молдавский проект» окончательно спутал карты гетмана. Не завершив войну с поляками на западе, он оказался втянутым еще и в интригу на юге. Венгры, обеспокоенные усилением украинского влияния в Яссах, организовали в Молдавии государственный пе-

реворот. Приобретенного с такими трудами свата пришлось спешно спасать. Тимош отправился с войском в Молдавию, восстановил Лупула на престоле, попытался развить наступление. И... потерпел страшное поражение на речке Яломница под Торговищем. Не спасло даже то, что рядом с гетманским сыном находился опытный полководец Иван Богун.

Сама природа отвернулась от клана Хмельницких. Внезапно хлынувший дождь подмочил порох. Казачья пехота, сильная огненным боем, утратила силу. Пять тысяч пленных запорожцев венгры вырубали, как какой-нибудь лесок. В июле 1653 года Лупул сбежал на Украину к новым родичам, а Тимош вместе с Розандой оказался блокированным в крепости Сучава.

Как на грех у Богдана именно в это время случился запой – целую неделю он «гулял по пасекам». А протрезвев, дал молдавскому господарю чарку горелки и ценный совет: «Ось, брате, найкраща втіха в горі». В отчаянье молдаванин кинулся в Крым к хану – нанимать татар.

* * *

Все решило неожиданно прилетевшее в Сучаву ядро. И прилетело-то оно так, словно нехотя, попав в стоявшую рядом с Тимошем пушку. Осколком пушеч-

ного колеса его ранило. И началась гангрена, съевшая, как огонь, восемнадцатилетнего «гультая».

Девятого октября крепость сдалась – казаки отступили на Украину, не взяв ничего, кроме мертвого тела Тимоша. С ними ушла и молодая вдова в сопровождении одной служанки.

Так погибли широкие имперские планы завоевания молдавских виноградников.

Постельный переворот Выговского

В отечественной истории гетман Иван Выговский имеет имидж маленького «мазепы».

Русофилы клеймят его за измену царю-батюшке Алексею Михайловичу. Националисты прославляют за то же самое. В популярной советской беллетристике 40—50-х годов он – главный «зрадник». В куда менее растиражированной аналогичной украинской продукции 90-х – борец за «европейський вибір».

При этом и те и другие забыли, что «борець» и «зрадник» – еще и ближайший родич Богдана Хмельницкого. И что свою карьеру он сделал не без помощи разногласий в семейном клане гетмана. Иван Выговский был авантюристом и... трезвенником. В отличие от большинства казаков, он не пил. Он был незаменим во всех государственных делах, требовавших ясного бюрократического сознания, и в то же время непопулярен в широких массах из-за полного отсутствия интереса к разгульной жизни.

Карьеру у запорожцев будущий гетман начал, отправившись на них в поход вместе с поляками и попав в плен к союзникам Богдана – татарам. Видимо, в 1648 году дефицит грамотных людей у Хмельницкого

был так велик, что он тут же выкупил Выговского – по легенде, за старую кобылу – и сделал сначала своим личным секретарем, а через год – генеральным писарем всего Войска Запорожского.

Крутой поворот судьбы Выговского не должен смущать. И он, и Хмельницкий до войны принадлежали к одному гербу – Абданку – и хорошо знали друг друга лично. Гетман популярно объяснил своему старому знакомцу, какие блестящие перспективы открываются перед ним. Тот согласился с аргументацией Богдана и радостно побрел в сторону этих перспектив.

По-видимому, трезвенник Выговский был еще и настоящим хватом. Ранняя Хмельнитчина расширяла горизонты не только в карьерном, но и в сексуальном смысле. В кампанию 1648 года победители-казаки наловили массу симпатичных шляхтянок и евреек, которых рассматривали как законную воинскую добычу. Киевский воевода Адам Кисель грустно вспоминал, что все девушки из свиты его жены сбежали к запорожцам – «даже панянки». Женщины всегда нюхом чуют успех. «Наверное, эта привольная беззаботная жизнь имела для них свою привлекательность», – писал уже в XIX веке в «Киевский старине» польский историк Иосиф Ролле.

Множество девиц в казачьем плену успешно расплодилось. Когда татар и запорожцев оставит уда-

ча, эти полонянки вернутся домой с отпрысками и подарят истории забавные двойные фамилии новых аристократов – Козаченко-Калиновских, Казак-Кубалинских, Крымчаков-Волковинских и Татар-Толкачей. Особенно много таких «гибридов» оказалось в Барском и Овруцком староствах, где шли наиболее интенсивные боевые действия.

Нашел свою судьбу и Выговский. Жизнь с казаками ему так понравилась, что на радостях он украл некую панну Елену Стеткевич из сенаторского рода – родственницу князей Четвертинских, Сангушек и даже Огинских, еще не успевших произвести на свет будущего автора знаменитого полонеза. Правда, в отличие от типичного запорожца, положительный писарь тут же пожелал на барышне жениться. Кое-кто из родственников невесты возражал – брак с каким-то там Выговским, да еще выгнанным до войны из Киевского суда, а потом приставшим к Хмельницкому, казался им скандальным. Особенно возмущалась некая княгиня Любецкая. Но ее послали куда подальше. Тем более что невеста приближалась к тридцати – особенно деваться ей было некуда. Венчание состоялось в Киеве по православному обряду.

Довольный Выговский обзавелся полезными знакомствами среди влиятельнейших польско-украинских родов, после чего отбыл в Чигирин к гетману. Са-

ма же молодая жена осталась в Киеве – ехать в столицу Богдана, имевшую славу Гуляй-поля XVII века, она не пожелала.

Следующим шагом Выговского стал еще один брачный проект – за своего брата Данила ему удалось со сватать любимую дочку Хмельницкого – Екатерину. Талант писаря на семейном поприще просто поражает – только он умел смягчать внезапный гнев Богдана, вызванный постоянными излишествами и психологическими перегрузками ремесла действующего политика. Клан Выговских потихоньку стал перебираться в Чигирин. Фактически Ивану удалось совершить тихий «постельный» переворот.

Когда в 1657 году гетман Богдан внезапно умер, в живых из его сыновей остался только несовершеннолетний Юрась. Естественно, никакого престолонаследия в Украине не существовало. Гетман – не царь. Без выборов он – ничто. Казаки, собравшиеся на раду в Суботове, стали, по словам «Летописи Самовидца», кричать, «жебы сын Хмельницкого гетманом зоставал». На том и порешили. Но по причине несовершеннолетия нового «вождя» реальную власть передали писарю Выговскому. Последний, как пишет летописец, нашел юридическую «дыру» – он упросил войско предоставить ему право подписываться под документами «На той час гетман войска запорожского» –

что-то вроде врио – временно исполняющий обязанности. И чернь «яко простые люде» это ему позволила. Официально, идя каждый раз на службу, Выговский должен был брать булаву у малолетнего Юрася, а после службы сдавать ее обратно. Но как-то так получилось, что булава словно сама собой взяла да и заночевала у него. Тут все и почувствовали, что пришло время нового режима.

В Чигирин потянулись родственники Выговского. Братья Данило и Константин получили по полку. Других щедро награждали хуторами, именьями и должностями в надворной охране. «Казалось, весь Выгов опустел», – пишет ехидный Ролле.

Приехала даже жена Выговского – Елена Стеткевич.

В авангарде кортежа двигались музыканты и несколько сотен «лейб-гвардии», потом карета с новой «первой леди» и целым выводком пань и панянок. Пьянки прекратились. Гарнизон Чигирин отныне состоял из наемников-немцев под командой Даниэля Оливемберка. В политике победила «польская партия» – ориентированная на разрыв с Москвой и возвращение под крыло белого польского орла. Юрась Хмельницкий плакался, что ему «не оставили даже несчастного Суботова».

Вместе с Выговским в Чигирине появился и некий

Феодосий – таинственный грек из Львова, представленный как близкий приятель. Новый самозванный гетман уединялся с ним для секретных бесед. Лжегетманша души в Феодосии не чаяла. Тут же появился слух, что на самом деле грек – дипломатический агент, влияющий на судьбу Украины. Недовольство передалось даже заслуженным Чигиринским сотникам – старой гвардии Хмельницкого. Выговский тут же сократил ее и основал свою личную хоругвь под командованием Степана Радлинского – как свидетельствует список, большинство ее вояк составляли шляхтичи из Волыни и даже Польши. Для большей безопасности самозванец договорился с татарским мурзой Карамбеем, что тот будет держать под Черным лесом свое войско – мало ли что может случиться.

Выговскому действительно удастся заключить в 1658 году с Польшей договор, по которому Украина под именем «Великого княжества Русского» возвращалась в состав Речи Посполитой. Но договор, заключенный в Гадяче, окажется в полном смысле слова «гадским». Массы – по крайней мере те, что бродили по Украине в XVII веке, – его юридических тонкостей не поймут. Не поможет даже победа над «московитами» под Конотопом, одержанная, если говорить честно, только благодаря татарам. Царское войско застали на переправе, и хан, по словам «Летописи Само-

видца», «с тылу от Конотопу ударивши, оных зламал, где за один час болей ніж на двадцять тисячей люду его царского величества полегло».

Польские солдаты, явившиеся на подмогу Выговскому, просто уничтожились украинцами в тех местах, где останавливались на постой. Их предводителя пана Немирича – убили. Взбунтовавшиеся запорожцы пошли на Чигирин, подняв как знамя Юрася Хмельницкого. А хитрый Выговский бежал в Польшу, не успев прихватить даже жену.

Так закончился его «постельный переворот» – то есть, говоря по-современному, курс на европейский выбор, скомпрометированный грабежами польских наемников и шалостями татар, хватавших всех зазевавшихся на этом прогрессивном пути.

Часть 2

Прототип Буратино и доллары средневековья

Предки украинцев всегда предпочитали иностранную валюту «Любил ли ты кого-нибудь, Шельменко?» – спрашивает в классической пьесе капитан Скворцов у своего денщика. И получает неожиданный ответ: «Гроші, ваше благородіє! Любив, люблю і любитиму, аж поки, будучи, здохну. Що то я їх люблю!.. І батька, і матір, і жінку, і дітей, і увесь рід свій за них віддав би! Та коли по правді, будучи сказати, так нема у світі нічого і нікого луччого, як, будучи сказати, гроші». Шельменко не был оригиналом. «Гроші» в Украине любили всегда. Причем почти исключительно иностранные.

Первые находки старинных денег относятся в Киеве ко временам античности. На Замковой горе над Андреевским спуском обнаружена даже монета республиканского Рима – медный ас, чеканенный в 200 году до н. э. консулом Спуррием Афранием. Монеты просто так по миру не бегают. Залетевший из Италии

ас свидетельствует, что племя, засевшее на Замковой горе, кое-что смыслило в международной коммерции. Относилось оно к так называемой зарубинецкой культуре, обычно считающейся протославянской.

Дальше находки попадаютя гуще. Особенно часто римские монеты находили в конце XIX века на Подоле – в самом древнем торговом районе города. Их сбытом забавлялись гимназисты из Подольской гимназии, а киевский коллекционер В. Ляскоронский писал, что ему неоднократно предлагали купить серебряные денарии императоров Адриана и Марка Аврелия, найденные современниками Прони Прокоповны во время копания канав и даже грядок под огороды.

Особенно внушительный клад римского времени обнаружили во время строительства на Львовской площади – целых четыре тысячи монет! Еще один – поскромнее – вблизи нынешней Кирилловской церкви, где тоже сидели какие-то загадочные древние людишки. Причем не просто сидели, а копили, копили, копили... И накопили – скромных «трудовых» 350 монеток, которые и зарыли в горшочке.

Впрочем, не только копили. Иногда еще и грабили. В конце того же благословенного XIX века в Киеве обнаружили оболонский клад, в котором находились исключительно денежные единицы малоазиатского города Антиохии, отчеканенные в III столетии. Как они

сюда попали – ясно. В то время территорией будущего Киева владели готы – германское племя, явившееся из Скандинавии и подмявшее местных славян. Тут, как считается, была их столица – воспетый в сагах Данпарштадир – Днепровский город. В 264 году готы разграбили еще и Антиохию, переправившись через Черное море примерно тем же маршрутом, которым впоследствии будут шастать в Турцию предприимчивые запорожцы. Один из участников этого похода, вернувшись домой, зарыл антиохийские трофеи.

Но настоящее денежное обращение началось только во времена Киевской Руси – в IX веке. Восточный дирхем – отличная высококачественная монета из чистого серебра – вот что интересовало наших предков во времена князя Олега. Чеканили ее в Арабском халифате – сверхдержаве средневековья, раскинувшейся от Средней Азии до Испании. Дирхем был такой же международной валютой, как сегодня доллар. Он попадал на Русь через два важнейших торговых центра на Волге – Итиль и Булгар. Сюда купцы-русы привозили на продажу рабов – наловленных в лесах древлян, вятичей и разномастных финно-угров, живших на территории нынешней Московской области. В обмен текла звонкая монета, единственным недостатком которой было... ее слишком высокое качество – серебро без примесей быстро стирается в

руках.

Первые собственно русские монеты – сребреники великого князя Владимира – отчеканены в подражание именно арабскому дирхему. Однако рынок их не любил. Сребреники делали с малым содержанием благородного металла, зато с огромной примесью обычной меди. Такие же «подпорченные» дензнаки пытались всучить своим подданным Святополк Окаянный и Ярослав Мудрый. Народ крутил носом и переходил на натуральный обмен. Кстати, ни нынешнего русского слова «деньги», ни украинского «гроші» в то время еще не существовало. Вместо них говорили «пенязи» – термин, родственник английскому «пенни» и немецкому «пфенниг». Кто шастал в начале 90-х «челноком» в Варшаву, помнит словечко «пенензы» – у поляков оно уцелело, а у нас исчезло, оставшись в памяти только узких специалистов.

Период XII—XIII веков в истории Руси принято называть «безмонетным». Арабский халифат к тому времени загнулся, оставив Восточную Европу без денежной единицы, а серебро стали просто переливать в слитки, названные гривнами. Киевская весила 160 г, новгородская – около 200 г. Для повседневных расчетов на базаре они не подходили, зато свидетельствовали, что капитал на Руси оказался в руках кучки сверхбогачей – все серебро с помощью займов под

высокий процент просто вымыли у доверчивого простонародья, впервые столкнувшегося с тем, чем пахнет настоящая кредитная операция. Погром ростовщиков в Киеве 1113 года – красноречивая метка расцвета этого самого «безмонетного периода», закончившегося позорной сдачей страны татаро-монголам. Разоренный народ не хотел защищаться, а дружины князей больше годились для полицейских функций, чем отпора высокоорганизованной армии Батыя.

И вот тут-то пути севера и юга Руси надолго разошлись. В Московии прижилось татарское слово «деньги». А в Украине полюбилось «більше жінки» другое – «гроші».

«Грош» – происходит от немецкого «гросс» («большой»). Так называли чешские монеты, выпущенные в Праге при короле Вацлаве II на самом рубеже XIII и XIV веков. Весили они около 4 г, были диаметром в 3 см и производились из серебра, добытого в самой Чехии. А так как Чехия входила на правах королевства в Священную Римскую империю германской нации (средневековый прообраз нынешнего Евросоюза), то ее монеты стали чем-то вроде теперешнего евро. Их брали по всей Европе. Они были самыми ходовыми на территории нынешних Украины и Белоруссии. И только Гуситские войны прервали эмиссию этой чрезвычайно популярной денежной едини-

цы. Проповедь Яна Гуса и полководческие таланты Яна Жижки погубили чешскую экономику. Но к тому времени пражских грошей отчеканили столько, что в Украине их название стало синонимом денег вообще. Отныне «грошами» предки украинцев будут называть все, что пройдет через их руки, – и дукаты, и цехины, и русские рублики, и турецкие пиастры и даже германские доллары.

Да-да! Первоначально именно германские! Ведь американское «доллар» – всего лишь исковерканное немецкое «талер». В конце XVI века эти тяжелые (весом почти в 30 г серебра) западноевропейские монеты завоевали украинский денежный рынок. Нумизматы называют их «мировыми деньгами средневековья». Чеканили их, придерживаясь общепринятых стандартов веса, чуть ли не по всей Европе. По крайней мере в Украине попадаются талеры голландские, брауншвейгские, кельнские, любекские, люнебургские, кампенские и даже швейцарские кантона Сен-Галлен. Нет только украинских талеров! С конца XIV века, когда киевский удельный князь Владимир Ольгердович из литовской династии возобновил на короткое время производство мелкой монеты, своих денег тут не чеканили. Разве что во Львове польские короли завели монетный двор. Но деньги, выпускавшиеся там, по сути польские – мало чем отличаю-

щиеся от тех, что входили в оборот из других монетных дворов королевства. Нет независимости – нет и своей валюты.

И вдруг в самый разгар Хмельниччины, в 1649 году, проносится слух, что гетман Богдан основал собственную денежную систему. Некий дьяк Григорий Кунаков доносит московскому правительству: «А в Чигирине-де учинил Богдан Хмельницкий мынзу и деньги делают, а на тех новых деньгах на одной стороне мечь, а на другой стороне ево, Богданово, имя». Правда, сам дьяк ни одной такой монеты не видел, а только слышал о них от слуги литовского подканцлера Сапеги.

Вопрос до сих пор остается дискуссионным. Во-первых, в 1649 году Хмельницкий все еще оставался «гетманом Его Королевской Милости Яна-Казимира» и не собирался откалываться от Польши. Вряд ли он решился бы посягать на право короля чеканить монету. Во-вторых, ни одной описанной Кулаковым «деньги с мечом и Богдановым именем» вкладах пока не обнаружено. В-третьих, у дьяка вообще репутация большого брехуна – он даже целую битву придумал Яремы Вишневецкого с полковником Кричевским, которой на самом деле и в помине не было. Однако в архиве древних актов в Варшаве хранится письмо воеводы Станислава Потоцкого от 29 октября 1652 го-

да, в котором он жалуется королю, что Хмельницкий вконец обнаглел и даже чеканит собственную монету. И французская Gazette в номере от 21 декабря того же года сообщала точь-в-точь такое же известие. Так кто прав? Будущее покажет – найдут монеты Богдана, значит, Кунаков был не таким уж и выдумщиком. Зато известно другое: еще один гетман – Петр Дорошенко монеты Яна-Казимира, не стесняясь, подделывал. Тем более что сделать это было проще простого.

Во второй половине XVII века Речь Посполитая переживает небывалый финансовый кризис. Хмельницкий, шведы и татары настолько подорвали ее могучий бюджет, что в 1659 году король Ян-Казимир, по совету итальянского «экономиста» Боратини, выпустил невиданные до тех пор... медные солиды. Что это была за афера, станет ясно, если знать, что нормальный солид обязан быть золотым! Только золотым, и никаким иначе! Так эти деньги и получили название «боратинок», что через двести лет заставило русского писателя Алексея Толстого дать знаменитую нумизматическую фамилию своему помещанному на быстром обогащении персонажу – Буратино. А Польша после экспериментов заезжих «буратин» так и не выкарабкалась – легла шляхетским телом под Россию, Австрию и Пруссию. Зато в украинских кладах монеты впервые начинают попадаться килограммами – имен-

но тогда наши предки узнали, что такое инфляция. Но «боратинки», даже на вес, они брать очень не любили!

Как, кстати, и русские медяки. Когда через четыре года после Переяславской Рады киевский воевода Бутурлин получил для своего гарнизона 154 медных полтинника жалованья, ему оставалось только доложить в Москву, «что полковник и начальные люди и солдаты» тех денег «не взяли», потому что в Киеве «казаки, и мещане, и торговые люди не токмо полтинников – и медных мелких денег не емлют». Еще бы! После полноценного талера – да медное барахло! Слишком уж киевляне любили настоящую валюту, чтобы брать что попало.

И так весь XVII век по Украине продолжала гулять полновесная западноевропейская монета, порождая гоголевские легенды о небывалых казачьих кладах, пока, по словам прославленного летописца Самойла Величко, Петр I, «после баталии Полтавской зо шведом старовечную польскую зо всей Малой России монету... вывел и выгубил, только талеров да червонных памятка осталась». Впрочем, на смену ей пришла монета не хуже. Серебряный рубль с профилем императора – мощное платежное средство. Тем более что Петр, стремившийся ни в чем не отстать от Европы, по весу приравнивал его к талеру. А золотые с изображе-

нием Екатерины II вывели у крестьян только во время коллективизации! С припаянными ушками, чтобы носить на шее, они составляли гордость девичьих уборов и передавались из поколения в поколение в обычных кувшинах – «глечиках». Так в случае чего их легче было сразу зарыть в землю. И только Первая мировая уничтожит эту великую денежную систему, обернувшись революцией и высмеянной Булгаковым стогривенной купюрой с крестьянкой и снопом в руках, пророчески намекающей, что наступает новая эпоха – инфляции, бандитизма и всеобщего доблестного труда.

Выборы с гранатой

В одном из недавно изданных школьных учебников я нашел потрясающую фразу: «Московські царі забрали у нас все – навіть назву власної країни». Мысль – удивительная. Если забрали, то куда дели? И неужели до того, как у нас слямзили название, Украина именовалась Россией? Конечно же, нет! Но именно из таких фантастических преувеличений состоит тот «гимназический курс», который вбивают в головы нынешней ребятне. Например, сколько раз приходилось слышать, что те же цари разрушили замечательный демократический «устрій» казацкой Украины, подарив взамен отвратительный азиатский деспотизм. Но раз уж мы заговорили об этой загубленной политической системе, то пусть мне ответят: хороши ли свободные выборы с резней, пыранием друг друга саблями в пузо и агитацией за полюбившегося кандидата оглоблей по голове? А ведь так и было!

Избирательные урны, куда принято чинно совать бюллетени, – изобретение более позднего времени. А в демократической Украине XVII века система свободного волеизъявления функционировала так бурно, что для поддержания более-менее сносного порядка в толпу электората приходилось даже швырять

гранаты! Чтобы чего худшего не произошло.

Через несколько лет после смерти Богдана Хмельницкого гетманская булава, пережив разнообразные приключения, оказалась в руках его сына Юрася. В отличие от отца, у него был свой взгляд на будущее страны – он решил воссоединить ее с Польшей. Случилось это в 1660 году. Гетман принес присягу на верность Речи Посполитой, но реально контролировал только Правобережье. Через два года ему захотелось «избраться» еще и на левом берегу.

Прихватив для верности польских рейтар, а также несколько татарских отрядов, Юрась перешел Днепр и углубился в территории, населенные ждущими его «избирателями». Однако вместо них наткнулся под Каневом на армию своего левобережного конкурента – Якима Сомка, тоже объявившего себя гетманом, и войска московского воеводы князя Ромодановского. Произошло сражение. Оказалось, что единственным боеспособным подразделением в армии Хмельницкого-младшего были не казаки и не польские рейтары, а полк наемной немецкой пехоты. Когда Сомко с Ромодановским дружно ударили на врага, разношерстные вояки Хмельницкого сразу же пустились наутек. По словам автора «Летописи Самовидца», они так заполнили Днепр, что из-за людей почти не видно было воды. Только немцы, которых насчитывалось

не больше тысячи, храбро отбивались в лагере, пока все не погибли. Потери польско-украинского войска Хмельницкого достигли двадцати тысяч. К Днепру было невозможно подступиться из-за смрада разлагающихся трупов. Некоторых мертвецов вылавливали далеко ниже по течению – даже на Запорожье.

Выиграв битву, московские власти разрешили провести выборы нового гетмана. Тем более, что пост оказался вакантным. Юрась Хмельницкий с горя постригся в монахи – булава валялась совершенно бесхозная. Просто сирота, а не булава.

Якима Сомка это, честно говоря, обидело. Он на правах победителя считал себя уже готовым гетманом. Но царское правительство заявило: страна у вас демократическая, дорогой гетман, а проголосовало за вас только четыре полка. Нужно собрать всех, в том числе и запорожцев, и соблюсти полную процедуру – кого народ поддержит, того мы, наше царское величество, и признаем. Выборы назначили в Нежине.

Неожиданно оказалось, что отнюдь не все казаки желают видеть над собой Сомка. Многим очень не нравилось, что он – дядя побежденного Юрася. Его родная сестра была последней (третьей) женой знаменитого гетмана Богдана. Народ у нас высокоморальный. Драка дяди с племянником за власть шокировала общественное мнение простодушных казаков.

Да и сам факт его возвышения через сестру вызывал, мягко говоря, неодобрение. Именно потому, что у нас любят везде протащить родственничка, всем очень не нравится, когда кто-то делает точно так же.

Да и вообще Сомко с точки зрения народной морали выглядел малосимпатичным. Он не валялся пьяным на Запорожье, раскинув посреди дороги ноги в шароварах, не лез покалякать по душам с первым попавшимся сечевиком, все награбленное тут же добропорядочно тащил домой, а не прогуливал в природо-рожной корчме. Одним словом, белая кость!

Зато соперник Сомка Иван Брюховецкий казался таким, как надо. Всегда готовый поболтать с народом, откровенно разделявший мнение низов, что после Хмельницкого старшина слишком уж «запанува-ла», хитро намекавший на то, что «взять бы все да и поделить», этот прирожденный демагог необыкновенно приглянулся казацкой голытьбе. Беда была только в одном. Обе партии имели совершенно одинаковую политическую программу: «За царя-батюшку!» Как тут определиться: кому отдать голосишко?

Яким Сомко прибыл в Нежин в середине июня с большим отлично экипированным Переяславским полком – самым важным на левом берегу Днепра. Когда Сомко расположился лагерем перед городскими воротами, к нему присоединился нежинский полков-

ник Золотаренко со всеми своими людьми. Зачем-то (видимо, чтобы вернее считать голоса!) он прихватил с собой еще и пушки. Это особенно не понравилось присланному из Москвы князю Великогагину – царскому «наблюдателю» на выборах.

Брюховецкий отаборился с другой стороны города и поспешил замолвить за себя словцо перед Великогагиным. Мол, я человек мирный, его царскому величеству преданный, пришел без артиллерии и готов избираться.

При этом каждый из претендентов уже авансом именовал себя гетманом и требовал, чтобы рада происходила на той стороне города, где он засел. Сомко даже угрожал вернуться домой в Переяславль, если выборы не будут на месте его ставки. Но Великогагин, которому такая строптивость очень не понравилась, велел поставить царскую палатку на противоположной стороне – ближе к Брюховецкому.

Скандал, который произошел дальше, прекрасно описан в дневнике Патрика Гордона – шотландского наемника, служившего в русской армии: «17-го часов в 10 утра окольный явился с войском к царской палатке. После того как была расставлена стража, Сомко с оружием и развевающимися знаменами выступил из своего лагеря; то же сделал и Брюховецкий. В это время несколько рядовых казаков перешло от Со-

мка к Брюховецкому. Хотя окольный и велел сказать им, что они должны были явиться без оружия, но они не обратили на это внимания. По прибытии епископа окольный, захватив с собой царскую грамоту и выйдя из палатки, послал Сомку и Брюховецкому приказ подойти без оружия со всеми офицерами и лучшими казаками к палатке. Все исполнили этот приказ, кроме Сомка, оставившего при себе саблю и сагайдак.

Когда пехота построилась с обеих сторон, а окольный, епископ, стольники и дьяки встали на скамьи, была прочитана царская грамота, в которой казакам повелевалось выбрать себе гетмана и указывалось, как следовало поступать при избрании. Грамота не была еще дочитана и до половины, как между казаками поднялся сильный шум: одни кричали – Сомко!, другие – Брюховецкий! Когда эти крики были повторены при снятии шапок, то пехота Сомка, проникнув с его бунчуком и знаменами вперед, покрыла его знаменами, посадила на скамью и провозгласила гетманом. Во время этого смятения окольный и остальные были принуждены сойти со скамей и были очень рады, достигнув палатки. Между тем казаки, составлявшие партию Брюховецкого, принесли его бунчук и знамена на то место, где находился Сомко с своим бунчуком, и, отеснив его с приверженцами от этого места, сломали древко бунчука и убили державшего его. Волне-

ние было так велико, что если бы по приказанию полковника Штрасбурга не было брошено несколько ручных гранат, то казаки наверно сломали бы палатку; гранаты же очистили место перед палаткой, на котором остались только убитые и раненые. Сомко вскочил на лошадь и вернулся с своим расстроенным отрядом назад в лагерь. Его предводительский жезл и литавры были захвачены отрядом Брюховецкого».

На следующий день большая часть людей Сомка перешла к Брюховецкому. Выборы закончились. Украина получила нового гетмана. Демократически избранного, но весьма противного. Он тут же провел политическую реформу, расставив везде своих людей, и велел казнить проигравшего выборы Сомка. Три дня чернь грабила богатых казаков, а старшина скрывалась где могла, меняя, по меткому выражению Самовидца, «жупаны кармазиновые на сермяги».

Ровно через пять лет в результате подобных «выборов» был убит и сам Брюховецкий. Его конкурент – Петр Дорошенко, как пишет тот же Самовидец, «позволив забити голоті Брюховецького. И так голота тиранськи забила и замордувала Брюховецького». После чего все снова закончилось грабежом.

Скажите: вам нравится такая «демократия»?

Маневры турецкоподданного

В истории Великой Руины поражают говорящие фамилии гетманов. Разгульный Хмельницкий (правда, Богдан – данный Богом, а не чертом), демагог Брюховецкий, спекулирующий на чаяниях темного народного брюха. Сомко, попавший, как сом, в расставленные Брюховецким сети. Бедолага Многогрешный, которого (вот же судьба!) аж в Сибирь с чукчами воевать занесло. А еще Ханенко – «маленький ханчик». А еще Тетеря. А еще без счету всякой мелочи, о которой и говорить стыдно. И только Петр Дорошенко выделяется из этой комедийной толпы нехарактерностью облика – окладистая неказачья борода в дивном сочетании с подкрученными шляхетскими усами, взгляд куда-то в сторонку, мимо зрителя, твердо легшая в тонкие пальцы булава... Уж этот сделает Украину! А вот поди ж ты – не сделал.

Петр Дорошенко таскался за Хмельницким с самого начала войны с поляками. В реестре 1649 года он уже числится «гарматным писарем» Чигиринского полка – по сути гетманской гвардии, да еще и ее самой интеллектуальной, артиллерийской, части. Где и когда учился – неизвестно. Но очевидцы утверждают, что мог ушкварить речь даже на латыни. Род Доро-

шенко был хорошо известен в войске – дед Петра ходил с Сагайдачным на Москву, а потом и сам стал гетманом. Сгинув в 1628 году в походе на Крым, он оставил внуку героическое имя и по-видимому, немножко политической харизмы, весьма пригодившейся в пору междоусобиц.

Когда после смерти Богдана его окружение охватила эпидемия гетманомании, Дорошенко отсиживался в тени. Но твердо гнул свою линию. Юрась Хмельницкий сделал его полковником. Тетеря, придерживавшийся польской ориентации, – генеральным есаулом. Звездный час его пробил в начале 1666 года. К тому времени Выговского расстреляли, Тетеря отрекся от булавы, и правобережные казаки вспомнили о том, что среди них есть еще один достойный человек с известной фамилией да еще и «с деда-прадеда казак».

Правда, у достойного человека нашелся соперник – некий Опара, а сторонников была всего какая-то тысяча. Но награбленное в походах добро Дорошенко тут же пустил в оборот, «арендовав» себе немножко татар, выдал с их помощью Опару полякам, а сам уселся на гетманство. На Левобережье у него был сильный соперник – Иван Брюховецкий, признавший юрисдикцию Москвы. Она в нем души не чаяла. Ставленник запорожцев Брюховецкий сначала умо-

рил всех своих конкурентов за власть, потом лично съездил на поклон к царю-батюшке, привез подарков, свиту в полтыщи человек и окончательно втерся в доверие, заявив, что желает жениться на какой-нибудь московской девке – в знак своих верноподданнических чувств. На какой, по словам Брюховецкого, ему было совершенно все равно – какую дадут. Главное, чтобы она была московская.

Московиты расчувствовались. Во-первых, им было приятно, что их девок так ценят. Во-вторых, Брюховецкий производил впечатление честного малого, готового служить верой-правдой не щадя живота своего. На радостях ему «отстегнули» целую княжну Долгорукую, титул боярина и Шептаковскую волость на севере Черни-говщины «в вечное владение». Еще никогда ни один казак не забирался так высоко. Спал он теперь на Рюриковне, таскал на себе шубу из московских соболей и всерьез полагал, что схватил за бороду не только царя-батюку, но и самого Господа.

Свалить такого казалось немислимым. Но Дорошенко тонко прочувствовал момент и психологию родного народа. Внезапно вознесшийся Брюховецкий так опротивел «электорату», что все только и ждали, как бы он споткнулся. «Хитрый Дорошенко, – пишет в «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменский, – вступил в сношения с Брюховецким и пись-

менно укорял его – «что он подверг новому утеснению вольный казацкий народ, от польского ига мужеством и кровью освободившийся, советовал отступить от России и для блага соотчичей принять начальство над всею Украиною». Брюховецкий обольстился коварным предложением...»

Финал «обольщения» тем не менее был ужасен. Московские войска выступили на Украину карать изменника. Брюховецкий с перепугу стал проситься в турецкое подданство. Популярность его сошла на нет, и собственные казаки, посоветовавшись, выдали его Дорошенко, а тот отдал бедолагу на растерзание черни. Дорошенко внезапно оказался гетманом «обеих сторон Днепра» и тут же выступил на московского воеводу Ромодановско-го, осаждавшего местечко Котельву. Вместе с ним шла орда татар, которой разрешили разграбить оставшееся после Брюховецкого добро. Наступление развивалось успешно. Московиты, устав от частых перемен казачьей ориентации, отошли от Котельвы, но тут новому гетману, как на смех, изменила жена. Ехидный Самовидец, собиравший все бульварные подробности эпохи, замечает, дескать, Дорошенко, оставив войну, бросился в Чигорин, узнав, что «жона скочила через плот з молодшим». Украинская великодержавность в очередной раз накрылась бабьим подолом.

Ромодановский перешел в контрнаступление, разграбил и сжег Нежин и загнал гетмана в политическую изоляцию. Запорожцы, очень уважавшие покойного Брюховецкого, нового вождя недолюбливали. Поляки – ненавидели. Московиты – рады были схватить, как медведя. Оставалась одна Турция – единственная страна, пока не заинтересовавшаяся всерьез украинскими делами. Именно к ней отправил Дорошенко своего посла, носившего красноречивое прозвище Портянка, – проситься в подданство. Больше было – некуда.

Хорошо известно письмо запорожцев турецкому султану, сочиненное якобы самим Сирком. Несколько менее известно письмо султана к Дорошенко, обильно процитированное Самовидцем в своей летописи. Но оно, поверьте, стоит того!

«Я за вами не посылал, – ответил падишах гетману, – и не очень в вас нуждаюсь. Если искренне ждете помощи от меня, чтобы защищал вас от ваших неприятелей, то могу вашу просьбу уважить. Но и вы учтите, что должны быть верными. Я не король польский, не царь московский и не король венгерский, которых вы надурили и предали свою же веру. На вашу просьбу сделаю, что вас приму, чтобы вы держались, но если не сдержитесь, сами увидите, что с вами будет».

Случилось это в 1669 году – так что самое время

готовиться к празднованию 335-летия воссоединения украинского народа с великим турецким.

И началось! «Защитники христианской веры» во главе с Дорошенко и в обнимку с татарской ордой шлялись по Украине, грабя все что плохо лежало. Вершиной успехов гетмана-турецкоподданного стала осада Львова в 1672 году. Правда, «Летопись Самовидца» называет его в этом пиратском предприятии только третьим после турецкого визиря и крымского хана, что прекрасно свидетельствует о подлинном значении нашего героя, превратившегося в обычную марионетку. Львов тогда откупился за 80 тысяч дукатов. А так как денег в городском бюджете не оказалось, то в заложники взяли одиннадцать человек знатных граждан, которых и продержали до тех пор, пока не была собрана нужная сумма.

Честно говоря, язык не поворачивается назвать Дорошенко героем. Он постоянно надоедал султану просьбами прислать войска, преследуя по сути одну-единственную цель – еще хоть денек продержаться при власти. В надежде поживиться к нему сползались различные темные личности со всей Украины. Завоеванные городишки этот гетман тут же облагал контрибуциями, чтобы расплатиться с татарами. «Что турки не добрали, – пишет Самовидец, – то от него посланные обирали и к нему отсылал и, а он пла-

тил той своевольной пехоте, которая при нем держалась». Наемничество – вот то новое, что внес Дорошенко в украинскую политическую систему. Не полагаясь на казаков, он вербовал себе сторонников где придется, а когда не хватало денег, его «ландскнехты» просто грабили по дорогам проезжих купцов.

Нечего больше грабить? И это не беда. Начеканим фальшивых денег! На допросе в Малороссийском приказе некий Янко Гранковский признался, что производил для Дорошенко поддельные польские монеты в широком ассортименте. И ничего – народ брал. Нумизматы до сих пор пытаются разобраться, какие из полуторагрошовиков Яна-Казимира – действительно Казимира, а какие – гетмана Петра, воспользовавшегося техническим опытом королевских мастеров. Веселый гетман! Доживи он до наших дней, наверняка бы газ воровал.

Тем не менее конец и этого борца был predetermined. Оплаченные фальшивой монетой наемники разбежались. На левом берегу выбрали нового гетмана – Самойловича. На правом – поляки сделали ставку на некоего Михаила Ханенко. Устав от власти, Дорошенко отрекся от булавы и сдался москвитам. А те, хоть и «варвары», вместо того, чтобы съесть эту светлую личность, наделили его тысячей дворов в Подмоскovie с самыми настоящими крепостными мужичками и

оставили с миром.

Дорошенко можно даже с полным правом назвать первым украинским военным пенсионером. После капитуляции он прожил, ни в чем не нуждаясь, еще двадцать один год, наслаждаясь пейзажами Волоколамского уезда и с удивлением вспоминая фантастические времена своего турецкоподданства и пожалованную султаном булаву.

Ненаписанное письмо запорожцев

Знаменитую картину Ильи Репина породила русско-турецкая война 1877—1878 гг.

Кто не знает картины «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»! Да и как можно не знать этот шедевр, если тиражируют его даже на конфетных коробках (для детей) и сигаретных пачках (для курильщиков). Меньше знают другое – никакого такого письма запорожцы не писали. Да и просто не могли писать. Все это миф, выдумка, а письмо – не исторический документ, а всего лишь литературное произведение. Сам Репин как-то проговорился Стасову: «В Малороссии у каждого паламаря есть список этого апокрифа. И когда соберутся гости у «батюшки», письмо часто читают подгулявшей компании».

Варианты произведения имеют совершенно разные даты, расходящиеся между собой почти на полтора столетия: 1600, 1619, 1620, 1678, 1702, 1733... Впервые же их напечатал М. А. Маркевич в пятом томе «Истории Малороссии» сто шестьдесят лет назад. А когда в 1872 году М. И. Костомаров поместил письмо запорожцев в журнале «Русская старина», редакцию буквально засыпали другими списками его – теми, что попали к корреспондентам от их предков. Все возму-

щались. Каждый считал, что именно его вариант правильный, а Костомаров – ошибается.

Наиболее распространен сейчас тот текст ответа султану, который Д. Яворницкий дал в «Истории запорожских казаков», связав с именем Ивана Сирка: «Ти – шайтан турецький, проклятого чорта брат і товариш і самого люципера секретар! Який ти в чорта лицар? Чорт викидає а твоє військо пожирає. Не будеш ти годен синів християнських під собою мати; твого війська ми не боїмось, землю і водою будем битися з тобою. Вавілонський ти кухар, македонський колесник, єрусалимський броварник, олександрійський козолуп, Великого й Малого Єгипта свинар, армянська свиня, татарський сагайдак, каменецький кат, подолянський злодіюка, самого гаспида внук і всього світу і підсвіту блазень, а нашого Бога дурень, свиняча морда, кобиляча срака, різницька собака, нехрещений лоб, хай би взяв тебе чорт! Отак тобі козаки відказали, плюгавче! Невгоден іси матері вірних християн! Числа не знаєм, бо календаря не маєм, місяць у небі, год у книзі, а день такий у нас, як і у вас, поцілуй за те ось куди нас!.. Кошовий отаман Іван Сірко зо всім кошем запорозьким».

Почему именно этот вариант получил наибольшее распространение, ответить трудно.

Может, потому, что был самым «проходимым» – попросту говоря, приличным. Другие переполнены руга-

тельствами и даже откровение матерщиной: «Який ти в чорта лицар, коли ти голою сракою їжака не вб'еш»... самого Магомета внук і нашого х... крюк... нехрещений ти лоб, мать твою в... б».

Султана же казаки в различных списках послания называют и Махмудом IV, и Ахметом III, и даже Османом II. Если поверить, что эту дипломатическую «продукцию» действительно куда-то отправляли, то может сложиться впечатление, что запорожцы и турки только тем и занимались, что в каждом поколении обменивались письмами примерно одинакового содержания. Конечно, история движется по спирали, но не до такой же степени!

Долгими зимними вечерами на Сечи с перепою можно было много чего насочинять, но за пределы Украины эти «шедевры» вряд ли выходили. Обычная политическая жизнь всегда скучнее – даже у запорожцев. Да и историки хорошо понимали, что имеют дело именно с «апокрифами», как точно выразился Репин. Тот же Яворницкий предварил публикацию письма фразой: «У многих любителей южнорусской старины и до сих пор хранятся копии этого, может быть, мнимого, но совершенно согласного с духом запорожских казаков письма турецкого султана и курьезного ответа на него запорожцев».

В письме была высшая правда. То, что такое от-

правляли султану – очень сомнительно. А вот думали именно так. И никак иначе! Уж больно много сала залили турки за шкуру.

Но вот был ли автором этого письма именно Сирко? Запорожский кошевой не раз и не два мстил татарам за разоренные украинские села. Но есть в его биографии и одно темное пятно, на которое тот же Яворницкий не смог закрыть глаза. В 1677 году турки и татары осадили Чигирин. Русские войска и украинские казаки гетмана Самойловича отбили их. Но, как пишет Яворницкий, «ни в деле под Чигирином, ни во время бегства неприятелей в запорожскую степь Сирко и запорожцы участия не принимали и врагов не преследовали». Нашел он и причину странной пассивности того, кого турки величали за жестокость к ним «Урус Шайтаном» («русским чертом»), – подкуп! На него указывал Москве обиженный гетман Самойлович, вынужденный без сечевиков отбиваться от басурман: «Когда хан бежал из-под Чигирина и очутился ниже Сечи возле Днепра, то Сирко и запорожцы с ним на три года перемирие учинили, оттого Сирковы казаки многих татар через Днепр на своих байдаках перевозили... А султан турецкий 30 тысяч червонцев для склонения в подданство свое Сирка и его казаков в город Кызыкермень с моравским беем отправил. Тот моравский бей многим языкам в школах учился и с кошевым Сир-

ком в поле съезжался; поставив свои полки каждый на особых местах, сойдя с коней и отошед далеко от них, кошевой Сирко и моравский бей брали друг друга за руки и так ходили долго между кустов; в это время Сирко принял подарки от бея и присягнул на подданство турецкому султану».

Вот откуда корни-то коррупции растут! Не прост, ой, не прост был атаман, хоть и «урус шайтан»! Недаром именно ему принадлежит выражение «нужда закон меняет». Но как же этот степной рыцарь с психологией типичного «полевого командира» очутился на прославленной картине?

В 1878 году Илья Репин искал тему для исторического полотна. Россия только что выиграла войну с турками.

В моде было все патриотическое. Остро чувствуя запрос публики, художник мучился от желания угодить ей. И тут гостивший в подмосковном имении Абрамцево киевский художник Прахов, однокурсник Репина по академии, напомнил приятелю известный с детства обоим сюжет.

Тут же, в Абрамцево, Репин набросал первый эскиз. Историю он знал плохо – как всякий художник. Поэтому одежду и оружие изобразил весьма схематично. Зато зачем-то втиснул на первый план толстого хохочущего казака – Тараса Бульбу, бывшего, как из-

вестно, не историческим, а чисто литературным персонажем. А потом работа растянулась на тринадцать лет.

Украинский помещик Тарновский пустил художника в свой музей, полный предметов казачьей старины, и в результате сам прописался на картине в виде казака в высокой черной папахе, а сына пристроил хлопцем в круглой шапке. Несколько ценных рекомендаций дал историк Яворницкий. В благодарность Репин изобразил его в виде писаря. Здоровенная морда с повязкой принадлежит художнику Кузнецову. А толстое брюхо в профиль – журналисту Гиляровскому. Что же касается Сирка, то его Репин списал с еще одного приятеля – киевского военного генерал-губернатора Драгомирова – героя русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Репин любил у него перекусить блюдами украинской кухни и как честный человек щедро расплатился за вареники главной ролью на своем полотне. В результате получился настоящий шедевр. Советы друзей-коллекционеров сослужили хорошую службу. Все изображенные на картине предметы – подлинные, взятые из собраний Тарновского и Яворницкого. Остальное довершил талант и то, что Виктор Шкловский называл «энергией заблуждения» – теперь многие благодаря Репину действительно верят в то, что такое письмо существовало в реально-

сти, а не в воображении пьяных дьячков, читавших его после третьей чарки горилки.

Хотя, положа руку на сердце, следовало бы сказать: на самом деле картина должна называться так: «Яворницкий с Драгомировым пишут письмо турецкому султану». С помощью Репина.

Володыевские без прикрас

Чем хуже дела, тем ярче сказка о них. Бездарные полководцы превращаются тогда в непонятых «отцов нации», забулдыги-солдаты – в рыцарей без страха и упрека, а позорная политика – в героический миф. Именно так случилось с творчеством Генриха Сенкевича, интерес к которому в последнее время оживился в Украине благодаря Ежи Гофману. В сущности это и наша история. Однако мы ее выиграли, а Польша проиграла. Но ни из книг Сенкевича, ни из фильмов Гофмана не понятно – почему.

Если, например, посмотреть «Огнем и мечом», то может сложиться впечатление, что запорожцы – пьяные забулдыги, побеждающие исключительно благодаря счастливому стечению обстоятельств. Пошел дождь, и атака польских крылатых гусар увязла в грязи – вот вам и выигранные Хмельницким Желтые Воды.

На самом деле поляки пили не меньше казаков. А, пожалуй, даже и больше. Исключительным алкоголиком, как свидетельствуют подлинные документы, был польский гетман Николай Потоцкий. Вот что считает причиной разгрома польской армии под Корсунем один из вояк князя Вишневецкого Богуслав Маш-

кевич: «Мая 12. На следующий день после битвы с Кривоносом, то есть во вторник, гетманы двинулись с войском из-под Корсуня в большом беспорядке, без всякой стражи, табором, который окружали войска. Да и черт знает, откуда взялся бы там порядок, когда великий коронный гетман Николай Потоцкий постоянно напивался водкой и в то время сидел пьяный в карете, а другой – польный гетман Калиновский – хотя и рад был что-нибудь сделать, но ему не слишком повинувались. К тому же он был так близорук, что плохо видел и едва мог различить человека на расстоянии полета стрелы».

Запись Машкевича кажется просто фельетоном! Но это документ, а не художественная проза! Тем не менее могучий алкоголизм Потоцкого в фильм Гофмана почему-то не попал – с кружкой разгуливает в основном Кривонос.

Ярему Вишневецкого и романист, и режиссер показывают как жестокого, но талантливого полководца. А были в жизни «ката украшського народу», как он обычно фигурирует в нашей историографии, поистине комические страницы – достойные, скорее, пана Заглобы. Именно благодаря трусости Вишневецкого полякам так и не удалось полностью разбить украинскую армию под Берестечком. Наиболее объективно это сражение описал его участник – польский шляхтич

Станислав Освенцим. В своем дневнике он упоминает о совещании в ставке короля, на котором планировалось послать отряд Вишневецкого в обход казаков – чтобы «они не могли спастись бегством». «Но приказ этот не был исполнен, – пишет мемуарист, – ибо князь Вишневецкий потребовал 15 тысяч войска, а король не хотел отпустить такого количества».

После сражения польская шляхта вообще стала разбредаться по домам «целыми поветами», а король, устав руководить такими «героями», уехал отдыхать во Львов, где первым делом посетил публичный дом. Теперь уже «многие офицеры протестовали весьма грубо против этого решения, особенно же князь Вишневецкий... Но король заставил их замолчать, напомнив князю, что сам он не пожелал отправиться в тыл казацкого табора иначе, как в сопровождении 15 тысяч войска, теперь же требует, чтобы король с половиною этого количества шел в отдаленный поход».

В результате Берестечко стало для Польши пирровой победой – «хлопы украинские, ускользнув от опасности, разбрелись по домам своим... и побуждаемые универсалами Хмельницкого стали вновь собираться толпами – вождей наших и войско бешороля они презирали».

Исключительно как полупомешанный показан в

фильме Богун. Он хлещет водку, играет на бандуре и дикими глазами смотрит на польскую панянку – так, словно вообще баб никогда не видел. На самом деле весь этот бред выдуман исключительно Сенкевичем и растиражирован Гофманом – реальный Богун играл в армии Хмельницкого выдающуюся роль. Он организовал отход запорожцев после Берестечка. На его счету несколько блестяще выигранных сражений. Именно потому, что Богун оказался не по зубам полякам в реальной боевой жизни, Гофман с Сенкевичем и напустили на него такую мелкую сошку, как Володыевский, хоть так стремясь дискредитировать выдающегося украинского полководца.

Володыевский, правда, тоже существовал в действительности. Но был на редкость смешным и малоудачливым человеком. Звали его не Михал, а Ежи. Он был просто помешан на идее выгодной женитьбы. История умалчивает, почему бабы долго не интересовались «первой саблей Речи Посполитой». Осуществить свой «проект» Володыевскому удалось только в сорок два года, покорив сердце некой Кристины Езерковской. К тому времени «роковая женщина» уже успела похоронить трех мужей, унаследовав их имущество. «Маленькому рыцарю» это очень нравилось, так как он смог наконец стать богатым человеком и ротмистром в Каменецкой крепости.

В фильме «Пан Володыевский» пан Михал героически взрывает крепость, чтобы она не досталась туркам. Но все это брехня – крепость стоит до сих пор. Если не верите, поезжайте в Каменец. А весь «героизм» Володыевского состоит в том, что он дал себя укокошить доброй порции турецкой картечи в тот самый момент, когда уже собирался позорно сдать врагу Каменец. Спаслась только его жена, ничуть не похожая на храбрую Басю Езерковскую из романа Сенкевича – накануне осады она дала деру из крепости, став после смерти очередного мужа рекордсменкой – четырежды вдовой.

Лучше же всего о «героизме» поляков XVII века высказался их современник, польский король Ян Собеский, которому пришлось расхлебывать всю эту кашу. На одном из сеймов он заметил, что идеал у шляхты один – «сидеть дома, налогов не платить, солдат не кормить, а Господь Бог чтоб за нас воевал».

И действительно – если самим себя подрывать, никаких Володыевских не напасешься!

Мазепа – слуга пяти господ

Из бесчисленных портретов Мазепы нет и двух, схожих лицами. Какой из них настоящий, установить вряд ли удастся. После бегства к шведам изображения Мазепы уничтожались так же, как то чучело, которое 12 ноября 1708 года по приказу царя Петра палач проволоч по улицам Глухова и вздернул на виселицу, на которой ему суждено было рассыпаться в прах.

Можно представить, как пекло эту «фигуру» солнце и хлестал дождь, пока голубая андреевская лента, наискосок справа налево пересекавшая гетманскую кукольную грудь, не стала совсем белой, а потом рассыпалась в прах.

Грустная же ирония заключалась в том, что эту самую ленту (второму в Московском царстве!) Мазепе пожаловал сам Петр, ставший только четвертым ее обладателем.

Но неужели в нашей памяти останется только спина неудачника, бегущего из-под Полтавы?

Во всей этой путанице виноват не только царь. В самом деле, попробуйте-ка определить, кем был Мазепа. «Покоевым шляхтичем» польского короля Яна-Казимира – раз. Ротмистром надворной хоругви правобережного гетмана Дорошенко, союзника Турции и

врага Польши, – два. Генеральным есаулом при левобережном гетмане Самойловиче, враге Дорошенко и вассале Москвы – три. Гетманом Войска Запорожского Его Царского Величества – четыре. Союзником короля Швеции Карла XII, врага его царского величества – пять. Кто из этих людей подлинный? Все! Мазепа прожил долгую жизнь. А чтоб жить долго, тогда приходилось часто менять кожу.

В любом случае гетман был не лишен определенной самокритичности. Хотя и тщательно скрываемой. В известной думе, написанной им лично и сохранившейся (еще один парадокс!) лишь благодаря доносу Кочубея, Мазепа весьма сатирически изобразил тогдашнее украинское общество.

Один живе́т із погани,
Кличет: «Сюди отамани!»
Другий ляхам за грош служить,
По Вкраїні той тужить.
Третій Москві юж голдуїт
І їй вірно услугуїт...

Трудно не заметить во всех трех персонажах черты самого автора, успевшего послужить «и тут, и там». Впрочем, дума эта лишний раз доказывает избитую истину, что народ имеет тех правителей, которых заслуживает.

Загадка Мазепы начинается с рождения. Историки называют разные даты. Но наиболее предпочтительна версия профессора Оглоблина, ссылавшегося на свидетельство Орлика – человека, знавшего Мазепу лучше, чем кто-либо. В письме, датированном 1741 годом, тот пишет о прежнем покровителе: «Теперь мне семьдесят – столько же, сколько было покойнику Мазепе в Бендерах». Мазепа прибыл в Бендеры после Полтавского сражения в 1709 году. Следовательно, он родился в 1639-м.

Божий свет Мазепа увидел в родовых Мазепинцах неподалеку от Белой Церкви. Имение было пожаловано еще в 1572 году польским королем Сигизмундом-Августом шляхтичу Николаю Мазепе-Колединскому – предку Ивана Степановича. Произошло это задолго до унии, когда православные и католики в Речи Посполитой сосуществовали в мире. Отец же гетмана жил совсем в другие времена и, по-видимому, относился к той украинской шляхте, которая, по словам Боплана, «подражает польской и, похоже, стыдится того, что принадлежит к отличной от римской вере, ежедневно переходя в нее».

Отца звали Стефан Адам – двойное имя, не характерное для православных, заставляет предположить, что он был католиком или униатом. По крайней мере истинная политическая ориентация его была про-

польская. Хотя он и пристал к Хмельницкому, став белоцерковским городским атаманом, и как таковой вроде бы даже присягнул Москве в 1654 году, но через четыре года оказался уже среди сторонников Выговского, возвращавшего Украину в Речь Посполитую. В разбушевавшемся море Мазепа-старший любой ценой пытался сохранить поместье. Приходилось изворачиваться. Но в душе он, наверное, тяготел именно к польской культуре. Иначе не послал бы сына в иезуитскую коллегию в Варшаве и не выхлопотал бы ему место пажа при короле Яне-Казимире.

Но несомненно, что в семье текла и другая струя. Мать его Марина Мокиевская была православной. После смерти мужа она приняла постриг и стала игуменьей Киево-Вознесенского женского монастыря напротив ворот Псчерской лавры. Значит, семья обладала связями от Варшавы до Киева. Не будем преуменьшать прагматичность эпохи, объясняя все лишь высокими помыслами, как в школьных учебниках. Порой выгодно быть своим в обоих враждующих лагерях – в том случае, когда живешь как раз между ними.

О детстве Мазепы ничего не известно. Кроме одного факта. В общем-то он лежит на поверхности, но почему-то не обращает на себя внимания. Если мы примем за дату рождения Ивана Степановича 1639 год, то получится, что первое десятилетие его жизни почти

совпадает со знаменитым «Золотым спокойем», наступившим в Украине в промежутке между восстаниями Павлюка и Хмельницкого. Благословенные для шляхты времена, когда мужик пахал и не превращал косу в копье.

Между прочим, в уже цитируемой думе Мазепа пишет: «От Жовтої взявши Води през незгоду вої пропали – самі себе зоевали!» Желтые Воды – место первой победы Богдана Хмельницкого. Следовательно, Мазепа не принадлежал к его симпатикам – с Богдана, по нему, и начинается «незгода». Наедине с собой гетман-поэт может позволить откровенность. Желтые Воды – рубеж, с которого начинаются бедствия его семьи. Толчок, вынесший пана Ивана на дорогу приключений. Золотой рай детства останется навсегда за этой чертой.

В 1659 г. Ян-Казимир делает Мазепу своим покойным, а в 1662 г. отец Ивана становится черниговским подчашим – милости короны для их рода продолжают. Мазепа пользуется доверием короля и выполняет благодаря своему происхождению роль звена между казачьими гетманами и польским двором. В 1659 году он ездит с дипломатическими поручениями к Ивану Выговскому, в 1660-м – к новому гетману Юрию Хмельницкому, в 1663 г. – передает гетманские клейноды Павлу Тетере. Роль Мазепы мож-

но сравнить с теми щекотливыми переговорами, которые вел с Хмельницким Адам Кисель, чьи русские кости, по меткому выражению казачьих шутников, «обросли польским мясом».

Однако вскоре с Мазепой случились события, которые принудили его удалиться от королевского двора, сулившего блестящую карьеру. Что было тому виной?

Профессор Оглоблин, относящийся весьма благосклонно к своему герою в статье «Гетман Иван Мазепа и Москва» пишет: «Исследователи уделяют внимание разным рассказам о том, как Мазепа увлекался многими, даже чужими женщинами, и на этой почве имел большие неприятности. Все это очень поэтично, романтично, но нет, или почти нет, документальных данных, которые могли бы это подтвердить».

Зато есть свидетельство современника Мазепы — Яна Пасека, тоже придворного Яна-Казимира, о знаменитом эпизоде с конем.

На Волыни у Мазепы была деревушка. По соседству жил какой-то пан Фальбовский, обладатель соблазнительной жены. «Покоевый шляхтич» раззнакомился с ними и вскоре стал вхож в самые дальние покои. Естественно, в отсутствие пана. Но кто-то из слуг донес об этом романе. Фальбовский, сделав вид, что отправился в дальний путь, засел в засаду и подстерег Мазепу, направлявшегося к его супруге.

– Хлоп! Сколько раз этот пан бывал у меня в доме? – спросил рога носец слугу-доносчика.

– Столько, сколько у меня волос на голове! Мазепу схватили и поступили согласно всем законам тогдашнего черного юмора, любимого в веселой Речи Посполитой – голым привязали к коню и выстрелили в воздух. Пугливая скотина понеслась вскачь и дотащила «покоевого шляхтича» до его двора еле живого. Не стоит говорить, что на лошадиной спине ему было немного жестче, чем на пуховиках пани Фальбовской.

Слух о конфузе достиг Варшавского двора. Отношение Яна-Казимира и придворных к Мазепе сразу изменилось.

В декабре 1663 г. король выступил в поход на Украину. Путь армии проходил мимо Белой Церкви. Мазепа попросил разрешения заехать в свое поместье, чтобы устроить некоторые домашние дела. Король через одного из секретарей не только позволил, но и посоветовал «хорошенько отдохнуть» – намек достаточно ясный. Больше ко двору он не вернулся.

Впрочем, в мемуарах Пасека есть еще один эпизод, датированный 1662 годом, – о том, как прямо в Варшаве, в королевском дворце будущий гетман получил по роже. Наши историки обходят его десятой дорогой. Хотя в соседней Польше он никогда не являлся секретом.

К сожалению, украинского перевода воспоминаний Пасека нет до сих пор, хотя до Варшавы из Киева рукой подать – двенадцать часов неспешной езды по автомобильной дороге, включая пограничный контроль. Поэтому мне очень хотелось достать польский текст – чтобы посмотреть, как там оно было на самом деле. И вот ясным сентябрьским днем 2005 года моя мечта сбылась!

Наверное, это была судьба – первая же книга, к которой инстинктивно потянулась моя рука в лавочке варшавского букиниста, оказалась именно мемуарами Пасека! Я тут же купил ее за 35 злотых (чуть меньше 12 долларов) и вечером в гостинице, облизываясь, как кот, читал этот восхитительный эпизод.

Мазепа и Пасек недолюбливали друг друга. Первый был русин, второй – поляк. Поэтому Пасек все время называет Мазепу «козаком». И к тому же утверждает, что однажды Мазепа пытался его оклеветать перед королем – но неудачно. Как пишет мемуарист, «это обвинение не причинило мне ничего плохого, и даже наоборот, прибавило хлеба и доброй славы». Но осадочек, как говорится, остался.

Варшавский двор был тогда еще тем борделем! Это сейчас в замок на Старом мясте заводит барышня-экскурсовод – и никому и в голову не придет что-нибудь спереть или плюнуть на пол. А тогда, при Яне-

Казимире, в переходах толкалась такая полупьяная немытая шляхта, которой теперь и билет на просмотр дворца не продали бы!

«Как-то, – пишет Пасек, – пришел я к покою – к тому последнему, где король был. Пришел туда, хорошо выпив, («добже подпилый» – в оригинале) и говорю тому Мазепе: «Привет, пан есаул!» Он тут же, так как был штука надменная, ответил: «Привет, пан капрал!» А я, недолго думая, дал ему по морде, и сразу отскочил. Он схватился за саблю, я – тоже. Все вскочили: «Стой! Стой! Король же за дверью!»

Начался, как пишет Пасек, «розрух» – попросту говоря склока, пока один из дворян не заскочил в соседний покой с криком: «Ваша королевская милость, пан Пасек дал в морду Мазепе!» А король ему тоже – тут же в морду: «Не говори, что попало, когда тебя не спрашивают!»

Вот такие нравы были при польском дворе! Может, и ничего страшного, что Иван Степанович не задержался в Варшаве. Каких бы манер он там набрался?

Хотя историю с мордобоем быстро замяли – король помирил Пасека и Мазепу. Причем тоже при весьма забавных обстоятельствах, рисующих тогдашние придворные нравы. Троцкий стольник Мартин Огинский поймал в литовских лесах «чудо-юдо» – обросшего волосами с ног до головы мальчишку лет тринадца-

ти, выросшего с медведями, и привез его для развлечения королевского двора. «Не знал этот мальчишка ни языка, ни обычаев человеческих, а только звериные», – пишет Пасек.

Загадочный гуманоид даже вызвал среди придворных научную дискуссию. Одни предполагали, что его, наверное, украли у людей медведица, когда он был совсем мал. Другие, напротив, утверждали, что медведица зачала этого урода «от мужского семени». А добрая королева Людвика решила покормить бедолагу шелухой от грушек. Он съел все «с великой охотой», а потом смачно сплюнул и... попал королеве прямо между глаз.

Ян-Казимир хотел перевести все в шутку – у него действительно было неплохое чувство юмора. Но его супруга как дама обидчивая расстроилась и «с фурией» убежала из-за стола. Королю ничего не оставалось, как предложить собравшимся выпить – раз уж вечерок не задался. А потом, когда все подгуляли, приказал Пасеку и Мазепе обняться: «Выбросьте из сердца – вы же оба виноваты»... «И так, – пишет старый забияка, – наступило согласие, и мы сели себе, и пили»...

К тому времени, когда Мазепа «всплыл» у Дорошенко, этот предприимчивый гетман успел стать турецкоподданным. Неудивительно. По словам автора

«Истории Русов», «гетманство Дорошенко и воинство его не что иное бышо, как великая разбойничья шайка». В этой компании Мазепа и продолжил карьеру.

Дорошенко не раз посылал Мазепу с дипломатическими поручениями в Крым, к запорожцам и к левобережному гетману Самойловичу. Молодой дипломат познакомился с московским воеводой Ромодановским, вместо утраченных связей завел новые. Близость Мазепы к Дорошенко подтверждает его новый чин – ротмистр надворной хоругви, то есть начальник гетманской гвардии.

На службе у Дорошенко Мазепу поджидало и то приключение, которое в очередной раз круто повернуло его судьбу. В 1674 г. его направили послом в Крым, придав татарский эскорт и... несколько десятков пленных украинцев с Левобережья, которых Дорошенко отправил в подарок хану. По дороге в Крым, возле речки Ингул, отряд Мазепы подстерег кошевой Запорожской Сечи Сирко и захватил в плен.

Сирко часто менял политическую ориентацию, говоря «нужда закон меняет», но одно в нем было неизменно – животная ненависть к татарскому племени. Татары пугали его именем детей. По словам Gazette de France, он «даже во сне резал мусульман». К тому же сам он был родом с Левобережья, откуда Мазепа вел хану ясыр.

Дальнейшее кажется почти чудом – кровожадный Сирко, истинный «христианский фундаменталист», отпустил посланца своего заклятого врага Дорошенко, только что вместе с турками проделавшего опустошительную кампанию по Украине. Историки склонны думать, что решающую роль в этом сыграло ни с чем не сравнимое личное обаяние Мазепы, задурившего голову неграмотному степному атаману, за которого в документах «факсимиле» подмахивал писарь. Величко даже передает слова Сирко, будто бы сказанные запорожцам:

«Не убивайте этого человека. Может, когда-нибудь он еще много добра сделает для нашей отчизны».

Как бы то ни было, но кошевой не убил Мазепу, а переслал его на Левобережье к Самойловичу – мазепиному знакомцу.

У Самойловича Мазепу приняли с распростертыми объятиями. Наверное, его оценили как профессионала – за образованность и знание придворного этикета. Другого такого тертого калача, успевшего побывать не только в Диком Поле, но, по его уверениям, даже на приеме у Людовика XIV, в тогдашней Украине точно не было.

Самойлович тоже заводил себе что-то наподобие двора. Он назначил Мазепу воспитателем своих сыновей – впустил в семью. Правда, московское прави-

тельство, узнав, что бывший ротмистр с педагогическими склонностями объявился в подвластных пределах, тут же потребовало его выдачи. Самойлович, посылая Мазепу в Москву, просил не наказывать его за службу у Дорошенко и поскорее вернуть в Украину, так как он тут очень необходим.

Впрочем, Иван Степанович и сам был не промах. Он произвел наилучшее впечатление на московские правительственные круги. На допросе в Малороссийском приказе сумел убедить всех в личной склонности к России и постарался, как мог, оправдаться за службу у Дорошенко. Его допустили к царю Алексею Михайловичу, выдали государево жалование и отпустили. Еще и снабдили на дорогу письмами к Дорошенко с призывом переходить на «нашу» сторону.

И ведь что забавно! Мы даже не знаем, что случилось с захваченными вместе с Мазепой спутниками! Продали их? Подарили? Разослали по запорожским зимовьям? Продолжение же мазепиных приключений известно в мельчайших подробностях. Воистину История решила, что перед ней ценный человеческий материал!

В 1682 году Самойлович сделал нашего героя генеральным есаулом. В казачьей иерархии это был один из важнейших рангов. Есаул командовал сердюками – наемными полками, которыми к тому времени уже

обзавелись гетманы. А это было самое боеспособное войско в Украине. Сердюков, служивших за жалование, не отвлекали для сенокоса. Конечно, во главе их нужно было держать верного человека!

Днепр Мазепа пересек, как пишет Величко, только в той одежонке, в которой его поймал в степи Сирко. Поначалу ему достался лишь хутор, подаренный гетманом. Но вскоре Мазепа разбогател на спекуляции водкой.

Как раз в это время в Москве распробовали «черкасское вино» – «черкасами» там называли украинцев. Водка эта была невысока качеством, зато дешева и ароматизирована травами, забивавшимисивушный дух. Первый капитал Мазепа и сколотил на торговле этим пойлом. Простым людям ввозить его в Москву было запрещено. Но один закон для простых, другой – для чиновных. Первые, конечно, экономические вредители. Вторые – коммерсанты, приносящие пользу обществу. Поэтому занятие, которому всей душой преданся Мазепа, Александр Оглоблин совершенно справедливо называет «крупными торговыми операциями». Московские связи помогли и тут.

Жизнь налаживалась. Но плох тот казак, даже самогонщик, который не мечтает о гетманской булаве. Мазепа был хорошим казаком. Он мечтал. Мечтать пришлось долгих 13 лет. Наконец случай представил-

ся.

Самойлович оказался лояльным к царскому правительству гетманом. Но погорел на Крымском походе. Причем в самом деле не обошлось без огня – вместе с Самойловичем сгорело и все Дикое Поле.

В 1686 г. перемирие между Россией и Польшей, длившееся девятнадцать лет, увенчалось Вечным Миром. Вчерашние враги заключили друг друга в объятия, подтвердили раздел Украины по Днепру, и обратились против общих врагов – Турции и хана. В начале следующего года большое московско-украинское войско во главе с Василием Голицыным побрело в Крым. В случае удачи замышлялось полное покорение разбойного гнезда.

Страдая от недостатка воды, армия дошла до реки Конской, и увидела выжженную степь. Попытались прорваться через пожарища, но только погубили обозных быков. Пришлось возвращаться. Неудачу похода возложили на Ивана Самойловича. Часть старшины принесла Голицыну челобитную, в которой утверждалось, что степь жгли казаки по приказу гетмана. В ней же перечислялись обиды, нанесенные старшине гетманскими сынами, поставленных полковниками, поборы, утеснения и содержалась просьба переменить гетмана. Донос пришелся в масть. Гетмана на ночь окружили «доброй сторожей», а утром

арестовали и, надавав по морде, выдали в московский лагерь.

Оттуда беднягу с толпой родни запроторили аж в Сибирь, а сыну его Григорию, воспитаннику Ивана Степановича, отрубили голову. Новым же гетманом избрали Мазепу.

Участие его в этой интриге обычно или стыдливо замалчивается, или считается недоказанным. Автор «Истории Русов», правда, утверждает, что «страшное судилище над Самойловичами и так слабые на них доказательства воздвигнуты тайным ковом асаула генерального Ивана Степановича Мазепы, искавшего давно гетманского достоинства». Но свою книгу аноним писал на рубеже XVII – XIX веков. Нет ли более ранних свидетельств?

Есть! Автор «Летописи Самовидца», современник событий, перечисляя составителей челобитной, называет «обозного, асаула и писаря войскового». Обозным был тогда Василий Борковский, писарем – Василий Кочубей, а «асаулом» – Иван Степанович Мазепа. Утверждение Самовидца тем более внушает доверие, что писал его человек осторожный, не позволявший никакой критики по адресу здравствующих сильных мира сего. Кроме того, летопись обрывается в 1702 г., задолго до перехода Мазепы к шведам, а потому «очернять» его у Самовидца не было никакой

причины. В политической конъюнктуре времени, когда делалась запись, подобное считалось только за слугой.

В последнее время репутация Мазепы приобретает все больше черт национального героя, «последовательного борца за независимость», но факты свидетельствуют об обратном. При вступлении в должность он подписал Коломацкие статьи, еще более урезавшие украинские права. Теперь гетман не мог без разрешения царя смещать старшин. Ему запрещалось иметь какие-либо сношения с Польшей, Крымом, всеми другими государствами и затрагивать польские интересы.

Возможно, гетман и сожалел, подписывая этот документ, но иначе как бы он стал гетманом? Охотников выхватить из рук Мазепы перо было достаточно. Несытой толпой стояли они за спиной. И в тот момент, когда рука Ивана Степановича выводила изящную роспись, другие руки уже сжигал зуд изящной словесности. Едва успел Мазепа стать гетманом, как в Москву на него посыпались доносы.

Но имел ли он какой-нибудь тайный далеко идущий план, принимая гетманское достоинство? Был ли у него изначально замысел вырвать Малороссию из российской протекции и превратить в независимое государство?

С самого начала правления и до 1708 г. мы видим в Мазепе прежде всего исполнителя воли царского престола. Если же у него имелся тайный умысел, то в таком случае он вел себя весьма странно – уничтожая своих потенциальных союзников. В 1704 г. по приказу Петра гетман переходит на польский берег Днепра, а там, уже по собственной инициативе, захватывает полковника Семена Палия, создавшего вокруг Фастова независимую казацкую республику – Гуляй-поле XVIII века. Мазепа тут же фабрикует на него дело с обвинениями в антимосковских замыслах и передает российским властям, после чего того отправляют в ссылку в Енисейск. А между тем вынашивай Мазепа «замыслы», популярнейший на Правобережье Палий пришелся бы ему очень кстати. Наконец в 1707 г. Мазепа помогает укротить восстание Кондратия Булавина. Что это: политическая недалёковидность, стойкое презрение родовитого шляхтича к любой «инициативе снизу» или отсутствие желания ввязываться в рискованные предприятия? Но задумаемся: а зачем ему, собственно, рисковать?

Мазепа своего достиг. Он гетман. Он живет во дворце в Батурине, пользуется роскошной библиотекой, собирает фантастическую коллекцию оружия, владеет ста тысячами душ в Украине и двадцатью тысячами в близлежащих российских уездах. Смотрит в Кие-

во-Могилян-ской академии посвященную ему Прокоповичем пьесу «Владимир». Только богатство делает авантюристов лояльными. А Иван Степанович теперь сказочно богат – он собирает налоги с Украины, как с собственного поместья. Может ли такой человек искать опасности? Ведь для него присоединиться к какому-нибудь беглому повстанцу, вышедшему с Запорожья с толпой сторонников и ворованными у Богдана Хмельницкого лозунгами означает отменить самого себя – Ивана Степановича Мазепу вместе с «маетностями» и Батуриным замком. Хмельницкий-то выступил против поляков лишь когда у него отобрали Суботов – у Мазепы же сотни Суботовых, и никто их пока не отбирал.

Кроме того, он прекрасно знает: «В Украине начальные и подначальные, духовные и мирские, как разные колеса, не в единомышленном находятся согласии: одним хорошо в протекции московской, другие склонны к протекции турецкой, третьи любят побратимство татарское, по природной к полякам антипатии». Именно так отвечает он 18 сентября 1707 г. в письме Станиславу Лещинско-му, союзнику Карла XII. Но ведь и это еще не все!

Сословия украинского общества, как акробаты, выстроившиеся на плечах друг у друга: сначала – селяне, потом казаки, потом старшина, а на самой верхуш-

ке он – гетман. И каждый завидует другому. Селяне хотят быть казаками, казаки – сотниками, сотники – полковниками, а полковники – гетманами. И не дай Бог, если кто-то подойдет со стороны и пнет эту пирамиду, не имеющую прочного шеста, за который бы всем ухватиться – Закона. Потому что закон тут – гетманские универсалы, забываемые вместе со смещенными сочинителями, а государство молодо и не имеет обычаев, кроме одного – писать доносы. И пишут! Казаки на сотников – гетману в Батурин, а полковники на гетмана – в Москву.

Но не одну Украину бьет лихорадка мелких политических страстей. На рубеже XVII—XVIII веков шатается вся Восточная Европа. Исчерпав кредит великодержавия, клонится к упадку Польша. Вот уж и поговорку придумали: «Речь Посполитая стоит раздорами».

Если Речи Посполитой как великой державы уже нет, то Российской империи еще нет. Она только рождается в руках спешащего Петра. «Русская угроза» станет популярной позднее, а пока никто не может сказать, устоит ли сам Петр, в спину которому бьют волны стрелецких бунтов.

Вода восточноевропейской политики мутна – будь Мазепа ловцом по призванию, он попытался бы не мешкая вытащить еще одну рыбку, но, повторяем, его

сачок – уже полон.

1700 год принес большую войну. Иначе и быть не могло. За XVII век предприимчивые шведские короли сколотили империю, контролировавшую всю восточноевропейскую торговлю. Сражения Швеция проигрывала редко – не чаще, чем «Милан» футбольные матчи – и поэтому в Риге, Ревеле и Ниеншанце (на месте современного Санкт-Петербурга) стояли гарнизоны ее солдат в синей форме. Естественно, такие удачи не могли не породить жадную свору завистников.

Датский король Фридерик IV стремился вернуть захваченный Швецией юг Скандинавского полуострова. Саксонско-польский король Август II претендовал на перешедшую в руки шведов Лифляндию. Россия же стремилась получить назад захваченное устье Невы.

Казалось, сколочена мощная коалиция. Но война началась крайне неудачно для союзников. Высадка Карла XII под Копенгагеном заставила капитулировать датчан. Под Нарвой тяжелое поражение терпит русская армия. На фоне поистине драматических декораций, под прикрытием пурги, дувшей в лицо русским, шведы ринулись в атаку и прорвали оборону. В руках Карла оказались генералитет и вся артиллерия. Вскоре и Август II вынужден был снять осаду Риги и отступить в глубь Речи Посполитой, проигрывая одно сражение за другим.

Для Мазепы все эти Марсовы потехи совсем некстати. Торговля Гетманщины ничего не выиграет от того, получит ли Россия выход к Балтийскому морю. Но подписав в день своего избрания Коломацкие статьи, утверждающие, что Малороссийский край – всего лишь часть «их царского Пресветлого Величества Самодержавной державы» – гетман обязан выполнять все приказы Петра. И едва открылись боевые действия, как 12-тысячный корпус казаков под командой нежинского полковника Обидовского направляется на север. Впрочем, боеспособность его оказывается весьма невысокой. Петр возвращает эту подмогу назад. В письме от 31 декабря 1701 г. генерал Шереметьев жалуется царю: «Лучше умереть, нежели с ними служить, а на добычу и на разоренье таких не слыхано». К Нарве казаки опоздали, зато успели помародерствовать на Псковщине, по обычаю всех тогдашних армий восполнив недостаток в продовольствии.

Война продолжается. Исход ее неясен. Успехи чередуются с неудачами. Петр мощно помогает Августу II деньгами и солдатами. Кажется, что союзникам удастся одолеть шведов, и Мазепа остается послушным орудием российской политики. Посылает под Варшаву корпус Даниила Апостола. Сам с 40-тысячным войском берет Львов и Замостье.

Резкий поворот обстановки принес только 1706

год. Устав гоняться за Августом по Речи Посполитой, шведский король направляется прямо в Саксонию – наследственное владение своего врага. Август, большой поклонник женщин, схвачен теперь за самое интимное место. Не в силах вынести разорения любимого княжества, он подписывает втайне от Петра I мирный договор.

Россия оказывается в политической изоляции. Польша превращается во врага. Турецкий султан в любой момент может нанести удар с юга. Элементарная логика подсказывает: Московии пришел конец.

Военная репутация Карла XII еще никогда не стояла так высоко. Послы Англии, Голландии, Пруссии и Австралии осаждали Альтранштадт, где держал свою ставку шведский король, и наперебой поздравляли его с победой в Саксонии. Англичан и австрийцев больше всего пугало предположение: а вдруг Карл не повернет немедленно в Россию, казавшуюся слишком ничтожным противником, а вмешается на стороне их врага – Франции – в войну за испанское наследство? Но Карл не собирался начинать новую войну, не завершив старую. Решение его было твердо – поход на восток. Государства же слабые изворачивались, как умели, и вели двойную игру – так прусский монарх Фридрих I, признав Лещинского польским королем, просил царя через своего посланника не счи-

тать этот шаг враждебным России.

Отчего же было не повести двойную игру и Мазепе? Разве не обучался он некогда при варшавском дворе тонкостям европейской политики? И что с того, что почти двадцать лет назад присягал он перед Евангелием, православным крестом и Богом на верность царю?

Еще в 1705 г. в Замостье, где стоял с войском гетман, пробрался из Варшавы с секретными предложениями от Станислава Лещинского некто Францишек Вольский. Тогда Мазепа предпочел отправить посланца в оковах в Киев к воеводе Дмитрию Голицыну, а письма переслал царю. Но польская интрига не утихла. Вскоре на крестинах дочери краковского воеводы князя Вишневецкого Иван Степанович встретился с княгиней Дольской. Дольская повторила предложение Лещинского. Между польской шпионкой и гетманом завязалась переписка «цифирью» – шифром.

Историки – и украинские, и русские – уделяют много внимания таинственным переговорам Мазепы с Лещинским, известным в основном по доносу Искры и Кочубея. Как и самому доносу. Между тем, в силу специфики этого жанра, истина в нем трудноотличима от вымысла. Несовершенство тогдашнего судопроизводства, по всей Европе основанного на пытке, не позволяет установить бесспорную правду. Так, Кочу-

бей, пытаный кнутом, признал себя лжецом, клеветавшим на гетмана. Не перейди гетман к шведам, в дореволюционной русской историографии склонный к доносам генеральный судья остался бы не воплощением честного слуги, а злобным клеветником, обоглавшим Мазепу из личных побуждений. Доказательства нашлись бы вполне логичные – разве не приударял старый гетман за Кочубеевой дочкой? Сами же переговоры Мазепы с Лещинским считались бы тогда не более чем вымыслом личных врагов гетмана. И это не самый удивительный парадокс.

Меня, например, просто умилило мнение одного из историков, предложившего и Кочубея тоже считать украинским патриотом – просто он, видите ли, придерживался другой ориентации – протурецкой. Якобы, скovyрнув Мазепу (орать под кнутом пришлось бы уже Ивану Степановичу), Кочубей бросился бы спасти Украину в союзе с Турцией и Крымом. Логика непробиваемая – пусть и доносчик, лишь бы патриот!

Нет, если сочинение Кочубея и Искры и характеризует что-то бесспорно, так это нравственную обстановку вокруг гетмана. Донос был в его окружении обычным явлением. Сам гетман тоже жаловался в письмах Петру на склонность малороссийского народа к измене и убеждал: только он, Мазепа, способен удержать его в узде. И никакие личные отношения не

были помехой для распоясавшегося честолюбия. Кочубею, метившему при удаче доноса на место Ивана Степановича, не мешало то, что старшая дочь его была замужем за гетманским племянником полковником Обидовским, а сам гетман – крестный его младшей дочери Мотри. Все эти патриоты только то и делали, что тянули в украинские дела кого-то со стороны – то турок, то поляков, то русских, то шведов. Странное у них было какое-то понятие о патриотизме...

Мы мало что знаем о секретных переговорах Мазепы с польским и шведским королями. Историки держатся двух точек зрения. Либо утверждают, что в результате должна была возникнуть независимая Украина, либо же наоборот – страна казаков превратилась бы в часть Речи Посполитой по образу так и не воплотившегося в жизнь Княжества Русского времен Ивана Выговского. Из доноса Кочубея известно, что Мазепа, запершись со старшиной, читал Гадячское соглашение, стоившее некогда гетманства Выговскому – документ специально разыскали в Печерском монастыре. Но вряд ли это подтверждает то, что гетман и в самом деле желал передать Украину Польше. Не покоевый шляхтич Яна-Казимира, а вкусивший власти старый политик разбирал теперь вылинявшие буквы хартии, напоминавшей ему о давно исчезнувшей молодости. И хотя он и мог убеждать Лещинского в том, что

сердце его, как и прежде, склонно к прекрасной, как шляхтянка, польской державе, но в частном разговоре с французским дипломатом Жаном Балюзом Мазепа признался, что «корона польская идет, как в Древнем Риме, к упадку». Правда, секретарь походной канцелярии Карла XII Шонстрем, несомненно, ознакомленный с уничтоженными после Полтавы секретными документами, утверждал, что Мазепа должен был вернуть всю Украину полякам, взамен получив княжество, созданное из Витебского и Полоцкого воеводств в Белоруссии. Вот только в самом ли деле собирался выполнять этот пункт Иван Степанович?

Настроения в Украине тогда царили антипольские. Левобережье под властью царя находилось в относительной безопасности. Правый же, польский, берег превращен был постоянными войнами в полупустыню. Один казацкий полковник говорил во время похода на Волынь пойманному предводителю шляхетского отряда: «Когда-то были вы нашими панями. Тогда вы были смелыми, а теперь у вас силы, как у старой бабы. Не умеете даже защищаться. Если не исправитесь, повесим вас всех за уши и сдерем шкуру!» При таких условиях Мазепу, поддайся он полякам, ждала бы участь Выговского. И он это понимал. А потому в Манифесте к украинскому войску и народу 1708 г. появилась фраза: «Решено поставить страну нашу в то

состояние государств, в котором была она перед владением Польским, со своими природными Князьями и всеми бывшими правами и привилегиями, что вольную нацию определяют».

Но даже не подробности договоров важны для нас, ибо немного найдется в истории соглашений, воплощенных до запятой, а то, почему из замысла гетмана ничего не вышло! И тут мы вынуждены прийти к неутешительному выводу – Мазепа струсил. Переосторожничал. Слишком долго колебался он, считая, что где-то там, на севере, на столбовой дороге к Москве, вырвет Карл XII из рук Петра украинское государство. А потому больше всего боялся быть раньше времени разоблаченным. Так боялся, что чуть не перед самым своим переходом к шведом приказал отправлять всем попам богослужение... за победу Петра.

Приходские священники играли в те времена роль комиссаров, отвечавших за настроение паствы. Как мог после этого отреагировать обработанный соответствующим образом народ на крутой поворот в украинской политике? Только изумлением! Да голова шла кругом у бедных селян и казаков! Даже ненавидевшие Петра I запорожцы не могли поверить: Мазепа, о котором царь говорил, что был бы счастлив, если бы все слуги у него были, как этот, и против Москвы? Невероятно!

16 сентября 1708 г. войска Карла XII перешли границу Украины. Замысел Мазепы загрести жар чужими руками рухнул в один миг. Известна фраза гетмана: «Какой черт несет его! Он развеял все мои планы и стянет сюда русские войска. Вот так они погубят нам нашу Украину». Добавлю только, что немалую вину за поворот шведов на юг несет и сам Иван Степанович – ведь именно он ответил согласием на игру Станислава Лещинского.

Последним аргументом в переходе к шведам был страх. Страх, что Петр уже обо всем знает. Мазепа хитрил, на приглашения Меншикова приехать отвечал отказом, ссылаясь на нездоровье. Наконец решился и... поскакал к шведам. В Батурине, гетманской столице, остался верный гарнизон и гигантский запас военного имущества.

Успех похода зависел оттого, кто первым успеет к Батурину – шведы или русские. Именно здесь Карл мог бы обрести материальную базу для ведения длительной войны в Украине. Но первым успел Меншиков. Его летучий отряд, выдвинутый вперед русской армии, 9 ноября 1708 г. захватил столицу гетмана и сравнял ее с землей. Население города было целиком уничтожено. Помня об этом преступлении, мы не должны забывать: Северная война велась с необыкновенной жестокостью с обеих сторон. Инструкции

шведской главной квартиры времен боевых действий в Польше, где разгорелась партизанская война, гласили: злодеев следует казнить по малейшему подозрению «к вящему устрашению и дабы ведомо им было: ежели уж за них взялись, то даже младенцу в колыбели пощады не будет». В августе 1703 г. польский городок Нешава был сожжен, а его жители повешены в наказание за то, что на шведский отряд кто-то напал по дороге. В 1708 г. после битвы под Фрауштадтом шведский фельдмаршал Реншельд приказал казнить всех захваченных русских пленных. Пятьсот солдат были тут же заколоты. Жестокость Меншикова в Батурине вполне в духе времени – ни выше, ни ниже среднеевропейского уровня.

Теперь, после уничтожения батуринских складов, судьба кампании повисла на волоске. Ослабленная тяжелым походом, лишённая боеприпасов, армия Карла XII упрямо продвигалась вперед, еще надеясь на то, что Господь в очередной раз сотворит чудо...

Но и Мазепа, и Карл ошибались в обстановке и оценке сил друг друга. Надежда, что Украина восстанет против царя, развеялась. Идеологическое влияние Москвы оказалось сильнее. В начале XVIII века религия по-прежнему играла ведущую роль в народном мировоззрении. Православный царь был священным символом для единоверцев Украины и Ре-

чи Посполитой – даже в церквях «греческого обряда» Львовщины после моления о здравии польского короля молились о Петре I. К тому же закрепощаемый Мазепой народ не любил своего властителя. Царь – далеко. Гетман – близко. Союза со шведами – не понимали. А кормить шведскую армию, явившуюся, как на выпас, приходилось именно народу.

Единственным успехом Мазепы стал переход на его сторону запорожцев. Но привычные к степной войне казаки были небольшой подмогой в поединке с организованной на европейский манер армией России. За полвека после Хмельницкого на Западе произошла революция в военном деле. Теперь все решали регулярные армии – дружный залп с короткого расстояния, дисциплина, маневренность артиллерии, штыковая атака. Петр успел приспособиться к этим изменениям. Но воинское искусство казаков осталось на уровне прежних войн с Польшей. Запорожцы крепко держались за старые приемы, приносившие им некогда успех, и не хотели ничего менять. Это превратило их всего лишь во вспомогательные войска – недаром в Полтавском сражении никакой существенной роли они не сыграли. Это был тот случай, когда консерватизм принес только вред.

А украинская зима выдалась нелегкой даже для уроженцев севера. Хорошо зная о страданиях напо-

леоновской армии в 1812 году, мы забываем, что не меньшие испытания выпали и на долю союзников Мазепы. Ударили жестокие морозы. Дороги усеяли трупы замерзших солдат. Хуже всего пришлось кавалеристам. От их ладоней поводья можно было отодрать только с кожей, а половые органы, случалось, примерзали к седлам. В маленьких украинских городках домов на всех не хватало – ночевать приходилось на улице. Каждое утро собирали трупы околелых солдат, их жен и детей – в те времена за армией часто тащились семьи. За зиму шведская армия ослабела по крайней мере на четверть.

Исчезла надежда и на турецкую помощь. Подкупленные русскими дипломатами советники султана удержали его от вступления в войну. В чужой стране армия Карла – без боеприпасов и продовольствия для длительной войны – попала в ловушку.

Ни в СССР, ни в независимой Украине так и не решились перевести без купюр «Историю Карла XII» Вольтера, описавшего эту злосчастную кампанию еще в XVIII веке. Трусливых украинских «науковців» отпугивали его хлесткие характеристики, напроць разрушавшие миф о цивилизованной Украине, якобы поражающей своей культурой Европу. Но мне удалось раздобыть его дореволюционный, еще царский перевод.

Вот отрывок из него: «Карл со своими восемнадцатью тысячами шведов не потерял надежды и не отказался от плана достигнуть Москвы. В конце мая он пошел осадить Полтаву на Ворскле, на восточной оконечности Украины, в сорока двух верстах от Борисфена; это земля запорожцев – самого странного народа на свете. Это шайка русских, поляков и татар, исповедывающих нечто вроде христианства и занимающихся разбойничеством; они похожи на флибустьеров. Они выбирают себе начальника, часто свергают и даже убивают его; они не терпят возле себя женщин, но крадут детей верст на сто кругом и воспитывают их в своих обычаях. Летом они всегда в походе, а зимой спят в обширных сараях, в которых помещается четырехста-пятьсот человек. Они ничего не боятся, живут свободными, идут на смерть из-за самой мелкой выгоды с такой же неустрашимостью, с какою Карл XII бравировал ею для раздачи корон. Царь раздал им шестьдесят тысяч флоринов в надежде привлечь их на свою сторону; они взяли деньги, но благодаря влиянию Мазепы, объявили себя сторонниками Карла XII. Но они мало служили ему, так как они считают смешным сражаться иначе, как ради грабежа; достаточно того, что они не вредили. Самое большее две тысячи из них несли службу. Однажды утром королю представили десять их начальников; с трудом можно было

от них добиться, чтобы они не напивались, ибо этим начинали они день. Их повели на укрепления; здесь они показали свое искусство стрельбы из длинных карабинов. Взойдя на укрепление, они убивали на расстоянии шестисот шагов намеченных ими неприятелей. К этим разбойникам Карл присоединил несколько тысяч валахов, проданных ему ханом Малой Тарии. Таким образом он осадил Полтаву с войском из запорожцев, казаков и валахов, которое присоединенное к восемнадцати тысячам шведов, составило армию приблизительно в тридцать тысяч человек, но армию изнуренную и терпящую нужду во всем».

Но это по-прежнему была армия. Причем жестокая, прожорливая и бесцеремонная. Приставший к шведскому воинству словацкий пастор Даниэль Крман оставил такое описание методов Карла XII: «Села и города приказал разорять, а хаты сжигать. Где находил жителей, там убивал их... Много тысяч скота и их добра сгорело».

«Тирания» Петра I, о которой так любят рассуждать наши «перестроившиеся» историки, казалась раем по сравнению с этим разбоем. Царь принимал назад даже тех, кто поначалу ушел с Мазепой. А беглый гетман вел себя хуже Карла XII. После взятия местечка Веприк в плен к шведам попало две тысячи русских солдат и столько же местных жителей. «Король,—

пишет очевидец Крман, – всех помиловал, но Мазепа нескольких своих подданных, брошенных в ямы, замучил голодом».

Тепло не принесло завоевателям облегчения. Наоборот! Вместо мороза у них появился новый страшный враг – мухи. Весной и летом 1709 года эти милые насекомые пережили небывалый «демографический взрыв». Суеверный Крман описывает их с чисто библейским ужасом: «Бог послал мириады мух, летавших роями. Они, словно войско, заморили все хаты и дворы, переполненные дохлятиной. Ими был полон и лагерь. Когда я посетил свою старую хату в Хведорках, то увидел густо покрытые мухами стены, потолок, печь, посуду и даже пол. Посреди хаты можно было видеть несколько роев мух, что висели от пола до потолка, держась вместе, как пчелы. Кто входил в хату, должен был пробиваться через рои мух... Они садились на край мисок, на ложки, влетали в полуоткрытые рты... У майора Траутветтера увидел я мух в ловушке. На середине стола этот добрый и хороший молодец наливал немало медовины или молока, а когда мерзкие гости, мухи в роях, слетались утолить жажду, он, вытащив из пороховницы порох, насыпал его в скрученную бумагу и, поджигал. Этим мух можно было назвать знаменем катастрофы, которую нес расположившийся вокруг враг».

С современной точки зрения это нашествие крылатых тварей объясняется просто: грязная, немытая, вонючая армия просвещенного европейца Карла XII, застрявшая на три месяца под Полтавой, просто загадила все вокруг себя в радиусе нескольких миль. Тридцать тысяч одетых в суконные мундиры, потных, страдающих дизентерийным поносом шведских героев нарушили биологический баланс Полтавской области. Дерьмо породило мух. Расплодившиеся мухи разносили заразу еще здоровым солдатам, которые, заболев, укрепляли кормовую базу мух новыми порциями испражнений. Образовался замкнутый круг. Шведская слава в буквальном смысле утонула в полтавских экскрементах.

И уж никак не Мазепа мог вытащить ее оттуда. Иногда старый гетман бывал просто недееспособен — причем по самой прозаической причине. Явившийся за охранной грамотой Крман застал его лежащим пластом и «полностью больным после трехдневного пиршества с запорожцами». Хозяином положения он давно себя не чувствовал и в ответ на просьбу о гарантиях ответил: «Разве я Бог, чтобы обещать вам вольный переход?»

Дело действительно оказалось в Божьей деснице. Одна из предсказательниц, которыми всегда полнилась украинская земля, отважно став перед Мазепой,

предрекла: ни гетман, ни король Полтавы не добудут, но будет вокруг города большое кровопролитие. Ей не поверили.

И когда утром 27 июня над Полтавским полем рас-сеялась тьма, все уже было предрешиено: и пораже-ние шведов, и смерть Мазепы осенью, и окончатель-ная ликвидация гетманства через 55 лет, и даже Го-голь, едущий в Петербург за литературной карьерой.

Запорожцы, союзники шведов, еще и ограбили на-последок тех из них, кто отстал от армии. Как пишет Крман, «у одних они отбирали вещи, у других – иногда и жизнь». Таков оказался этот странный союз...

Мазепа умер поздним вечером 2 октября 1709 года в Бендерах, куда бежал вместе с Карлом. Агония дли-лась более суток.

Тело положили в монастыре в Галаце. Но и после смерти ему не было покоя. Между Россией и Турцией началась война. Запорожцы, бежавшие вместе с Ма-зепой в Молдавию, воевали на стороне турок. Но это не помешало турецким солдатам в поисках сокровищ открыть могилу гетмана, а труп выбросить в Дунай. Казаки нашли останки и водворили их на прежнее ме-сто. В 1835 г. поверх гроба Мазепы похоронили како-го-то молдавского боярина. Потом последовал запрет молдавского правительства хоронить в церквях и оба гроба перенесли в новую могилу справа от входа.

Был ли Мазепа героем? Давайте не забывать, что всю жизнь он пытался приспособиться к меняющимся обстоятельствам – даже союз со шведами возник не по его инициативе. Он изворачивался, боялся, ловчил, старался выплыть. Послужной список гетмана свидетельствует, что он не был идеалистом. Тем более последовательным борцом за украинскую идею. Покоевый шляхтич Яна-Казимира. Ротмистр его врага Дорошенко. Генеральный есаул при Самойловиче. Доносчик на Самойловича. Любимый слуга Петра и враг Петра. Перед нами игрок, а не герой.

Не нужно золотить его фигуру.

А вот подвиг украинских мух следовало бы помянуть добрым словом...

Вертепная культурка

Все мы с детства знаем, что в XVII веке уже были украинцы. Чубатые казаки с саблями и сулеями горилки, веселые девчата с веночками на голове, трудолюбивые мещане, бородатые попы, студенты Киево-Могилянской академии, вынюхивающие, где бы чего потянуть, бедные селюки, вечно бегающие от татар, панов и работы – в общем, целая страна с полноценной и веселой жизнью. Она строила дома, муровала церкви, изобретала новые разновидности наливок и колбас, ездила в Крым за солью и просто друг к другу в гости. А вот какая у нее была культура? Полная загадка! Еще не родились Гоголь и Котляревский, еще не отправился шляться между домами загадочный Сковорода, еще не вылез на московскую службу Феофан Прокопович, придумавший Петру I идеологию целой империи... Так неужели тогда у них вообще никакой культуры не было? И кроме безглазых кобзарей, торговавших на площадях заунывными думами, они не знали других развлечений? Только лопали свои галушки и валились друг на друга делать новых, подобных себе галушкоедов?

Не верю! Что-то же у них должно было существовать для всеобщего пользования – какой-то прими-

тивный эквивалент театра, кино и «мыльной оперы»? И оно у них было! Причем очень похожее на телевизор – только без электричества. А называлось – вертеп.

Сегодня это слово употребляется исключительно в переносном смысле. Когда в Верховной Раде парламентарии начинают тягать друг друга за чубы, говорят, что это «вертеп». Когда кто-то циничный и похотливый, прикидываясь святошей, разводит байки о морали, нынешнюю «вседозволенность» он обязательно обзовет этим словечком. Когда просто переругаются между собой тетки на базаре, то самая образованная из них непременно скажет: «Та це вертеп якийсь!»

Но вот что «оно» такое на самом деле, никто толком не видел и не знает, несмотря даже на то, что в энциклопедии об этом явлении сказано: «старинный кукольный театр на Украине. Возник в XVII в... Представления вертепа шли в специальном ящике («скрыньке»), который по внешнему виду напоминал двухэтажный домик, своеобразную двухъярусную сцену. Вертепщик, передвигая деревянные куклы, прикрепленные к проволоке, произносил текст, изменяя голос соответственно характеру каждого персонажа. Персонажи вертепа – интересные социально-бытовые типы, разговаривавшие на сочном народном языке. Наиболее популярными среди них были: Запорожец, Москаль (Солдат), Цыган, Баба, Дьяк,

Шинкарка и др.». В общем, правда. Но не вся. Баба, может, и «социально-бытовой тип». А вот Цыган? Даже из названия возникает подозрение, что, скорее, национальный. Тем более что еще несколько типов даже не названо.

От XVII—XVIII веков сохранилось несколько записей вертепных пьес. Увы, полностью они публиковались только в дореволюционное время крошечными тиражами, если не считать репринтного издания начала 1990-х – книги «Обычаи, нравы и поверья малороссиян», где воспроизведена одна из этих старинных комедий. Почему? Да потому, что с нынешней точки зрения они потрясающе неполиткорректны!

Судите сами. В журнале «Киевская старина» за 1882 год (т. IV) мне удалось отыскать две статьи об украинском вертепе. Одна из них была подписана известным культурным деятелем и меценатом позапрошлого столетия Григорием Галаганом. «Совершенно случайно, – писал он, – старинный вертеп сохранился в имении моем Сокиринцах... По рассказам моего отца, в 1770-х годах к моему прадеду зашли с вертепом киевские бурсаки. Вероятно, их представление принято было с большим сочувствием, потому что мой прадед, удержав на некоторое время странствующих артистов, устроил для себя вертеп, причем бурсаки передали вертепный текст и нотное пение местному хо-

ру певчих, существующему непрерывно до сих пор».

Над всеми действующими лицами, продолжает Галаган, «господствует Запорожец». В речах его «много глубокого своеобразного юмора, а в его действиях много сознания силы и господства, хотя и выражающегося в грубой форме: он всех и все побеждает, одинаково не понимая ни чувства уважения к кому бы то ни было, ни чувства страха пред кем или чем-либо».

Уважения действительно маловато. Зато юмора – хоть отбавляй. Запорожец появляется в сцене, представляющей шинок, в котором пирует Поляк. Тот сразу же убегает, заслышав его песню о том, что «не буде краще, як у нас на Україні! Що немає жида, що немає ляха: не буде зміни!»

Казак сразу же начинает хвастаться:

Случалось мені, і не раз,
В степу варить пиво:
Пив турчин, пив татарин,
Пив і лях на диво;
Багацько лежить
І тепер з похмілля
Мертвих голов і кісток
З того весілля.

Но, оказывается, что у «героя» нет денег, чтобы расплатиться в шинке, принадлежащем, естественно,

еврею. Потому что он – «козак Іван Виногура, у його добра натура. В Польщі ляхів оббирає, а в корчмі пропиває».

Зато жажда алкоголика просто одолевает. «Запорожец пьет водку из барила, еврей поддерживает барило и дрожит от страха», – пишет Галаган. Потом они начинают ругаться и драться. Наконец Запорожец убивает шинкаря, а потом подходит к колоколу и «ведет при этом довольно бессмысленные речи пьяного человека».

Дальше в той же манере главный герой расправляется с Чертом, потом хочет покаяться и зовет священника. Но тот оказывается униатским попом. Запорожец хочет бить и его со словами, что «уніатських попів не бив, а з них живих кожу лупив». Однако проворный отступник от православия тут же дает деру, вызвав одобрительную реплику своего мучителя: «Добре зробив, що втік!» Играет музыка.

«Этой последнею победою над всеми своими врагами оканчиваются сцены с Запорожцем, – завершает свое исследование Галаган, – прощаясь со зрителями, казак как будто чувствует, что он не всем мог угодить своими дерзкими выходками, и, уходя со сцены, говорит:

Що ж, панове?

По сій мові Будьмо здорові!

З пісні слова не викинеш

А що було, то барзо прошу про те не поминати,
Бо вже піду під курінь віку доживати.

Не стоит, наверное, выбрасывать слова и из истории культуры. Хотя кому-то она и может показаться не очень культурной. Что было, то было. Даже если это всего лишь сплошной вертеп!

Родная история вообще любит ходить по кругу. Задолго до того, как Лесе Украинке припечатали подобострастное провинциальное прозвище «украинская Сафо», ту же кличку носила еще одна поэтесса. Звали ее Маруся. Жила она в Полтаве в середине XVII века и была дочерью казачьего урядника Гордея Чурая, казненного поляками в 1638 году.

В исторической памяти Маруся застряла в основном благодаря песне «Ой не ходи, Грицю, та й на вечорниці», а еще как одна из первых украинских женщин-химиков. Она знала где, когда и какое зелье копать, в каких пропорциях его смешивать и как за считанные минуты молодого, здорового, только что скакавшего в гопаке казака превратить в неподвижно лежащий труп в шароварах.

Жертвой научных познаний Маруси и оказался Григорий Бобренко – казак того же Полтавского полка. Пообещав взять поэтессу в жены, он неожиданно из-

менил решение и женился на некоей Гале Вишняк. Пылкое сердце девы-химика не выдержало и подсказало травонуть незадачливого Грицька, о чем осталось собственноручное стихотворение Маруси:

У неділю рано зіллячко копала,
А у понеділок переполоскала.
У середу рано Гриця отруїла.
У четвер надвечір Гриценько помер,
А прийшла п'ятниця – поховали Гриця.

Можно ли после этого называть Марусю «воплощением нравственной красоты украинского народа»? Трудно сказать. По современному Уголовному кодексу она пошла бы по статье «преднамеренное убийство с отягчающими обстоятельствами» (Гриць-то полтора дня мучился, выхаркивая перед смертью свои внутренности).

Но если взять в качестве основного правила народной морали принцип: «І сам не дам, і другому не дам!» то тогда, конечно, Маруся – идеал. Действовала она строго по его рекомендациям. И сложенная ею песня имеет любопытное продолжение:

А в субботу матери дочку била:
– Нащо ж ти, доню, Гриця отруїла?
– О матери, матери, жаль ваги не має:

Нехай же Грицько двоїх не кохає!
Нехай він не буде ні тій, ні мені
Нехай дістанеться сирій земліні.

По версии, изложенной князем Шаховским в статье «Маруся – малороссийская Сафо» (в книге «Сто русских литераторов», т. I, СПб, 1839), от казни отравительницу спас только Богдан Хмельницкий. Психически неуравновешенную полтавскую барышню он помиловал «с учетом головы» ее отца, казненного в Варшаве.

После помилования Маруся недолго жила на свете и умерла в 1653 году в возрасте двадцати восьми лет. Как утверждает Шаховский – в покаянии.

Как бы то ни было, эта бессмысленная уголовная история сумела поразить даже наших диковатых предков, живших в ту эпоху, когда людей резали чаще, чем свиней.

Берии XVIII столетия

Граждан удивляет беспредел. Они порой возмущаются беспомощностью следственных органов. Некоторые даже кричат: «Куда смотрит милиция?» Наивные! Кто же виноват, что некоторые до сих пор верят во всесильность киношных ментов?

Не нужно быть лопухом. В нашей стране каждый здравомыслящий гражданин обязан быть самому себе чуть-чуть Шерлоком Холмсом и хоть немного охранником. Ибо не для того заводились все эти «спецслужбы», чтобы спокойно храпел обыватель. Даже скорее наоборот.

Задолго до ГПУ и ЧК по всей России гремела слава другой не менее «благородной» организации – Приказа тайных дел. Возникнув при батюшке Петра I – Алексее Михайловиче Тишайшем, сие заведение благополучно пережило эпоху великих петровских реформ и даже послепетровское безвременье. Если что и поменялось в нем, то только название. В связи с общей политикой европеизации доморощенный Приказ стал именоваться Тайной канцелярией. В Украине действовал ее «филиал», в просторечии называемый Тайной экспедицией. «Дела ее и подвиги, – писал анонимный автор «Истории Русов», – значили бы в ны-

нешнее время бред горячки или помешанных умов, а тогда они были самые важные...»

В доказательство своих слов историк приводит следующий рассказ. Проезжал во времена Анны Иоанновны через украинское местечко Горек некий офицер Чекатунов. Недовольный приемом местного помещика, пошарил он зорким оком по стенам и узрел на печке крамолу – изразец с орлом, смахивающим на имперского двуглавого. Офицер тут же арестовал хозяина и отправил в Тайную экспедицию с доносом, «что он жжет на печах своих герб государственный неведомо с каким умыслом». Помещика допросили, и он при свидетелях и присяге поведал, что никаких умыслов не имел, а печь купил у гончара Сидора Перепелки – единственно с целью «зимою согревать горницы». Дело закрыли. Но любителю тепла пришлось помилостивить «детективов» еще и табуном лошадей.

Впрочем, это был действительно везучий помещик. Другим фартило меньше.

В октябре 1721 года в ознаменование победы над шведами Петр 1 принял в Петербурге титул императора. А примерно через год, 16 ноября 1722 года, в Кнотоп приехал продавать дрова малороссийский крестьянин Данило Белоконник. Завершив коммерцию, он так загулял, что послал в шинке императора по матери. Еще и прибавил: «Таких императоров много.

Черт вас знает, кто такой ваш император!»

Пивший вместе с Данилом гренадер Спицин тут же крикнул: «Слово и дело!» и понесся с доносом к своему подпоручику. Тот арестовал Белоконника, и в результате различных бюрократических церемониалов мужик оказался сначала в Глухове – в Малороссийской коллегии, а потом – в Петербурге, в Тайной канцелярии.

Там постановили допросить крикуна «с пристрастием». Несчастный ни в чем не отпирался: «Молвил я, Данило, такие слова, не ведаючи того, что гренадер про государево здоровье пьет. А мыслил я, что он пьет за какого боярина и называет его императором, а не про государя. Не знал я, Данило, по простоте своей, что его царское величество соизволили зваться императором».

Приговор состоялся через четыре месяца после преступления: «Бить его, Белоконника, батоги нещадно, а по битье освободить, и дать ему на проезд пашпорт...» Отныне алкоголик Данило императора с боярином уже никогда не путал.

Вообще в Украине, как видно из следственных дел, любили поносить государя – причем непременно после кварты горилки. Почти одновременно с делом Белоконника Тайная канцелярия расследовала пьяные речи некоего Лукьяна Нечитайло – тоже «дисси-

дента». Засидевшись допоздна с собутыльниками 27 сентября 1722 года у дьячка церкви Ильи в Глухове, бродячий школяр Нечитайло изложил присутствующим свою заповедную мечту – или жениться, или постричься в монахи, после чего, как сказано в деле, «избрания его величество». Чем так мешал царь Нечитайло жениться, неизвестно, но доносчики нашлись и тут. Неудавшийся монах-жених покаялся с первого допроса, не дожидаясь пытки. Тем не менее приговор был суров – тридцать ударов кнутом, вырезание ноздрей и вечная каторга.

Занималась Тайная канцелярия и «аномальными явлениями». Народ тогда еще не видел НЛО. Но некоторые странные вещи в небе уже летали. В январе 3 720 года иеромонах Порфирий Спасского Новгород-Северского монастыря узрел целое видение. По его словам, над монастырем витали голова, около нее сабля и два перекрещенных палаша, две руки и две ноги, два полумесяца, две звезды и буква «П».

Видение Порфирий тут же запечатлел чернилами на бумаге, после чего монахи стали снимать с него копии и продавать народу.

Популярность этого художественного изделия стала так велика, что архимандрит монастыря Геннадий переправил и рисунок, и его автора к гетману Скоропадскому, а тот откомандировал его к фельдмарша-

лу Меншикову, находившемуся в Нежине. Меншиков пригрозил Порфирию пыткой и велел нарисовать видение сна по памяти. Некоторые детали этого рисунка отличались от первоначальной версии: фельд-маршал решил, что монах – аферист, и отослал его в Петербург с сопроводительным письмом:

«Понеже Новгородского монастыря монах, самый плут, Порфирий издал изображение, будто он видел на небе. А каким образом оное его плута вымышленное, будто виденье было, и которого числа, тому при сем прилагаю учиненные им плутом в подобии рисунок. А рисунков этих здесь, в Малороссии, зело размножилось...»

«Галлюцинация» обошлась «плуту Порфирию» в лишение сана и вечную ссылку в Соловецкий монастырь. Допрашивал расстригу лично глава Тайной канцелярии Петр Толстой. На дыбу беднягу не подымали, а только привели в застенок и вложили руки в ременной хомут. В прочих же случаях именно пытка служила главным орудием следствия.

В отличие от испанской инквизиции, обладавшей множеством технических средств, русские заплечных дел мастера обходились дыбой, тисками для пальцев и холодной водой, которую лили тонкой струей на обриту голову. Как оказалось, этого вполне хватало. Столкнувшись с тем, что под пыткой подследствен-

ные врут не меньше, чем до нее, государев сыск изобрел оригинальный метод против самоговора. Пытали три раза. Если речи во всех случаях совпадали, на том мучения прекращались. Если же хитрец путался в показаниях, назначались еще три пытки, и так «пока с трех пыток одинаковое скажет». Ну, и на крайний случай водили горячим веничком по бокам... Тоже не более трех раз.

По сути петровское правосудие мало чем отличалось от сталинского. Последнее больше всего ценило признание – «царицу доказательств». При Петре уважали то же самое. Только называли иначе – «лучшим свидетельством всего света», как сказано во второй главе «Краткого изображения процессов».

Но ни сталинский, ни петровский сыск и шагу не могли ступить без доносчиков. Тут уж на деспотов нечего пенять. Они просто пользовались тем, чем исполнена обычная человеческая мразь – завистливая и мутная, готовая подличать от одной своей гнилостной сути. И да будет Ад ей еще при жизни...

Оклеветанный фельдмаршал

В русской истории у фельдмаршала Миниха плохая репутация. В украинской – ее совсем нет. В чем же дело? Может, он проигрывал сражения? Или воровал солдатские пайки? Нет и еще раз нет! Все сражения Бурхард Христофор Миних выиграл с разгромным счетом, победив даже чуму. А воровать у своих «орлов» сухари ему и в голову бы не пришло. Он довольствовался взятыми у турок трофеями. А их хватало. Так почему же придворные историографы съели славу фельдмаршала, – как архивные крысы орденский наградной диплом? Бурхарду Миниху посчастливилось командовать русской армией в эпоху печально известной «бироновщины». Империей правила царица Анна – вступившая на трон после очередного дворцового «передела» племянница Петра Великого. Женщина тучная и самодержавная, она тем не менее нуждалась в мужской поддержке. А «поддержать» государыню мог только бывший конюх Эрнст Бирон, возведенный за свои качества в герцогское достоинство. Этот страстный лошадиник обожал императрицу искренне, от всего сердца – ее августейший зад напоминал ему мощную статью его любимых кобыл. Счастливый альфонс занял все свободные на тот мо-

мент в империи высшие посты и ввел для поддержания порядка режим террора, превзойти который удалось только через двести лет неутомимому трудоголику Иосифу Сталину.

Но нашего героя все это мало касалось. Его-то пригласил на русскую службу еще Петр I. Дед Миниха был простым немецким крестьянином. Дворянство выслужил только его отец. А сам Бурхард Христофор до того, как приехать в «страну северных варваров», успел повоевать чуть ли не в половине европейских армий, отметившись под победоносными знаменами герцога Мальборо и Евгения Савойского. Петр ценил его как инженера и артиллериста. Работа Миниха по строительству Ладожского канала так понравилась царю, что тот заявил в Сенате: «Из всех иностранцев, бывших в моей службе, он лучше всех умеет предпринимать великие дела!»

Пока Бирон развлекал императрицу, кто-то должен был заниматься делами. И Миних занимался, управляя одновременно Военной коллегией и полицией, достраивая Ладожский канал и учреждая Кадетский корпус. Благодаря ему в русской армии появилась тяжелая кавалерия – кирасиры – и на треть возросло количество артиллерийских стволов. Как иностранца молва, естественно, зачислила Миниха в «немецкую» партию. Но парадокс состоит в том, что именно он

принял строгие меры против проникновения в русскую армию чужеземных авантюристов. Привилегии иностранцев фельдмаршал упразднил, жалование их сравнивал с таким же у русских сослуживцев (до этого первые получали вдвое больше) и впредь повелел принимать на службу только тех, «кои в знатных европейских армиях служили».

В 1736 году реформировавшая армия получила возможность испытать себя на деле. В степях Украины вспыхнула война с турками. «Причиной Турецкой войны, – пишет историк Антон Керсновский, – явилось желание уничтожить унижительный для России Прутский договор и обуздать подвластных Турции крымских татар, опустошавших Малороссию своими набегами».

Эх, и досталось же Миниху за эту войну от позднейших историков! Причем за то, что и татар, и турок он неизменно побеждал – но не так, как хотелось его комментаторам.

До Миниха доблестная русская армия и не менее доблестные запорожские казаки возились с крымскими хищниками более трехсот лет. Возились по одному и тому же сценарию. Татары шли в набег. Казаки его отражали и, если получалось, сами старались накрасть чужого, а затем пропить. Несколько раз степняки сжигали Киев, однажды даже Москву. Вершиной

же славянских успехов в Крыму явилось взятие Кафы гетманом Сагайдачным в 1616 году, о котором во времени Миниха успели основательно забыть. Зато хорошо помнили об окружении армии Петра I на Пруте, когда только подкуп коррумпированного турецкого командования спас победителей при Полтаве от капитуляции.

Неразрешимой проблемой войны с татарами казалось отсутствие в степи продовольствия и воды. Банды кочевников довольствовались малым, поедая сырую конину. Русская же армия жалась к рекам – Днепру и Дону – по которым можно было подвозить продовольствие.

– Нет, так нельзя! – заявил фельдмаршал. – Мы пойдем прямо на Бахчисарай!

– А жрать-то что в Диком Поле будем? – поинтересовались помнившие прежние поражения русские генералы.

– Я не собираюсь истощать вас постом, господа, – усмехнулся железный немец. – Все необходимое мы повезем с собой.

– Татары могут отбить обозы...

– Не отобьют, если вы будете беспрекословно выполнять мои приказы!

Трудолюбивый германский выходец заставил славянских бездельников вкалывать так, словно все они

родились в его родном Ольденбурге. В конце концов, кто сказал, что война – это героизм? Война – это всего лишь работа.

Главной базой операции стал Киев. Сюда согнали сорок тысяч телег и пятьдесят тысяч быков. Выстроившись в гигантское каре, пехота окружила обоз замкнутым со всех сторон четырехугольником. Кавалерия заняла место на флангах. Быки жалобно замычали, предчувствуя судьбу живых консервов, и с Божьей помощью неспешными переходами (не более десяти верст в сутки), русская армия, направляемая германской волей, двинулась в степь. Татары только облизывались, тужась уколоть этого оцетинившегося во все стороны штыками ежа. Но безуспешно! Через месяц неотвратимые в своем наступлении русские полки были под Перекопом. 21 мая они захватили перешеек, 5-го июня Евпаторию, а 16-го (впервые в истории!) притаившийся в уютной долине Бахчисарай. Столицу хана ограбили, загадили, опустошили, а на прощание подожгли. Съев и выпив все, что только можно в Крыму, армия покинула полуостров исключительно из-за начавшихся болезней и нехватки продовольствия. В одном из боев казаки захватили коляску хана и его подозрную трубу английской работы. Миних сторговал ее за деньги у казаков и в последующих походах никакой другой не употреблял. Фельдмаршал

мог бы просто отобрать ее, используя свое положение, но был по-немецки щепетилен – он хотел, чтобы его не только боялись, но и уважали.

Еще через год армия Миниха захватила Очаков, потом Хотин, разбила турок в чистом поле под Ставучанами. Миних грезил походом на Константинополь. Но Россия, в отличие от него, уже устала и заключила мир. Единственным реальным результатом войны стало то, что татары отныне боялись ходить в набег на Украину – «прогулка» Миниха в Бахчисарай сломала их психику навсегда.

Вскоре скончалась императрица Анна, назначив преемником внука Ивана Антоновича, а регентом – ненавистного всем Бирона. Терпеть над собой альфонса, выслужившегося в царской спальне, герой степных походов не мог физически. Он не был похож на современных генералов.

В ночь на 8 ноября 1740 года Миних лично выудил Бирона из постели. Чудовище, терроризировавшее всю страну, было арестовано и отправлено в Сибирь.

Россия странно отблагодарила фельдмаршала за этот поступок. Воцарившаяся через год Елизавета Петровна тут же отправила Миниха в ссылку. Она боялась инициативного полководца, боялась его замыслов, его неукротимого трудолюбия. Да мало ли что мо-

жет прийти такому в голову?

О Минихе старались не вспоминать. Но охотно пользовались его идеями. Именно он, вернувшись через двадцать лет ссылки в Петербург, подал Екатерине II проект изгнания султана из Европы. Именно его победы убедили русских, что турок можно и нужно бить. Этот никогда не жаловавшийся, спавший по три часа в сутки фельдмаршал с лицом, покрытым волевыми морщинами, был так же неутомим, как впоследствии Суворов. Его не сломили ни войны, ни опала. Он умер на восемьдесят пятом году, пережив восемь (!) царей. Завоевание Крыма Суворовым и Потемкиным, произошло по его замыслу. И в том, что сейчас этот Крым принадлежит Украине, есть заслуга этого немца – несправедливо оболганного и забытого. Забытого именно потому, что он был слишком велик.

Как Екатерина восстановила Сечь

О том, что Екатерина II в 1775 году сделала из Запорожской Сечи скирду гноя, знают все.

Катерино, вража мати, що ти наробила?

Край веселий, степ широкий та й занастила.

– пелось в известной народной песне.

Но тогда как же объяснить, что до самого 1917 года в составе русской армии воевали запорожцы? Причем самые настоящие, неопереточные – 1-й Запорожский Императрицы Екатерины Великой полк Кубанского казачьего войска. И воевали хорошо! Блестяще, прямо скажем, воевали! За взятие Карса им пожаловали серебряные георгиевские трубы. За отличие в Турецкую войну 1877—78 гг. – георгиевский штандарт. За покорение Западного Кавказа – специальные памятные знаки на папах. Екатерина II числилась в полку «вечным шефом». Интересно, как все это согласуется с версией о чуть ли не животной ненависти матушки-царицы к чубатым степным рыцарям, которых она якобы только то и делала, что «розпинала»?

Кстати, ясно вижу эту картину, столь любезную нашим историкам-квазипатриотам: на кухне Зимнего

дворца скучает императрица. За окошком гаснет унылый петербургский денек.

– Скука, Александр Васильевич, – жалуется Екатерина фельдмаршалу Суворову.

– Так точно, Ваше Величество! – рапортует молодец фельдмаршал.

– А не распяты, ли нам запорожца? – вдруг оживляется Екатерина. – Не занастит ли шельмеца?

– Обязательно занастит! – веселеет герой Измаила, – А лучше сразу двух, чтобы им в одиночку не скучать!

Естественно, все это фантазмагория. А на самом деле было так.

Уже через год после роспуска Запорожской Сечи Григорий Потемкин, только что назначенный Новороссийским генерал-губернатором, почувствовал, что без казачков как-то скучновато. По осенней степи гулял ветер, играя сухой травой, как чуприной на мертвой казацкой голове, а в воздухе неумолимо пахло новой войной с турками, хотя предыдущая закончилась всего два года назад.

Как пьянел тогда вернувшийся из победоносной армии молодой генерал от должности вице-президента Военной коллегии! И как, играя вельможу, опрометчиво осек своего давнего знакомца, запорожского депутата Антона Головатого: «Не можно вам оставаться.

Вы крепко расшалились и ни в коем виде не можете уже приносить пользы!»

Валы Сечи срыли. Запорожцы разбрелись по плавням тягать карасей. Но уже 31 октября 1776 года Потемкин вынужден был подать царице доклад о том, что южная граница империи стоит нараспашку, как ворота трактира, а для защиты ее нужно срочно формировать гусарские полки из тех казаков, что еще остались рыбачить на старых местах. Но только те не хотели идти в гусары! Они любили свободу – им не нравились тесные гусарские штаны! И тогда Потемкин вспомнил о Головатом. К счастью, тот был жив, хотя после погрома Сечи едва не застрелился.

Вместе с еще одним депутатом – Сидором Белым – уволенные в отставку и лишившиеся смысла жизни, они встали на проезжей дороге и порешили, прочтя молитву, пальнуть друг в друга при слове «аминь». Вскоре весельчак Головатый уже рассказывал эту историю в виде анекдота: «При слове «избави нас от лукавого» я остановился, опустил пистолеты, обратясь к Белому, спросил:

- А знаешь що, батьку?
- Що?
- Вот мы постреляемся?
- Атож!
- И нас тут найдут мертвых?

– Эге!

– И скажут: «Вот два дурня, запорожцы, напились мертвецки и пострелялись, сами не зная, чего».

– Так що робыты?

– Цур ему стреляться! Поедем дальше!

– Справди, цур ему!

Попросив у Бога прощения, старшины приложились к дорожной баклажке и со словами: «Что будет, то и будет!» пустились в путь.

А уже 6 апреля 1784 года Потемкин добыл разрешение императрицы обновить Войско Запорожское «на манер Донского», а Сидора Белого отправил на Дунай к тем казакам, что перешли на турецкую сторону. Но задунайцы не захотели возвращаться, требуя восстановления всех вольностей и клейнодов.

Наконец сечевой строй был обновлен. Белого избрали кошевым атаманом. Головатого – судьей. А 27 февраля 1788 года Суворов прислал «Верного Запорожского войска Атаману кошевому Белому» пожалованные царицей клейноды – знамя с синим крестом, бунчук и булаву. В том же году вспыхнула война с турками, в которой запорожцы воевали так, как, может быть, никогда раньше.

Именно они ночным штурмом овладели Хаджибеем на месте, где нынешняя Одесса. Лихой атакой захватили остров Березань. А под Измаилом, высадив-

шись со стороны Дуная, ворвались в крепость в самом неожиданном месте.

Тогда же войско получило новое название – Черноморское. А Потемкину достался диковинный титул «Великого гетмана казацких войск Екатеринославских и Черноморских». Он и умер в степи на руках у черноморцев из своего конвоя. Смерть эта страшно опечалила казаков – неожиданно они лишились того, кто из врага превратился в их надежнейшего «лоббиста».

Головатому пришлось снова собираться в Петербург – хлопотать о переселении войска на Кубань, где можно было жить в предельной воле. Щедро сыпя добытыми на войне червонцами и обновляя полезные знакомства, депутаты нашли самый короткий путь в царский дворец – петербургские гостинные кишели земляками, оккупировавшими все самые вкусные бюрократические места.

С одинаковой легкостью носивший европейский камзол и казацкий кунтуш Головатый вырядился на прием к императрице истинным запорожцем и даже захватил с собой бандуру. А в самый ответственный момент растрогал своим пением Екатерину чуть ли не до слез:

Встань, батьку, великий гетьмане;
Милостивый великий пане,

Встань, Грицьку, промов за нас слово,
Проси цариці – все буде готово.

Лаконичный камер-фурьерский журнал, фиксирующий все придворные события, не уточняет, захотелось ли Екатерине, чтобы князь Потемкин восстал из праха и тут же повалил ее на постель, как это случилось в прошлые времена, но «основной инстинкт» императрицы был приятно потревожен воспоминаниями. Всплакнув о безвременно почившем Гришеньке, Екатерина II подмахнула соответствующий указ. Бумага, выданная на руки Головатому, торжественно гласила:

«Войско козачье Черноморское, собранное покойным генерал-фельдмаршалом князем Потемкиным-Таврическим из верных Козаков бывшей Сечи Запорожской, в течение последней нашей с Портой Оттаманской войны многими мужественными на суше и водах подвигами оказало опыты ревностного к службе нашей усердия и отличной храбрости.

В воздаяние таковых сего войска заслуг Всемилоостивейше пожаловали мы оному в вечное владение состоящий в области Таврической остров Фанагорию с землею между рекою Кубани и Азовского моря».

За новым войском закреплялись старинные привилегии самоуправления. Губернатору Таврии поруча-

лось освободить всех оказавшихся в крепостном состоянии запорожцев и разрешить им присоединиться к черноморцам Головатого. Для переселения выделялось 30 тысяч рублей, провиант и «всевозможные вспоможения».

Так было положено начало Кубанскому казачеству, существующему до сих пор. Головатый же, радуясь окончанию семнадцатилетней одиссеи, сложил песню, начинавшуюся словами: «Годі нам журитися, пора й перестати!»

О том, что раздумал стреляться, он никогда не жалел.

Гениальная капитуляция Разумовского

Гетман Разумовский не был трусом. Именно ему обязана своим престолом Екатерина II. В ночь переворота 1762 года гетман лично поехал в гвардейский Измайловский полк, командиром которого состоял, и взбунтовал его против Петра III – за будущую «матушку-императрицу», а пока просто Екатерину Алексеевну. Измайловцы, среди которых по традиции преобладали выходцы из Украины, безоговорочно поверили своему земляку – признали в нем вождя. Но тогда почему же этот смелый и решительный мужчина в полном расцвете сил, проделывавший без труда многоверстные прогулки верхом, всего двумя годами позже так спокойно даст лишить себя гетманского достоинства? Откажется от него чуть ли не добровольно – по собственной просьбе «в рассуждении пространства многотрудных дел малороссийских», как уверяла в своем манифесте та же Екатерина II.

Внезапное помутнение рассудка? Приступ неожиданного слабости? Наши историки любят укорять гетмана, рисуя его чуть ли не предателем национальных интересов. Но легко судить задним числом, не вылезая из затхлого архивного уюта. Совсем другое

– ежиться под холодным ветром вечности на шатких досках исторической сцены, когда решать нужно здесь и сейчас, а промедление смерти подобно.

Начнем с того, что никакой Украины граф Кирилл Разумовский не предавал, потому как ее тогда просто не было. Была Малороссия – крохотное марионеточное государство, не способное себя толком защитить даже от собственных разбойников, шаливших на лесных дорогах. По аналогии с известным выражением Молотова «Польша – уродливое детище Версальской системы» Малороссию можно было назвать «уродливым детищем Андрусовского перемирия 1667 года». Вся она помещалась в пределах нынешней Черниговской и Полтавской областей – да еще города Киева с окрестностями. Западная граница проходила по Днепру. Запорожская Сечь гетману не подчинялась – Петербург спускал ей циркуляры напрямую. Слобожанщина – нынешняя Харьковщина – считалась исконно российской территорией, лишь заселенной украинскими казаками, бежавшими сюда еще при Хмельницком после поражения под Берестечком. На юге простирались необозримые степные просторы, контролируемые татарами.

Что же было у гетмана? Да почти ничего! Все то, что мы сегодня называем Украиной – все Правобережье, вся Таврия, – находилось в руках чужаков – Польши

и Крымского ханства. По сравнению с ними Россию было трудно считать врагом. Для Польши украинцы представляли интерес только как дармовая рабочая сила в магнатских латифундиях. А для татар были чем-то вроде декоративных зверьков, которых легко поймать и тут же «загнать» туркам – в гарем или на галеры.

Военные силы гетманщины представляли собой фикцию. За сто лет, прошедших после Хмельницкого, украинские казаки фактически потеряли боеспособность. Последним военным испытанием для них стала русско-турецкая война 1735—1739 годов. Тогда Малороссия должна была выставить 16-тысячный вспомогательный корпус, из которого больше трех тысяч (почти каждый пятый!) тут же дезертировали по дороге на службу. А из тех, что дошли, половина были без лошадей и, по меткому выражению русско-го фельдмаршала Миниха, «как мыши, только даром хлеб едят»).

Разумовский за четырнадцать лет своего правления ничего не сумел изменить в этой области, ограничившись чисто декоративными улучшениями. Казакам впервые ввели единообразную форму в виде синего кафтана с красными отворотами, но заставить маршировать по новейшим западноевропейским образцам так и не смогли. Впрочем, не очень и ста-

рались. В гетманской столице Глухове появилась кофейня, итальянская опера и французский пансион. А вот о хорошем прусском унтер-офицере с палкой в горячке «культурної розбудови» как-то не позаботились. Хотя именно он мог вдохнуть боевой дух в банды слоняющихся без дела малороссийских дезертиров.

Конечно, был еще и народ. Но на него полагаться не приходилось. Народец гетману попался особенный – другого такого не сыскать было во всей Европе. Украинский историк Дмитрий Бантыш-Каменский так характеризовал своих соотечественников: «Малороссиянин, вялый, беспечный – изворотлив, неутомим, когда надеется достигнуть чрез сие преднамереваемой цели. Добродушие и простота, по-видимому, отличительные черты его характера; но они часто бывают следствием хитрости, отпечатка ума. Гордость, прикрываемая сначала ласковым, услужливым обращением, является во всей силе по получении желаемого. Она особливо разительна, когда малороссиянин обращается с младшими, возвысьсь из низкого звания игрою случая, сгибчивостью, без особенных достоинств». Сама природа, утверждал Бантыш-Каменский, «расточая с обилием дары свои в плодоносном сем краю, производит беспечность, вялость в жителях». К тому же «древнее хлебосольство и излишнее употребление горячих напитков между простым наро-

дом доселе продолжается, особливо в южных странах Малороссии».

Взять числом, а не уменьем эта этническая масса тоже не могла. Население России насчитывало одиннадцать миллионов душ мужского пола, а Малороссии – чуть больше миллиона. (Женщин и детей в те времена не считали, так как они не платили податей. Правительство интересовали только потенциальные солдаты и реальные налогоплательщики.)

Правда, гетман пытался улучшить «породу». В 1761 году он издал первый в истории Украины универсал против алкоголизма. «Малороссияне не только пренебрегают земледелием и скотоводством, от которых истекает богатство народное, но еще, вдаваясь в непомерное винокурение, часто покупают хлеб по торгам дорогою ценою не для приобретения каких-либо себе выгод, а для одного пьянства, истребляя лесные свои угодыя и нуждаясь оттого в дровах, необходимых к отапливанию их хижин». Разумовский запрещал отныне гнать водку всем, у кого не было собственных лесов. Универсал внес полное смятение в умы малороссиян. По сути гетман сам подорвал социальную базу собственной власти, лишив население мелких ежедневных радостей.

Но вся правда состояла еще и в том, что подвластный Разумовскому малочисленный и сильнопьющий

народ еще и мечтал. Главных фантазий было две: как бы отобрать у поляков захваченное Правобережье и навеки запереть в Крыму хана с ордой людоловов. Обе казались несбыточными. За их исполнение с энтузиазмом пили. Но для воплощения ничего не делали.

Дальнейшее следует считать моей реконструкцией. В начале 1760-х годов в окружении Екатерины II окончательно созрел план изгнания турок из Европы. И где-то в Петербурге между фаворитом императрицы Григорием Орловым и Кириллом Разумовским мог состояться примерно такой разговор:

– А что ты там, гетман, у себя в Малороссии делаешь?

– С пьянством борюсь.

– И все?

– А разве мало?

– Да мы тут с братцем Алешкой решили турок малость того... Ну, чтоб их вовсе не было. В смысле, поблизости. Нам твоя Малороссия очень нужна. Быки, люди... Одним словом, ресурсы. А казаков мы быстро переучим. У нас специалисты хорошие есть – Суворов, например, большие надежды подает. Ты же турок из Европы не собираешься изгонять?

– Да нет пока...

– Ну, так зачем тебе Малороссия? Давай менять-

ся. Мы тебе пансион хороший плюс город Батурин в кормление, а ты нам общее руководство. А с матушкой-императрицей мы все мигом утрясем.

Гетман подумал. Сравнил одиннадцатикратное превосходство сил братьев Орловых со своими собственными – и капитулировал. Капитулировал почетно и со вкусом – уволившись «по собственному желанию». Самое интересное, что Орловы вместе с Екатериной и Суворовым действительно реализовали украинскую мечту, вытурив турок из Европы. Малороссам оставалось только заселить эти земли, разбухнув в начале XX века до вполне приличной цифры в сорок миллионов душ.

Разумовский же, по словам Бантыш-Каменского, «кончил мирно жизнь свою 9 января 1803 года, на семьдесят пятом году от рождения, в местах, наслаждавшихся некогда тишиною под кротким его правлением. Очевидцы и предание свидетельствуют о редкой справедливости, величии души, природном уме, доброте сердца, беспримерной щедрости, правдолюбии и веселом нраве сего вельможи».

А что? Умение красиво сдаться – не последняя в жизни вещь!

Из хама пан или великая родословная афера малороссийского дворянства

Революция Богдана Хмельницкого уничтожила шляхту как класс. Все внезапно стали равными. Никто не платил налогов, не ходил на панщину, а единственным источником государственных доходов оказался непрерывный грабительский поход в Молдавию и Польшу, за счет которых и жила «козацька християнська республіка».

Так откуда же внезапно взялось украинское панство – бесчисленные выводки Кочубеев, Галаганов и Скоропадских с дворянскими гербами и заграничными каретами? Откуда их красивые загородные усадьбы? Откуда ложноклассические колонны, коллекции старинного оружия, домашние музеи и бальные залы, на наборных паркетах которых вислоусые «народные поэты» будут читать своим хозяевам стишки о тяжелой народной доле, втайне мечтая ущипнуть за задок зазевавшуюся горничную?

Действительно, откуда?

Ведь поначалу казачество плевать хотело на шляхетское достоинство! В найденном недавно в Главном

архиве древних актов в Польше трактате «Мысль об успокоении Украины», написанном в 1672 году, есть даже такой эпизод: два запорожца пьянствуют в Варшаве. Один из них размахивает привилегией о своей «нобилитации» (признании дворянских прав – О. Б.) и орет: «Иване! О Иване! Купы в мене шляхетство!» А другой отвечает: «А що тобі дати?» «Дай таляра на горилку!» – ржет «продавец». «Вот такая у них честь шляхетству», – возмущенно пишет польский автор трактата.

Но возмущаться в общем-то нечему – при Хмельницком Украина внезапно стала такой страной, о которой можно только мечтать. Каждый делал, что хотел. Анархия царила везде. Описывая эти порядки, анонимный автор «Мысли об успокоении Украины» едва сдерживает затаенную зависть: «Вольно им одну жену бросить, а взять другую; вольно подговорить у мужа жену и сбежать в другую слободу или какое-нибудь ближайшее местечко, а оттуда уже не выдадут, вольно там без брака жить столько, сколько захочешь, а потом, бросив своих щенят, никогда не возвращаться с Дона или Запорожья... Вольно шведу, броварнику, гультяю какому-нибудь вырвать бороду попу и войту, а то и палкой врезать, а назавтра сотнику, атаману и другим купить несколько кварт горелки – и справедливость торжествует! Это же делают и казачьей стар-

шине, а потом назавтра тоже горелкой все улаживают. Совсем у них нет ни чести, ни совести, ни разума, ни Бога – только бы пить день и ночь!»

В пылу политической полемики новорожденная Украина даже казалась бедному шляхтичу бесовским искушением, вроде кабака: «Когда умный человек присмотрится к их жизни, то поймет, что каждый из них – дьявол в человеческом обличи». Но тут же замечает, что такие порядки должны очень нравиться «не только руському хлопству», но и «не одному, наверное, из мазовецких» – лишь бы только он смог добраться до этой страны обетованной.

Разрекламированное махновское Гуляйполе продержалось всего три года. А это было куда круче! И хватило его на три десятилетия, до краев наполненных резней, попойками и полным расцветом народной культуры, оставившей такие «думы», которые наши «науковці» до сих пор боятся печатать!

Но как всякая сказка, и эта когда-нибудь должна была закончиться. Самые принципиальные демократы истребили друг друга во взаимных разборках, и на сцену истории вылезло злобное обывательское начало, отсиживавшееся до поры в казачьем обозе. Вот оно-то и захотело пресловутого шляхетства.

В конце XIX века, подводя итоги этой удивительной эпохи, украинская исследовательница Александра

Ефименко в забытой ныне работе «Малорусское дворянство и его судьба» с удивлением констатировала: «Малороссия после своего освобождения от Польши представляла по типу своей социальной организации военный лагерь на демократической подкладке. Равенство прав и обязанностей было полное: каждый мог занимать из неисчерпаемого запаса свободных земель столько, сколько мог захватить свободным трудовым захватом; каждый мог участвовать в выборе уряда, начиная от сельского атамана, кончая гетманом, каждый мог быть выбран на всякий уряд». Но воспользовались своими правами все по-разному.

Попав во власть, никто из нее, естественно, не хотел уходить. «Каждому лицу войскового уряда, – пишет Ефименко, – перепало кое-что со стороны низших и подчиненных от приношений... Но если кто хотел себе нажить состояние помимо широкого и торного пути злоупотребления властью или положением, то единственным средством было обратиться к деятельности торговой и промышленной». Казачья старшина сразу же стала заводить шинки и гнать водку – «паны даже брали ее для распродажи с собой в походы, и куда бы случайности войны ни загоняли наших воинов – всюду находил себе рынок этот ходкий товар».

Вторым предметом экспорта стал скот – волов гоняли в Москву, Петербург и даже в Европу – в Гданьск и

Шленск (так называли Силезию). В Ригу и Кенигсберг уходила пенька. А когда доходов от этих операций показалось мало, старшина принялась за меньшую братию. «Малорусское панство, – продолжает та же Ефименко, – выросло на всяческих злоупотреблениях своей властью. Насилие, захват, обман, вымогательство, взяточничество – вот содержание того волшебного котла, в котором перекипала более удачливая часть казачества, превращаясь в благородное дворянство».

При Богдане Хмельницком войсковой уряд не смел ничего себе назначить в вознаграждение за свой труд, кроме мельниц. Но уже после его смерти полковники и есаулы стали разбирать себе войсковые земли «на уряды». Единственное, что их раздражало, так это то, что народ после таких операций разбежался куда глаза глядят – благо Украина была слабо заселена. Старшина понимала, что свобода передвижения, гарантированная на роду как одно из его прав, новой власти только мешает, и тут же начала ее ограничивать. Сохранился, например, приказ Мазепы от 1707 года полтавскому полковнику, чтобы он людей, уходящих на слободы, «не только переимал, грабил, забирал, вязеннем мордовал, киями бил», но и без пощады «вешати рассказовал». Неудивительно, что ровно через два года народ не очень-то поддержал попытку гетма-

на отделиться от Москвы – ведь при полной независимости он бы еще больше «размордовался».

Когда же все земли были расхватаны, старшина люто затосковала о дворянских вольностях. Обидно ведь в самом деле ездить с быками в Гданьск, любуясь по дороге на тамошнюю шляхту, и не чувствовать себя ей ровней!

Был на польской стороне Украины славный городок Бердичев, населенный в основном дальними предками Бени Крика и Паниковского – эдакая Одесса XVIII столетия. Вот в этом-то чудном месте по дороге с бычьего торгова в Гданьске и была сочинена большая часть родословных малороссийского панства. Внезапно оказалось, что Капнисты происходят от «венецианского графа Капниissy с острова Занта», Рославцы – от польских магнатов Ходкевичей, Кочубеи – от «благородного» татарского мурзы, а Скоропадские – от некоего мифического «референдария над тогочной Украиной». Весь еврейский Бердичев, высунув от усердия языки, потел над «нобилитацией». Вся Украина смеялась. Но сделать ничего не могла. Разве что перечитывать ходившие по рукам сатирические стишки «Доказательства Хама Данилея Куксы», высмеивающие панские претензии казачьей старшины:

Вон у меня герб який В деревьяним цвिति. Ще ни в кого не було В Остерськом повити. Лопата написана

Держалом угору. Побачивши скаже всяк, Що воно без спору!

Кому не хватало татарских мурз, разбирали покойных героев, не оставивших прямого потомства. Тарасевичи сфабриковали себе документы о происхождении от гетмана Тараса Трясила, Искры – от не менее известного гетмана Остряницы. Один малоизвестный панок претендовал даже на то, что он продолжатель давно вымершего рода князей Острожских – на том основании, что «его предки были родом из Острога».

Бердичевская афера оказалась настолько мощной и стоила, по-видимому, так недорого, что когда правительство Екатерины II создало комиссию о разборе дворянских прав в Малороссии, «благородные» люди повалили в нее косяками. В стране, где при Богдане Хмельницком царю присягнули всего три сотни чудом уцелевших шляхтичей, внезапно всплыло целых 100 тысяч дворян! Причем с грамотами, гербами и таким «прошлым», до которого было далеко даже гордым британским лордам.

И только бедный предок Мартына Борули не успел в этой давке, оставив своему правнуку доказывать, что он на самом деле Беруля, а значит, тоже шляхтич. Но те, кто в XIX веке смотрел эту комедию Карпенко-Карого, могли только довольно посмеиваться – у их-то предков все получилось! Хотя и не без помощи

Бердичева.

Тайна авторства «Истории русов»

Есть в украинской литературе книга противоречивая, как никакая другая, – «История русов». Если почитать отзывы о ней, можно подумать, что речь идет о совершенно разных произведениях. Ехидный русский публицист-эмигрант Николай Ульянов охарактеризовал ее так: «Напрасно приписывают М. С. Грушевскому авторство самостийнической схемы украинской истории: главные ее положения – изначальная обособленность украинцев от великороссов, отдельность их государств – предвосхищены чуть не за столетие до Грушевского. Киевская Русь объявлена Русью исключительно малороссийской».

«Советская энциклопедия истории Украины» напротив, пишет о ее авторе как о стороннике единства восточных славян: «Киевскую Русь рассматривает он как общий период в истории русского, украинского и белорусского народов, уделяет большое внимание народно-освободительной войне 1648—1654 годов и воссоединению Украины с Россией. Он положительно оценивает акт воссоединения Украины с Россией и деятельность Богдана Хмельницкого, Полтавскую битву 1709 года».

Получается, что, по одной версии, автор загадоч-

ной книги – ярый националист, по другой же – не менее ярый панславист. Добавьте к тому же, что написана она на русском языке, приправленном колоритными украинизмами. И то, что имя автора ее – неизвестно. Получается замкнутый круг. Кто же ее загадочный создатель?

Впрочем, поначалу у «Истории русов» вроде бы был «автор». Тот же Николай Ульянов пишет: «Точной даты ее появления мы не знаем, но высказана мысль, что составлена она около 1810 г. в связи с тогдашними конституционными мечтаниями Александра I и Сперанского. Распространяться начала, во всяком случае, до 1825 г. Написана чрезвычайно живо и увлекательно, превосходным русским языком карамзинской эпохи, что в значительной степени обусловило ее успех. Расходясь в большом количестве списков по всей России, она известна была Пушкину, Гоголю, Рылееву, Максимовичу, а впоследствии – Шевченко, Костомарову, Кулишу, многим другим и оказала влияние на их творчество.

Первое (...) ее издание появилось в 1846 г. в «Чтениях Общества Истории и Древностей Российских» в Москве. Издатель О. М. Бодянский сообщает в предисловии такие сведения о ее происхождении: Г. Полетика, депутат малороссийского шляхетства, отправляясь в Комиссию по составлению нового уло-

жения, «имел надобность необходимую отыскать отечественную историю», по каковой причине обратился к Георгию Конисскому, архиепископу Белорусскому, природному малороссу, который и дал ему летопись, «уверяя архипастырски, что она ведена с давних лет в кафедральном могилевском монастыре искусными людьми...»

Предисловие к первому изданию долгое времяставляло считать автором «Истории русов» Георгия Конисского, хотя нигде в нем не сказано, что именно он написал таинственный шедевр. Он только «дал» книгу отправлявшемуся в Петербург депутату Григорию Полетике, собиравшемуся там отстаивать права земляков и нуждавшемуся в соответствующем справочном материале.

Еще в XIX веке украинский историк Александр Лазаревский высказал версию, что на самом деле Полетика и был подлинным сочинителем «Истории русов». Архиепископ же Конисский «притянут» к рукописи исключительно ради придания ей дополнительного авторитета. Но для того, чтобы понять, кто является автором таинственной книги, нужно хотя бы вкратце напомнить ее содержание.

Начало «Истории русов» вполне анекдотично и могло бы сделать честь любому современному мифотворцу. Казаков она производит прямиком от «козар»,

то есть хазар, названных так якобы «по легкости коней, уподобляющихся козьему скоку». Точно так же «славянами» считает «летописец» и печенегов, «кои питались печеною пищею», и половцев, «живущих в полях», и даже волжских болгар.

В мозгу автора царит совершенная путаница – козьим скоком пронесшись по малопонятным ему древне-киевским временам, он побыстрее переходит к более близкой эпохе – казачьей.

Запорожцев везде описывает он небывало яркими красками, характеризую непобедимыми воинами. Все неудачи их объясняет непременно «изменами». С негодованием отвергает известия о том, что юридически казачество оформилось достаточно поздно – в XVI веке. Для него оно существовало всегда и всегда пользовалось дворянско-рыцарскими правами. Гетманов же назначает века на два ранее, чем было на самом деле, излагая их фантастический, нигде более не значащийся перечень. Никакого покорения Литвой Украины по «Истории русов» не было – было добровольное соединение – «равное с равными». Весь текст представляет собой, скорее, художественное произведение, «прикинувшееся» историческим текстом, – смесь безудержного хвастовства и картин самых кровавых расправ. При этом время от времени автор вплетает в рассказ отрывки из все-

возможных фантастических «документов» – например, «грамоту» царя Алексея Михайловича, выданную якобы 16 сентября 1665 года казакам и наделяющих их старшину правами благородного сословия: «Жалуем отныне на будущие времена оного военного малороссийского народа от высшей до низшей старшины с их потомством, которые были только в сем с нами походе под Смоленском, честью и достоинством наших российских дворян. И по сей жалованной грамоте никто не должен из наших российских дворян во всяких случаях против себя их понижать».

Среди грамот царя Алексея Михайловича такой нет. Но именно это место дает ключ к разгадке времени написания «Истории русов». Она не могла появиться «около 1810 г. в связи с конституционными мечтаниями Александра I», как полагал Ульянов. Не могла хотя бы потому, что в ней нет даже слова «конституция». Зато видно, что автор, происходивший из казачьей старшины, очень болезненно переживал упреки российских дворян, считавших его статус ниже своего.

Отсюда появление в тексте фальшивого царского распоряжения, якобы дарующего старшине права дворянства. Пик споров по этому поводу приходился как раз на 1760-е годы, когда депутат Григорий Полетика отправляется для работы в Комиссии по созда-

нию нового уложения. После 1785 года, когда старшина получит статус российского дворянства, в написании «Истории русов» просто не было смысла. Конфликт, породивший ее, был снят. А вот в 1760-х гг. она была очень кстати. И тут мы можем предисловию поверить – в Петербург радеть о правах старшины отправился оснащенный соответствующей «летописью». По той же причине и написана она была на хорошем русском языке – чтоб «москалям было понятно». Ну а что до украинизмов, проникших в «белорусскую» рукопись, – простите, не доглядели... Логично было и заручиться авторитетом Георгия Конисского как «первооткрывателя» загадочного сочинения. Тем более что Григорий Полетика хорошо знал его по учебе в Киевской академии – факт историками доподлинно доказанный и нигде не оспариваемый. Договориться об архиепископском «благословении» предприятия можно было проще простого.

Вот только сам ли Полетика писал «Историю русов»? Уверенности в этом нет. Зато есть произведение, написанное в 1762 году под названием «Разговор Великороссии с Малороссиею». Идеи, высказанные в нем, удивительно совпадают с теми, что будут развернуты через несколько лет в «Истории русов». По сути оно – краткий стихотворный вариант известного текста. И автор его известен – Семен Дивович, перевод-

чик Малороссийской генеральной канцелярии в Глухове.

Начинается «Разговор Великороссии с Малороссию» вопросом первой:

Кто ты такова родом, откуда взялася? Скажи, скажи начало, с чего произвелася?

А в первом же ответе Малороссии звучит уже знакомая нам «хазарская теория»!

От древних казаров род веду и начало. Названий сперва было у меня немало.

Далее Малороссия подробно рассказывает о своих воинских подвигах в таком же краснобайском стиле, как и «История русов», а на вопрос «Выиграешь войну будто без моих сил?» хвастливо заявляет: «Да и конечно так! В прежние те времена, не надлежа еще сюда, билась я одна».

Но, главное, задорная Малороссия упорно доказывает, что ее старшины – те же генералы, ибо жалует их «самодержец твой и мой» и добавляет: «Так мы с тобою равны и одно составляем». Сраженной аргументами Великороссии остается только признать:

Довольно, ныне твою правду принимаю,

Верю всему, почитаю, храброй сознаю.
Отсель и чины твои равнять с мерой стану
И от дружбы с тобою вечно не отстану.
Мы будем в неразрывном впредь согласии жить
И обе в едином государстве верно служить.

Диалог, сочиненный Семеном Дивовичем, пользовался большой популярностью среди малороссийской старшины, расходясь в списках, ибо отвечал ее чаяниям – сравняться во всем с российским дворянством. На протяжении 1760—1780-х годов процесс к этому объективно шел. Но юридического решения не было. Поэтому логически было бы предположить, что тому же Семену Дивовичу было заказано и более «серьезное» произведение, где те же идеи высказывались в прозаической форме.

Вот этот «документ» с соответствующей «легендой» и захватит в Санкт-Петербург Григорий Полетика. Причем не без успеха. Политической сословной программе старшины вскоре суждено будет сбыться едва ли не в полном объеме. Что же касается Семена Дивовича, то имя его надолго забудут. И поделом. Не стоит отказываться от авторства даже во имя хорошего гонорара или расположения начальства.

Украинский отец Николая I

Пока Тарас Шевченко в глубоком тылу сочинял поэму «Кавказ», другие украинцы героически сражались на этом самом Кавказе, раздвигая пределы империи в Азии. Сейчас историки спорят, было ли такое положение вещей прогрессом или просто барскими забавами реакционного самодержавия. Мне же этот спор кажется неуместным. Лучше предоставить слово Пушкину, написавшему в «Путешествии в Арзрум»: «Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь... Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство и проч., но роскошь есть, конечно, принадлежность Европы. В Арзруме ни за какие деньги нельзя купить того, что вы найдете в мелочной лавке первого уездного городка Псковской губернии». Вот за то, чтобы привить Кавказу хоть какие-то зачатки цивилизованности и дрались на горных тропах наши бесстрашные земляки. Причем дрались отнюдь не только в солдатских чинах.

В 1829 году Пушкин ехал в Арзрум в русскую армию, воевавшую с турками. Но командовал этой армией украинец – фельдмаршал Паскевич. А разговаривать поэт и полководец будут между собой не по-русски или по-украински, а по-французски – умные

люди, как известно, всегда найдут общий язык. Причем ехидный Пушкин, любивший высмеивать все и вся, о Паскевиче всегда отзывался с неизменным уважением. Зато не забыл отметить в своем дорожном дневнике, как завидовал Паскевичу знаменитый Ермолов: «Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно; говоря о легкости его побед, он сравнивал его с Навином, перед которым стелы падали от трубного звука, и называл графа Эриванского графом Ерихонским. «Пускай нападет он, — говорил Ермолов, — на пашу не умного, не искусного, но только упрямого, и Паскевич пропал».

Тем не менее Паскевич-Ереванский не только не пропал, но и никогда не проиграл ни одного сражения, в котором участвовал как полководец, чем может сравниться только с Суворовым. Ермолову же судьба отведет роль бессильного завистника, вынужденного в деревенском захолустье наблюдать, как выскочка «из хохлов» выигрывает одну за другой войны с Персией, потом с Турцией и наконец с Польшей и Венгрией.

Родился Иван Паскевич в Полтаве в семье богатых украинских дворян 8 мая 1782 года. Но вместо того, чтобы вести жизнь провинциального помещика, упражняющегося в производстве наливок и колбас, выбрал армейскую службу. В одиннадцать лет он по-

ступил в петербургский Пажеский корпус – самое привилегированное учебное заведение Российской империи. В восемнадцать – стал флигель-адъютантом Павла I.

Убийство императора группой заговорщиков во главе с его сыном Александром фактически оставило Паскевича «без работы». У нового царя был собственный «круг молодых друзей». Бывший адъютант Павла в него явно не вписывался. От греха подальше подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка перевелся в армию под команду старого опытного генерала Ивана Михельсона, прославившегося еще при Екатерине II тем, что подавил пугачевское восстание.

Мы часто спрашиваем: почему у одного человека карьера удается и он добивается славы, денег и чинов, а другой всю жизнь влачит жалкое существование завистника? В случае Паскевича ответ прост – что бы ни писали о нем в советское время, называя «душителем свободы», и как бы ни замалчивали его сейчас, он был просто талантлив и храбр, что востребовано всегда в стране, ведущей почти непрерывные войны. Россия в начале XIX века была как раз такой страной. Поэтому она нуждалась в Паскевиче, а он – в ней.

Кроме того, у будущего фельдмаршала была замечательная черта – его никогда не покидало хладно-

кровие в экстремальных ситуациях. «В ужасную ночь штабс-капитан Паскевич, один, среди открытой степи неприятельской, поехал, отыскал колонны и направил их на настоящую дорогу», – докладывал в Петербург генерал Михельсон о блестящих действиях своего штабного офицера во время разразившейся грозовой бури. Провести ночью во время дождя армейские колонны и ни разу не сбиться с пути – признак высокого профессионализма.

Иногда жизнь Паскевича напоминала приключенческий роман. В 1808 году новый командующий Дунайской армией фельдмаршал Прозоровский отправил двадцатилетнего офицера вести переговоры с турками о перемирии. Болгария кишела турецкими дезертирами, шайки разбойников бесчинствовали даже под самым Стамбулом. Турецкий конвой в страхе перед разбойниками бросил русского офицера на горной дороге у города Айдос. Тот, не растерявшись, в одиночку добрался к местному паше, которого крайне удивила смелость предприимчивого молодого человека.

В самом Стамбуле фанатики хотели прикончить бесстрашного «гяура». Впоследствии Паскевич вспоминал, что ему только чудом удалось избежать места «зверского народа» и, наняв шлюпку с двумя гребцами, бежать через Босфор в Черное море. По-види-

тому, недаром капитан Паскевич был потомком запорожских казаков – пройдя по морю вдоль болгарского побережья сто верст, он прибыл в порт Варну.

Местный паша хотел было арестовать явившегося как морское чудо вражеского офицера, но тот обвел турка вокруг пальца, убедив, что мир с Россией уже заключен. Обрадованные неожиданному концу войны турки беспрепятственно пропустили храброго лгуна в штаб-квартиру фельдмаршала Прозоровского!

Через несколько лет Иван Паскевич возьмет ту же Варну штурмом – уже как командир Витебского полка и получит за это Георгия 3-го класса. Примечательно, что в полковничьем чине он имел все русские ордена, какие только можно было получить в таком звании – случай редкий. Особенно, если учесть, что заслужены эти награды были не на дворцовом паркете.

Войну 1812 году храбрый украинец встретил уже генерал-майором и командиром 26-й пехотной дивизии, в значительной степени сформированной из штрафников. Первая бригада ее состояла в основном из солдат и офицеров, выгнанных из других частей за пьянство, грабежи и дебоши. Тем не менее под командой Паскевича часть дралась исключительно стойко. В Бородинском сражении именно ей пришлось защищать батарею Раевского, потеряв три тысячи только погибшими. Командир водил дивизию в контратаку

лично и даже Ермолов назвал его за тот день «известным неустрашимым генерал-майором Паскевичем».

Но главный вклад в победу над Наполеоном Паскевич внес за месяц до Бородино – во время битвы за Смоленск. Именно он предложил командующему 7-м корпусом генералу Раевскому до подхода основных русских сил сражаться не в чистом поле, а в самом городе, навязав французам изматывающие уличные бои: «Может, мы там удержимся. При несчастье принуждены будем отойти, но сохраним корпус с его артиллерией. Во всяком случае выиграем время и дадим возможность армии прийти к нам на помощь...»

При этом Паскевич так тактично раскритиковал первоначальный план Раевского, так аргументированно изложил все недостатки позиции перед городом, что тому ничего не оставалось, как согласиться с мнением своего подчиненного.

Удивительно то, что Паскевич приехал на совет последним, а все генералы до этого высказывались за сражение перед городом. Однако настойчивость украинца и его фраза: «Здесь мы будем совершенно разбиты» переубедила всех.

А чин генерал-лейтенанта Паскевич получит ровно через год – уже в Германии. Командуя все той же 26-й дивизией в «Битве народов» под Лейпцигом, он захватит 30 орудий и четыре тысячи прославленных на-

полеоновских солдат.

К концу войны Ермолов уже будет искренне завидовать Паскевичу. Но в судьбе последнего случится важная перемена – на одном из светских раутов Александр I представит 33-летнего генерала своему младшему брату – великому князю Николаю Павловичу. Эта встреча, случившаяся как раз в возрасте Христа, и предопределит вторую половину жизни выходца из полтавского захолустья.

Иван Федорович рассказывал об этом так: «В Париже начались, как и в Петербурге, гвардейские разводы, и мы из гренадерского корпуса поочередно туда ездили. В один из сих разводов Государь, увидев меня, подозвал и совершенно неожиданно рекомендовал Великому князю Николаю Павловичу. Познакомься, сказал он ему, с одним из лучших генералов моей армии, которого я еще не успел поблагодарить за отличную службу. Николай Павлович после постоянно звал меня к себе и подробно расспрашивал о последних кампаниях. Мы с разложенными картами по целым часам вдвоем разбирали все движения и битвы 12-го, 13-го и 14-го годов».

Что сблизило тридцатидвухлетнего генерала и восемнадцатилетнего молодого человека из императорской семьи? Вряд ли Паскевич искал случая поправить карьеру. Наследником престола считался

старший брат Николая – Константин. Заискивать перед младшим Романовым не имело смысла. Дружба с ним не сулила особых карьерных перспектив. Тем более, что и сам император был здоров и молод. Однако Паскевич не поленился объяснять «неперспективному» великому князю перипетию наполеоновских войн. По-видимому, это была обычная человеческая симпатия. Если хотите, дружба. Выросший без отца Николай искал в ком-то его замену. Добродушный и храбрый генерал из украинцев идеально подошел на эту роль. Так завязалась дружба длиной в сорок лет.

Тем более что Паскевич не скупился на добрые чувства не только по отношению к императорской семье. В 1816 году случился так называемый «бунт» крестьян в Смоленской губернии. Расследуя дело, Паскевич установил, что бунт существует только в воображении местных чиновников, которым мужики отказались платить мзду, а наказание для них каторгой – явная несправедливость. Паскевич не только просил Александра I освободить смоленских «бунтовщиков», но и назначить им денежное пособие. Крестьян ему было тем более жалко, что всего четыре года назад он воевал с Наполеоном в этих местах. «Пример человечности и сострадания никогда еще не был вреден», – писал генерал царю. Крестьян помиловали. Главного виновника возмущения из чиновных «кув-

шинных рыл» перевели брать взятки в другое место.

Сам же Паскевич стал начальником лучшей дивизии в русской армии – 1-й Гвардейской. Второй бригадой ее – Измайловским и Егерским полками – командовал великий князь Николай Павлович. Совместная служба еще больше сблизила их. Даже став императором, Николай I всегда будет называть Паскевича в письмах «отцом-командиром».

1825 год обернулся звездным часом великого князя Николая и Паскевича. Первый стал царем вместо отказавшегося брата Константина. Второй – его полководцем. Все самые громкие победы империи в царствование Николая I будут одержаны украинским генералом.

В 1826-м он разбивает на Кавказе персидскую армию. Вымуштрованная английскими инструкторами пехота шаха не выдержала штыковой атаки русских в Елисаветпольском сражении. Потери в отряде Паскевича были ничтожны – три офицера и 43 рядовых убитыми. По странной случайности битва происходила вблизи могилы знаменитого персидского поэта древности – Низами. Но на сей раз истинным поэтом войны оказался полководец Николая I, разбив с семью тысячами солдат 35 тысяч персов. Наградой Паскевичу стала почетная золотая шпага. Еще через год он освободил от персов древнюю столицу Армении

– Эривань, как называли ее тогда в России. И тоже с минимальными потерями – 52 человека убитыми и ранеными.

Паскевичу пришлось воевать в тех же местах, где в античные времена сходилась с персами армия Римской империи. Боевые успехи генерала настолько подействовали на петербургское общественное мнение, что орден св. Георгия 2-й степени и почетная прибавка к фамилии – Эриванский – казалась вполне естественной наградой. В конце концов никто из русских полководцев до Паскевича не продвигался на Кавказе так далеко.

Еще одна заслуга генерала до сих пор не оценена в Украине. Так называемый комитет 1827 года, занимавшийся вопросами управления Закавказского края, предложил переселить на персидскую границу 80 тысяч украинских казаков с семьями. Это позволило бы создать защитный пояс из поселений военнообязанных христиан.

Идею, между прочим, поддерживал очень популярный у наших историков малороссийский губернатор – князь Репнин, дочь которого впоследствии будет влюблена в Шевченко. Однако Паскевич, жалея земляков, все с той же присущей ему дипломатичностью подsunул императору другой план. Кавказ от персов пусть защищают сами кавказцы – Эриванское и На-

хичеванское ханства лучше отдать для управления местной аристократии, оказавшей услуги России в войне с шахом. А украинцы пусть остаются в Украине. Казаки, о которых шла речь, в основном населяли территорию Полтавщины, с которой родом был Паскевич. Спасая от переселения своих земляков, генерал, по странной иронии истории, оставил на родине и предков автора этих строк, который иначе никогда бы не имел счастья появиться на свет.

Так что же я могу испытывать к нему, кроме чувства исторической благодарности?

Следующей выдающейся победой генерала Паскевича стало взятие турецкой крепости Каре в 1828 году. Командующий с таким искусством расставил осадные батареи и провел бомбардировку, что турецкая твердыня пала на несколько дней раньше, чем предполагалось по плану. Предложение Паскевича коменданту Карса Эмин-паше о сдаче вошло в историю: «Пощада – невинным. Смерть – непокорным. Час времени – на размышление». Услышав слова русского полководца, переданные парламентаром, турецкий гарнизон взбунтовался против своего начальника и выбросил сразу два белых флага. В последующих войнах с Турцией русская армия будет брать Каре еще два раза. Но впервые сделал это именно украинец!

Самой трудной кампанией, выпавшей Паскевичу,

была война с Польшей. Официально это называлось подавлением польского восстания. Но на самом деле сражаться пришлось с одной из лучших европейских армий. По Венскому конгрессу 1815 года Царство Польское вошло в состав России на правах автономии. Ему полагалась конституция, парламент и отдельные вооруженные силы. Причем не символические, а реальные – из двух пехотных и двух кавалерийских дивизий и корпуса артиллерии и инженеров. По сути это была самая боеспособная армия, которую когда-либо имела Польша. В ее составе служило много ветеранов наполеоновских войн, которым Александр I великодушно разрешил продолжить службу после поражения императора французов. А чему не успели доучить французские инструкторы, доучили русские. Тем не менее именно эта армия, числившаяся официально частью российской, в 1830 году взбунтовалась и принялась воссоздавать «независимую» Польшу в границах по украинский Днепр.

У украинца Паскевича на этот счет было особое мнение – нужно отметить, что наши земляки вообще с удовольствием громили поляков в той войне, сводя старые счеты. К примеру, именно в составе русской армии сражался первый издатель «Кобзаря» – Иван Мартос. И, кроме всего, у поляков не было полководца уровня Паскевича.

Сначала генерал-фельдмаршал изящным маневром разделил их армию на три части, потом форсировал Вислу и вышел к Варшаве. Столица Польши пала в годовщину Бородина – 26 августа. Об ожесточенности 36-часового штурма говорит то, что никогда еще Паскевич не нес таких потерь – 539 офицеров, 10005 нижних чинов. Поляки, защищавшиеся за укреплениями, потеряли 7800 убитыми и ранеными, 3000 – пленными и 132 орудия. Донесение фельдмаршала Николаю I опять поражало суворовской краткостью «Варшава у ног Вашего императорского величества».

Высочайшей наградой за победу Ивану Паскевичу стал титул светлейшего князя Варшавского. Фельдмаршалу едва исполнилось 49 лет.

Ныне имя Паскевича в Украине предано забвению. Носясь с каждым битым трипольским горшком, возвеличивая любого пьяного атамана, наши политики забыли лучшего полководца, которого когда-либо имела Украина. Ведь даже Хмельницкому не удалось взять Варшаву. А Паскевич взял! Так почему же мы вечно стесняемся своих героев и побед?

Разве воевавшие в наполеоновской армии поляки стыдятся своих генералов? А ведь среди них не было ни одного, равного по таланту нашему полтавскому земляку.

Николай Гоголь – жизнь за царя

Только заступничество государя спасло «Ревизора» – признался писатель знаменитому актеру Щепкину, «Жаль, что умираю, весь его был бы» – сказал перед смертью о Николае I Пушкин. Гоголь избегал подобных фраз, предпочитая дела. Но жизнь его целиком вписывается в чеканную пушкинскую формулу. Из автора «Мертвых душ» долго лепили «революционера», «критика самодержавной России». Господа, этот выдуманный «красный» Гоголь – подложный! Истинного от нас скрывают до сих пор. Так предоставим же ему слово. Пусть он сам выскажется, как малороссийский помещик и монархист: «Ни один царский дом не начинался так необыкновенно, как начался дом Романовых. Его начало было уже подвиг любви... Любовь вошла в нашу кровь, и завязалось у нас всех кровное родство с царем. И так слился и стал одно-едино с подвластным повелитель, что нам всем теперь видится всеобщая беда – государь ли позабудет своего подданного и отрешится от него или подданный позабудет государя и от него отрешится».

Этот отрывок из «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Многим, наверное, сегодня такие рассуждения по-

кажутся наивными. Но Гоголь мог выражаться и еще круче, громя демократические ценности со всем пылом поэтической души: «Государство – без полномочного монарха – автомат: много-много, если оно достигнет того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина: человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит».

Чем так не угодили Николаю Васильевичу Соединенные Штаты – трудно сказать. В них он, в отличие от изъезженной вдоль и поперек Европы, никогда не был. Но если на меркантильную заокеанскую республику он махнул рукой, то в Европу верил, уповая на то, что и она проникнется русским самодержавным духом. «Государь есть образ Божий, как это признает, покуда чутьем, вся земля наша, – утверждал Гоголь и тут же добавлял: – Значенье государя в Европе неминуче приблизится к тому же выраженью. Все к тому ведет, чтобы вызвать в государях высшую, божескую любовь к народам».

То есть пока (а написано это было в середине 1840-х годов) мыслитель наш политический понимал, что любви у монарха на всех не хватает. Маловато, прямо скажем, любви. Но надеялся на лучшее. И грезил монархической утопией, в которой государь мыслился ему не прагматичным реалистом, как у Макиавелли,

а священником на троне, который, «возболев духом о всех, скорбя, рыдая и молясь день и ночь о страждущем народе своем...приобретает тот всемогущий голос любви, который один только может быть доступен разболевшемуся человечеству...»

Нет, нелегкую ношу взваливал автор «Ревизора» на своего идеального правителя. Я бы от такого ампула сразу же отказался – ни за фрейлинами пухлозадыми приударить, ни парад принять, ни с иностранными послами бургундским оттянуться – только скорби, молись и рыдай. Садюга вы, однако, Николай Васильевич...

Но утопии утопиями. Всех ими, действительно, не накормишь. Но отдельно взятого человека – случается. Например, в жизни самого Гоголя царская любовь сыграла выдающуюся, непреходящую роль. Весьма рано сообразив, что без царского рычага государство – на всех и вся плюющий авторитет, юный предприимчивый провинциал из Украины решил действовать через самый верх. Становиться Акакием Акакиевичем у него не было резонов. Он рискнул. И преуспел.

Молодой Гоголь умел очаровывать знакомых. Обладая талантом сатирическим, он сразу понял – надо обзаводиться сильными покровителями. Иначе – съедят. А съесть могли в любой момент. Завистников у гения всегда пруд пруди. Уже намного позже, после вы-

хода «Мертвых душ», подруга писателя Александра Смирнова-Россет, фрейлина императрицы, напишет ему, сообщая о мнении некоторых читателей: «Толстой сделал замечание, что вы всех русских представили в отвратительном виде, тогда как всем малороссиянам дали вы что-то вселяющее участие, несмотря на смешные стороны их, ... что у вас нет ни одного хохла такого подлого, как Ноздрев; что Коробочка не гадка именно потому, что она хохлячка».

Упомянутого Толстого не стоит путать с Львом Николаевичем – в ту пору шестнадцатилетним отроком. Это был так называемый Федька Толстой по кличке Американец – татуированный с ног до головы великосветский хулиган и карточный шулер. Характера этот оригинал был столь мерзкого, что в свое время моряки из экспедиции Крузенштерна высадили его на Камчатке с корабля прямо на берег – от греха подальше. Но крови такие «патриоты» могли попить немало. Тот же Толстой, по уверениям Аксакова, при многолюдном собрании заявлял, что Гоголь – «враг России и что его следует в кандалах отправить в Сибирь».

Боясь попасть под раздачу, Николай Васильевич с чисто малороссийской мудростью обзавелся надежным щитом. В 1830 году он знакомится с известным издателем Петром Плетневым, а через него со всей петербургской литературной аристократией – Жуков-

ским, Вяземским и самим Пушкиным. Через Жуковского, служившего воспитателем царских детей, модно было решать любые проблемы – главное было шепнуть строгому, но отзывчивому Николаю I просьбу в нужный момент. Пройдет несколько лет, и та же фрейлина Смирнова напишет Вяземскому: «Плетнев открыл это маленькое сокровище (Гоголя); у него чутье очень верное, он его распознал с первой встречи». Толстые и им подобные могут теперь бессильно скрипеть зубами. У Гоголя надежная защита – сам император. Появление «Ревизора» на сцене объясняют едва ли не чудом. Между тем чудо имело вполне реалистическое объяснение – царское повеление. В изданной в 1877 году «Хронике петербургских театров» хорошо информированный А. И. Вольф приоткрыл закулисную тайну: «Гоголю большого труда стоило добиться до представления своей пьесы. При чтении цензура перепугалась и строжайше запретила ее.

Оставалось автору апеллировать на такое решение в высшую инстанцию. Он так и сделал. Жуковский, князь Вяземский, граф Виельгорский решились ходатайствовать за Гоголя, и усилия их увенчались успехом. «Ревизор» был вытребован в Зимний дворец, и графу Виельгорскому поручено его прочитать. Граф, говорят, читал прекрасно: рассказы Добчинского и Бобчинского и сцена представления чиновников

Хлестакову очень понравилась, и затем по окончании чтения последовало высочайшее разрешение играть комедию».

«Государь читал пьесу в рукописи», – свидетельствует Вяземский. После этого события развивались молниеносно. В марте 1836 года цензура разрешает «Ревизора» к постановке, а 19 апреля следует премьера. Умный царь, понимая, что народу требуются зрелища, присутствует на первом представлении лично. «Государь был в эполетах, – вспоминает Смирнова, – партер был ослепителен, весь в звездах и других орденах. Министры... сидели в первом ряду. Они должны были аплодировать при аплодисментах государя, который держал обе руки на барьере ложи».

Такого Российская империя еще не видела – сам Николай I на премьере. Лучшей рекламы пьесе невозможно было придумать. Цензор Никитенко (еще один украинец в Петербурге) записывает в дневнике: «Государь даже велел министрам ехать смотреть «Ревизора»».

Пьеса идеально вписалась в русло правительственного курса борьбы с коррупцией – взяточники непременно будут наказаны, настоящий ревизор обязательно явится, как в финале комедии. Все отличившиеся актеры получили от дворца подарки, некоторые – прибавку к жалованью. А Гоголя – возможность

проветрить гениальные мозги в путешествии за границу.

«Что тебе сказать об Италии, – пишет Гоголь школьному приятелю Прокоповичу. – Она прекрасна». Жуковскому хитрый малороссийский Тартюф приоткрывает шире: «Если бы знали, с какой радостью я бросил Швейцарию и полетел в... мою красавицу Италию! Она моя! Никто в мире ее не отнимет у меня. Я родился здесь. Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр, – все это мне снилось. Я проснулся опять на родине...»

А наши доморощенные мудрецы еще спорят, русский или украинский писатель Гоголь. Итальянский, господа! Итальянский. Собственные его слова – тому подтверждение. И еще одни: «...вся Европа для того, чтобы смотреть, а Италия для того, чтобы жить».

Но просто так жить нельзя даже в Италии. Тем более в Риме. Гоголь снимает старинный зал с картинами и статуями, за который платит тридцать франков в месяц, объедается чудным местным мороженым («Мороженое такое, какое и не снилось тебе...») и строчит дружеские письма Жуковскому с просьбой намекнуть Николаю I насчет деньжат: «Скажите, что я невежа, незнающий, как писать к его высокой особе, но что я исполнен весь такой любви к нему, какую может быть исполнен один только русский подданный,

и что осмелился только потому беспокоить его просьбой, что знал, что мы все ему дороги, как дети». Вид жирующих за казенный счет русских студентов, набирающихся итальянской премудрости, вызывает в Гоголе приступ иждивенческого аппетита: «Если бы мне такой пансион, какой дается воспитанникам академии художеств, живущим в Италии, или хоть такой, какой дается дьячкам, находящимся здесь при нашей церкви, то я бы протянулся... Найдите случай и средство указать как-нибудь государю на мои повести: «Старосветские помещики» и «Тарас Бульба»... Если б их прочел государь! Он же так расположен ко всему, где есть теплота чувств и что пишется от души... На него и на вас моя надежда...»

И Жуковский шепнул. И через полгода императорский «грант» достиг адресата, тут же рассыпавшегося в благодарностях: «Я получил данное мне великодушным нашим государем вспоможение... Как некий бог, он сыплет полною рукою благоденствия...» И некто Золотарев, наблюдавший великого писателя в Риме, вспомнит: «Гоголь покушает плотно, обед уже кончен. Вдруг входит новый посетитель и заказывает себе кушанье. Аппетит Гоголя вновь разгорается, и он, несмотря на то, что только что пообедал, заказывает себе или то же кушанье, или что-нибудь другое».

А фрейлина Смирнова ходатайствует перед импе-

ратором о новом «вспоможении». И из государственного казначейства назначается пенсия сроком на три года – по тысяче рублей в год. А где-то посерединке между этими событиями у «Тараса Бульбы» появляется новый финал с берущими за душу строками: «Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..»

Любовь и голод, как известно, правят миром. В том числе и литературным. Гоголь умер от сытости, не выдержав питательности царского пансиона. В чем, впрочем, сам виноват – мог бы и хладнокровнее заказывать итальянские блюда.

Но есть и другая сторона медали. Говорят, что во время одного из путешествий по России император Николай, вылезая из опрокинувшейся в грязь коляски, сказал местным чиновникам: «А я вас, господа, знаю...» И добавил: «Из пьесы Гоголя!»

Русская тоска Кобзаря

Есть в творческом наследии Шевченко парочка мыслей, от которых современные украинские литературоведы шарахаются как черти от ладана. В поздней повести «Прогулка с удовольствием и не без морали» он назвал русскую тоску «нашей». А в другом прозаическом произведении – «Капитанша» – написал такое, после чего правоверному националисту остается только лечь в гроб: «Верите ли, когда мы вступили в пределы России, то первый постоянный двор, как он ни грязен, мне показался лучше всякого французского отеля». Ай да Кобзарь! Ну как после этого поверишь, что он люто ненавидел москалей. Правда, во времена СССР считалось, что из русских Тарас Григорьевич любил только угнетенное крестьянство и революционеров-демократов, которые, естественно, отвечали ему взаимностью. В какой-то мере это недалеко от истины.

«Шевченко... стал для нас родным», – писал Николай Огарев в предисловии к брошюре «Русская потаенная литература XIX столетия». Да-да, тот самый – друг Герцена и по совместительству свихнувшийся на прогрессивных идеях помещик, промотавший как бы между прочим несколько миллионов рублей. Нет, не

на революцию – на женщин.

Набирая в самый год смерти Тараса «бойцов» для будущих идеологических войн, Огарев обратил из Лондона благосклонный взгляд на украинского поэта и даже узрел в нем залог «самобытности областей и неразделимости союза» будущего преобразованного государства. Читаешь и диву даешься! Человек, не способный навести порядок хотя бы в своем орловском имении, где его же жена отсудила у него после развода 550 душ и 4000 десятин, на полном серьезе собирался переустраивать Россию!

Для другого не менее прогрессивного человека, поэта Некрасова, Шевченко просто «Русской земли человек замечательный». Областные различия не очень интересовали издателя «Современника». Он сам – поляк по матери, на что ему было глубоко наплевать. Но не плевал он на литературные барыши и поставленный на широкую ногу издательский бизнес. Именно на торговле всем «передовым» балансировало финансовое благополучие Некрасова.

Двуличный до безобразия, этот профессиональный специалист по вопросу «кому на Руси жить хорошо» в день похорон Шевченко написал ему панегирик с процитированной выше строчкой, а пятью годами позже в петербургском Английском клубе прочитал «стихотворный привет» генералу Муравьеву – усмирителю

Польши по кличке Вешатель. Лакейству прогрессивного деятеля удивился даже сам Муравьев!

– Позвольте напечатать, Ваше сиятельство? – подобострастно спросил Некрасов.

– Это ваша собственность – можете располагать ею, как хотите.

– Но я просил бы Вашего совета...

– В таком случае, не советую!

Похвала такого человека, как Некрасов, «дорого» стоит!

В начале 1862 года по Петербургу даже разнесся слух, что Шевченко рассматривается в качестве одной из кандидатур на памятник тысячелетию России – водружение его вот-вот должно было состояться в Новгороде. Слух глупейший, на первый взгляд. Однако обоснованный. В середине XIX века русская культура еще необыкновенно бедна. Пушкин, Лермонтов, Гоголь и Глинка – вот все, чем по большому счету богаты ее литература и музыка. Империи дорог каждый «штык», каждое мало-мальски заметное перо.

Не случись в 1847 году прискорбный инцидент с поэмой «Сон», у Шевченко были бы все шансы подняться на пьедестал рядом со своим земляком – автором «Ревизора». Но теперь начальник штаба корпуса жандармов генерал Потапов запрашивает другого генерала – Евреинова – о причинах пронесшейся

молвы: «В последнее время распространился слух, будто бы покойный литератор Шевченко, изображение которого предназначено к помещению в памятнике тысячелетию России, исключен ныне из числа фигур этого памятника. Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство почтить меня уведомлением, что могло быть, по Вашему мнению, поводом подобного слуха...»

И ответ: «...имею честь уведомить, что в первоначальном утверждении Его Величеством списка лиц для помещения на барельефе памятника тысячелетию Российского государства, литератор Шевченко, бывший еще в живых, поэтому уже не мог быть включен. После же смерти его возбужден был вопрос об изображении его в ряду известнейших русских писателей; но вследствие поданной об этом Государю Императору частной записки, Его Величеству не угодно было изъявить на то свое согласие. Об этом решении последовало официальное приказание и затем изображение Шевченко на барельефе помещено не будет».

Тем не менее даже после возвращения поэта из ссылки императорская семья относилась к Тарасу Григорьевичу в общем-то неплохо. Особенно ее женская половина. Несмотря на то что Шевченко находился под негласным полицейским надзором, вели-

кая княгиня Мария Николаевна – президент Академии художеств – утвердила его в звании академика. Другая великая княгиня – Елена Павловна – пожелала приобрести автопортрет поэта. И честно за него расплатилась. 23 ноября 1860-го Тарас Григорьевич был официально уведомлен: «Господин Шевченко приглашается пожаловать в канцелярию Государыни Великой Княгини Елены Павловны в Михайловском дворце в пятницу 25 сего ноября от 11 до 2-х часов для получения денег, следующих за купленный Ее Императорским Высочеством портрет».

Во дворец польщенный литератор сходил и причитающиеся ему за труды 200 рублей получил. А императора Александра II тот же Шевченко в припадке благодарности вообще назвал однажды «добрым царем». Царь действительно был добряком. Он не только отпустил из армии Тараса, но и одним махом дал волю всем крепостным крестьянам, чем навсегда заслужил в истории прозвище Освободитель.

Еще один знакомый Шевченко – Иван Тургенев вспоминал, как однажды Тарас дошел до идеи смешанного русско-украинского эсперанто: «Во время своего пребывания в Петербурге он додумался до того, что не шутя стал носиться с мыслью создать нечто новое, небывалое, ему одному возможное, а именно: поэму на таком языке, который был бы одинаково по-

нятен русскому и малороссу; он даже принялся за эту поэму и читал мне ее начало. Нечего говорить, что попытка Шевченко не удалась, и именно эти стихи его вышли самые слабые и вялые из всех написанных им, – бесцветное подражание Пушкину».

По-видимому, русского имперского духа в этом литературном опыте все-таки было больше, чем запаха «садка вишневого», раз Тургеневу вспомнился именно Пушкин.

Но Тарас в минуты просветления и сам понимал несовершенство этих поэтических опытов. «Жаль, что я плохо владею русским стихом, – записывает он в дневнике 19 июля 1857 года о поэме «Сатрап и Дервиш», которую, по его словам, «нужно непременно написать по-русски». Идея так и осталась незавершенной. Пушкинские ямбы упорно не давались Кобзарю, и тогда, словно в отместку, он отыгрывался наивными антимоскальскими выходками в украинских стихах:

Титарівна-Немирівна
Людьми гордувала...
А москаля-пройдисвіта
Нищечком вітала!

Но как бы то ни было, тот же Тургенев отметил «чисто русский» без акцента выговор Шевченко и то, как «немало изумлялись и даже несколько огорчались

его соотчичи», узнав, что свой дневник Тарас вел тоже по-русски.

Факт, согласитесь, для ограниченного националистического сознания действительно прискорбный. Ведь получается, что в интимнейшие, далекие от полицейского присмотра минуты уединения «батько нации» общался сам с собой не на «мові» родной Кирилловки, а на языке императорской казармы и канцелярии. Попробуйте-ка бороться с русификацией, если сам Великий Кобзарь так основательно обрусел!

Не я первый заметил, что в Шевченко жили два человека. Один – петербургский художник во фраке и с любимой сигарой в зубах, занимавший в служебной иерархии не последнее место академика, что автоматически приравнивало его к чину титулярного советника. Второй – весь из страхов и комплексов – загнанный в подсознание бывший крепостной, волею судьбы выдернутый из крестьянского мирка и навек травмированный чудесным вознесением в касту имперских жрецов искусства.

Американский литературовед украинского происхождения Джордж Грабович, которому самому хорошо знакомо подобное противоречие, назвал в книге «Поэт как мифотворец» первую половину личности Шевченко «приспособленной», а вторую – «неприспособленной».

Раздвоенность не способствует здоровью. Но следует отдать Тарасу должное. Он всеми силами пытался ее преодолеть. Вершиной этого проекта восстановления душевного покоя стал цикл русскоязычных повестей, явившихся, как по волшебству, в тот самый момент, когда солдатская служба Шевченко приблизилась к концу. Впереди вновь открылась пленительная перспектива – Петербург, вольная жизнь, слава. Молодость возвращалась. В потаенных снах гуляли образованные барышни, интересующиеся знаменитым литератором. Сдвинув на ухо бескозырку, рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона взялся за перо. Втайне от всех он решил двинуться той же тропой, по которой прошел до него Гоголь и многие другие куда менее известные украинские литераторы, – от местного патриотизма к великодержавному размаху.

Как утверждают литературоведы, Тарас чуть не одним махом настроил около двадцати повестей. Уцелело девять. При жизни не была опубликована ни одна! Полный благонамеренных начинаний проект канул в бездну. И поспособствовали этому «доброжелатели» из земляков.

Пантелеймон Кулиш мог быть честным и справедливым критиком Тараса. А мог – и завистливым бесом. Разведав, что Шевченко намеревается к сла-

ве українського поета додати популярність русско-го прозаїка, «заядлий друг» набросився на него чуть ли не с бранью: «Не хапайся, братику, друкувати московських повістей. Ні грошей, ні слави за них не добу-деш. Адже ж і Данте і Петрарка думали, що прослав-ляться латинськими своїми книгами. Отак тебе моро-чить ця москальщина. Цур їй! Лучче нічого не роби, так собі сиди да читай, а ми тебе хлібом прогонуємо, аби твоє здоров'є!»

Другими словами, Кулиш предлагав отступного. Ешь, пей на наши подачки – только не пиши. Мы сами напишем. Гораздо лучше. Причем по-русски. Давая ценные советы и регулярно сообщая о том, как зем-ляки собирают на пропитание Тараса «гроші», хоть и боятся, чтобы он их «не проциндрив», хитрый Панько словно забыл, что сам только что выпустил в москов-ском журнале «Русская Беседа» роман «Черная Ра-да». И не на украинском, а на самом что ни на есть великорусском наречии!

Кулиш всегда страшно завидовал Шевченко. И в молодости, когда еще не опубликовал ни строчки, а у Шевченко уже были «Кобзарь» и «Гайдамаки», и по-сле смерти Тараса, когда последний стал культовой фигурой для украинцев.

Призрак Тараса-конкурента так беспокоил Кулиша, что через неделю 1 февраля 1858 года, собираясь в

путешествие по Европе, он вновь вернулся к своим инструкциям: «Про московські повісті скажу, що зневажиш ти їми себе перед світом, да й більш нічого. Щоб писати тобі по-московськи, треба жити між московськими писателями і багато дечого набратися... Прощай же, мій голубе сизий! Пиши до мене коли хоч і просто за границю – отак: Belge, Bruxelles, poste restante. A Monsieur Kouliche» (Бельгія, Брюссель, поштова станція. Монсир Кулиш).

Оценка, которую повестям Шевченко дал Кулиш, более чем предвзята. Они, безусловно, куда читабельнее, чем «Черная Рада» того же Кулиша, представляющая собой неуклюжую «украинизацию» сюжетных схем Вальтера Скотта.

Кулиш недаром распереживался. Ведь его собственный европейский вояж стал возможен в том числе и благодаря средствам спонсоров, пожертвовавших на «Черную Рад» около 2000 рублей серебром. Появление на рынке прозы плодovitого, как на зло, Тараса могло сделать в будущем невозможным любые заграничные променады «монсира».

Тем более что Шевченко пробивался в ту же «Русскую Беседу» – известный орган славянофилов. Редактором его был еще один земляк – историк Михаил Максимович. Тарас передал туда для публикации свою лучшую повесть – ту самую «Прогулку с удо-

вольствием и не без морали», с которой мы начали свой рассказ. Всех подробностей закулисных игр украинских доброжелателей мы не знаем. Зато известен финал. Старый приятель Тараса Максимович долго держал рукопись, внимательно изучал ее, а потом все-таки отказал.

Но сообщить об этом лично Максимович в силу своей малороссийской застенчивости так и не решился. Неприятное известие передал Шевченко другой известный славянофил Сергей Аксаков: «Конечно, всего было бы ближе самому Максимовичу написать к Вам, но он заторопился на свою Михайлову гору и поручил мне уведомить Вас, что повесть Ваша в настоящем ее виде не может быть напечатана в «Русской Беседе». Я обещал Вам откровенно сказать свое мнение об этом Вашем произведении. Исполняю мое обещание: я не советую Вам печатать эту повесть. Она несравненно ниже Вашего огромного стихотворного таланта, особенно вторая половина. Вы лирик, элегист; Ваш юмор невесел, а шутки не всегда забавны, а это часто бывает невыгодно».

Между тем и Максимович, и Аксаков не правы. «Прогулка с удовольствием» – не только самая забавная из прозаических вещей Шевченко. Это вообще одно из лучших произведений, написанных в «России» середины XIX века. Читать его куда интереснее, чем

многие опусы Тургенева – ту же «Му-му». Выдержанная в традициях «натуральной школы» повесть содержит подробное описание крепостного гарема.

Ни у кого из современников Шевченко художественного образа этого института домашнего быта красиво разлагающегося дворянства мы не встретим. Так словно его и не было. А у Великого Кобзаря, глубоко ознакомившегося с пикантным вопросом во время своих странствий по усадьбам знакомых помещиков, все на месте. Как и должно быть: «Длинная галерея, освещенная несколькими солнцобразными лампами, разделялась с одной стороны деревянными перегородками на небольшие чуланы, заномерованные римскими золотыми цифрами. Чуланов было десять, и каждый из них украшался горбатой кушеткой и топорной работы картиной отвратительного содержания. Это ничего больше, как домашний гарем господина Курнатовского, открытый и лампами освещенный вертеп разврата! Посмотрим, что дальше откроется. Из возмутительной галереи вошел я в осьмиугольную большую комнату в китайском вкусе и освещенную китайскими фонарями. Комната имела тоже четыре выхода, украшенные надписями красными буквами. Над дверью, из которой я вышел, было написано: «Наслаждение», над противоположной дверью – «Движение», направо – «Отрада», а налево – «Награда». Со

стороны «Отрады» и «Награды» несло конюшной и псарней; я выбрал фирму «Движение» и очутился в темном саду».

Невинное по нашим меркам описание в 50-е годы позапрошлого столетия казалось чуть ли не порнографией. Никто в тогдашней русской литературе даже не пытался протащить подобное в подцензурный текст. Писали куда круче – и с матерщиной, и с картинками «отвратительного содержания», но держали все это под спудом в потаенных рукописных сборниках, предназначенных только для узкого мужского круга. А Шевченко – наивная Божья душа

– и эти «гнузости» попытался вывалить на суд публики! Теперь Максимовича – рахитического вида субъекта

с жидкими патлами и очками жульверновского профессора Паганеля – вспоминают разве что в примечаниях к шевченковским многотомникам. Но тогда вместе с Кулишом и Аксаковым он сделал все, чтобы не пустить Тараса в большую прозу, И ведь не пустил!

Холодный душ этой отповеди так расстроил Тараса, что он вообще забросил прозу. «Теперь думаю отложить всякое писание в сторону, – ответил бедняга Аксакову, – и заняться исключительно гравюрой...»

А так славно могло бы получиться! Ведь отправься Тарас Григорьевич вместо Кулиша в Европу, зарабо-

тав на своих повестях, мы бы, несомненно, получили не только описание отечественных крепостных гаремов, но и подобный отчет о том, чем жила Западная Европа.

Ведь недаром один за другим в эти же годы туда ринулись и Достоевский, и Толстой, и Тургенев, вообще годами предпочитавший жить в Париже, и такие украинские писатели, как Григорий Данилевский и Марко Вовчок. Запад манил их прогрессивными идеями, комфортом повседневной жизни и возможностью приобщиться к древней, идущей еще от античности, гуманитарной культуре.

Но приятели не оставили Кобзарю даже теоретической возможности прикоснуться к этим древним европейским камням. И в то время когда та же Марко Вовчок будет бродить по развалинам Колизея, изливая в письмах Тарасу Григорьевичу свои впечатления, тот будет только грустно вспоминать свой рисунок «Умирающий гладиатор», где он изобразил знаменитый на весь мир амфитеатр, который никогда так и не увидел.

Ну как тут не затосковать по-русски? В жизни поэта начался очередной срыв – с походами по самым плебейским питейным заведениям Петербурга, распитием дешевого рома, фантастическими проектами жениться на крестьянке и преждевременной смертью.

Повести Шевченко вышли уже после его кончины.

Те, что уцелели. Теперь они вызывали всеобщее восхищение. Все удивлялись, как это их не печатали раньше. Естественно, высказывали предположения, что виновата царская цензура. И никто даже не подозревал, что статья при жизни русским прозаиком Тарасу помешали завистливые украинские друзья, демонстративно рыдавшие у его могилы.

Русская тоска...

Но очень украинская история!

Секс-бомба провинциальной литературы

В школьный курс Марко Вовчок вошла как автор сентиментальных повестей о тяжелой доле «закріпаченого селянства». В жизни же это была расчетливая литературная дама, умевшая не хуже «дикого помещика» закрепощать своих поклонников. Влюблявшиеся в нее неизменно разбивали свою карьеру или умирали страшной смертью.

«Что такого в этой женщине, что все ею так увлекаются? – удивлялась дочь президента Академии художеств графа Толстого. – Внешне – простая баба... противные белые глаза с белыми бровями и веками, плоское лицо... А все мужчины сходят от нее с ума: Тургенев лежит у ее ног, Герцен приехал к ней в Бельгию, где его чуть не схватили. Кулиш из-за нее разошелся с женой...»

Юное секслитературное дарование первым открыл Пантелеймон Кулиш. Во второй половине 50-х годов XIX века он играл в среде петербургских украинцев роль литературного атамана. Хорошо ориентируясь в новинках европейской словесности, Кулиш мечтал об украинской Жорж Санд, «сельские повести» которой пользовались бы большим успехом. И вдруг из

провинциального Немирова к нему приходит пакет от Афанасия Марковича, скромного гимназического учителя и приятеля по Кирилло-Мефодиевскому тайному обществу, а в пакете несколько рассказов его жены из народного быта. «Шедевры» были без заголовков и нуждались в редакции, но энтузиаст Кулиш пришел в такой восторг, что, прочитав их, заявил: «Шевченко, я знаю, будет завидовать им».

«Мэтр» подготовил произведения начинающей писательницы к печати и в 1859 году тиснул их в своем альманахе «Хата». Таким образом первая операция Марко Вовчок завершилась успехом – за Афанасия Марковича она, по собственному признанию, «вышла замуж в шестнадцать лет не любя, а лишь стремясь к независимости». Но именно связи этого тихого меланхолического собирателя украинского фольклора помогли ей войти в мирок петербургских литераторов.

Вскоре скучный муж был отставлен за ненадобностью, а Кулиш, плюнув на свое положение женатого мужчины, уже собирался с протезируемой им провинциалкой в заграничное путешествие.

Тайна мгновенного взлета оболъстительной дамочки (к тому времени, кстати, уже дважды рожавшей) была пронизательно разгадана известным критиком Скабичевским: «Единственно, чем можно объяснить,

ее сердцеядство, это недюжинным умом и умением вкрадываться в душу собеседника... В начале знакомства она производила на вас такое впечатление, что казалось, и не найти такой симпатичной душевной женщины: как она понимает вас, как сочувствует вам во всем. Но мало-помалу в этом симпатичнейшем и задушевнейшем существе сказывалась немалая доля коварства: или она эксплуатировала вас самым беззастенчивым образом, или, расхваливая вас в глаза и уверяя в искренности и горячем расположении к вам, в то же время зло высмеивала вас за глаза, или же, наконец, если замечала возможность поссорить вас с кем-нибудь, не упускала случая воспользоваться этой возможностью».

Кулиш мог бы обратить внимание хотя бы на зловещий псевдоним, который с удовольствием приняла Мария Маркович – Вовчок (то есть «волчишко»), но увлечение не давало ему времени вникать в подтексты. Отдав ей свои деньги и взяв взамен ее белье, он отправляется в Германию, ожидая, что через неделю туда же явится и его возлюбленная – и даже не подозревает, что всю дорогу Марко Вовчок сопровождает Тургенев – модный автор «Записок охотника», ставший ее очередным охотничьим трофеем.

Уже значительно позже, в 1869 году, Кулиш с досадой напишет: «Разбаловали в столице провинциалку

и тем сделали из нее «европейскую потаскуху». И даже для слова «вовчок» вспомнит еще одно толкование, понятное только истинным ценителям богатств украинского языка; «Марка Вовчка продумал я... и не ошибся, приложив такой псевдоним: сей «вовчок», тот, что растет диким ростком на плодоносном дереве, точно так же в ы с а с ы в а л живые соки из людей, которые держали его на свете».

Впрочем, Марко Вовчок было глубоко плевать на эти упреки – ее отличала удивительная привычка делать свое дело, не обращая внимания на реакцию окружающих: Кулиш – фигура только «всеукраинского» масштаба. А Тургенев – всеевропейского. Его прекрасные международные связи очень кстати – за них стоит побороться. И пусть вчерашний любовник грозит самоубийством. Переживет. Как заметил по этому поводу тот же Тургенев в письме из Виши: «... успокойтесь: Шевченко не повесится, Кулиш не застрелится...» Хотя вскоре даже он, привыкший мириться с ролью третьего в семье Полины Виардо, пишет г-же Маркович с досадой: «Вы не без хитростей, как сами знаете... Вас понять очень тяжело». Герцен же попросту обвинил ее в «фальшивости» и добавил: «Пусть у нее будет хоть десять интриг, мне нет дела».

Кулиш вернулся в Россию, помирился с женой и рванул вместе с ней по Волге на Кавказ в надежде

подлечить расшатанные нервы. «Если ею овладеет Тургенев, я буду утешен хотя бы тем, что она живет с человеком, а не с животным», – заметил он.

Тургенев же восторженно пропагандировал теперь Марко Вовчок на Западе и рекомендовал Просперу Мериме, заявляя, что ее творения превосходят «Хижину дяди Тома». (По мне и то и другое стоит друг друга.) Сама же Мария Александровна в это время победоносно пленяла родственника Герцена – Александра Пассека. К ужасу его матери, называвшей Марию Вовчок «волчицей», юноша забросил карьеру и превратился в бледную тень любвеобильной «эмансипантки» при живом муже, развернувшей в Европе бурную личную жизнь «а-ля Екатерина II». Впрочем, вскоре опостылевший супруг был отослан назад в Украину, а Пассек умер от туберкулеза в 1866 году в Ницце. Годом позже за ним отправился в мир иной и «сосланный» законный муж, первым изведавший некогда чары этой загадочной дамы, а теперь своей смертью укрепивший ее репутацию «роковой женщины».

В 1867 году мы застаем Марко Вовчок уже в Петербурге в объятиях Дмитрия Писарева. Ну, этого-то она не возьмет... Как бы не так! Неукротимый критик, властитель дум нигилистов, не прекращавший своих литературных битв с правительством даже во время

отсидки в Петропавловской крепости, куда книги ему носили мешками, тает в ручках Марии Маркович, как воск. Человек, сокрушавший Островских и Пушкиных, теперь превращается в полную размазну: «Я весь полностью отдался тебе, я не могу и не хочу забрать себя назад, я не имею и не хочу жизни без тебя, и в то же время я всегда вижу, как висит у меня над головой опасность разрыва наших отношений».

Эта женщина действительно втягивала мужчин, как черная дыра.

В конце июня любовники едут в Ригу, а потом перебираются на дачу. Веселый Писарев отправляется купаться вместе с пятнадцатилетним сыном своей возлюбленной – Богданом и уверенно бросается в балтийские волны. Когда оставшийся на берегу подросток поднимает голову, пловца уже нет на поверхности. Рыбаки находят труп только через час.

В Петербурге эта смерть сразу же вызывает нелицеприятные комментарии в кругах журналистов. «Эта отвратительная игра в кошки-мышки, – пишет сотрудник «Дела» Шеллер-Михайлов, – закончилась тем, что человек утонул в месте, где мель тянется на версту». Какая игра? Неужели у Марко Вовчок по ее обыкновению был еще какой-то «запасной» роман, о котором стало известно Писареву во время совместного путешествия? И неужели он утонул в «состоянии ду-

шевного разлада», как утверждал его знакомый Благосветлов? Загадка так и осталась нераскрытой. Известно лишь, что накануне рижского вояжа Писарев выглядел очень счастливым. Видевший его тогда в «Отечественных записках» Скабичевский вспоминал: «Он влетел в редакцию такой веселый... «наверное, – подумал я мимоходом, – он дождался праздника своей любви!»

Конец литературной карьеры Марко Вовчок, как ни странно, положили женщины. Причем такого же поля ягоды, как и она – прогрессивнейшие и эмансипированнейшие феминистки тех славных дней. В результате слишком ускорившегося прогресса их расплодилось так много, что работы на всех уже не хватало и они вступили в жестокую междоусобную грызню.

В 1871 году, используя свои связи, Мария Маркович открывает журнал «Переводы лучших европейских писателей». На работу она принимает только женщин. Принципиально. И никаких мужчин, которые так некстати тонут и умирают от туберкулеза. Правда, деньги на затею дает все-таки представитель сильного пола – издатель Звонарев.

Активность Марко Вовчок вызвала переполох на рынке переводов. Борьбу с ней возглавила другая шестидесятница – Людмила Шелгунова, работавшая в конкурирующем издательстве Вольфа. Она обвинила

Маркович в том, что та эксплуатирует молодых переводчиц, не выплачивая им полностью гонорары. Но эту атаку удалось отбить. Вторая же была смертельной. Ее провел женский издательский кружок Н. В. Стасовой и М. В. Трубниковой.

Когда у Марко Вовчок не хватало времени, они использовала помощниц, ставя на титуле очередной книги «Перевод под редакцией Марко Вовчок». Но одна из созданных таким образом новинок – сказки Андерсена – поступила в продажу без оговорки «под редакцией». Вдохновитель «передвижников» Стасов сравнил ее с переводом тех же сказок, сделанным его сестрой тремя годами раньше, и установил, что именно его использовала, слегка переработав, Марко Вовчок. В «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась обличительная статья с недвусмысленными обвинениями в плагиате. Газеты с удовольствием раздували все перипетии скандала. Авторитетная комиссия из восемнадцати (!) писателей и юристов подтвердила обвинения Стасова. Мария Маркович утратила свою репутацию и издание, которое возглавляла. Это был крах, фактически вычеркнувший писательницу из русской литературы и оставивший ей скромное место сочинительницы народных рассказов на украинском языке.

Недрузи Марко Вовчок из числа ее украинских за-

вистниц могли тепер ликовать. Наприклад, мати Леси Українки письменниця Олена Пчилка некогода назвала свою літературну суперницю «нахабною кацапкою, що вкрала українську личину... (По походженню Марко Вовчок русская. – О. Б.) Бо справді, якето колись було неславне для української мови й літератури переконання, що нібито якась перша-ліпша кацапка, зроду не чувши української мови, ледве захотіла, у два дні перейняла мову зо всіма найтонкішими її властивостями... Далєбі, це зневажало українську мову; що ж то за така осібна характерна мова й письменність, коли всякий чужосторонець возьме й зараз писатиме, та ще як досконало».

Мысль не только не бесспорная, но просто злобно провинциальная. Я же не стану упрекать Марко Вовчок ни в чем. В конце концов она перехитрила саму себя.

Водка – горючее нашей истории

Водку можно не любить. Водку можно презирать. Водку можно даже не пить, как это делаю я. Но если вы собрались заниматься политикой к Востоку от Бреста, помните: не учитывать ее в этих местах так же преступно, как морозы и «авось». Она строила империи, свергала династии и брала города.

Славяне пили всегда. Первым славянским словом, подаренным мировой цивилизации, было не «спутник» и не «матрешка», а «мед». Византийский дипломат Приск Панийский, отправившийся в середине V века послом к знаменитому гунну Аттиле, встретил по дороге симпатичных туземцев. Они покатали его на лодке долбленке, предложили красивых женщин «для соития» и угостили чудным хмельным пойлом, название которого Приск запомнил навсегда – «медос». Это были наши предки.

Предки эти были еще тихие и мирные. Но уже через два поколения они так разошлись, что превратили Византийскую империю в пылающую усадьбу, откуда каждый тащил все что мог. Причина превращения добродушных славян в беспощадных завоевателей до сих пор не объяснена историками. Между тем она буквально лежит на поверхности – внезапный де-

фицит алкоголя.

Образ жизни славян отличала спартанская простота. С весны общинники выжигали участок леса и засевали его рожью. В конце лета – урожаем собирали и начиналась гульба. Собственно, ради этого интересного момента и жили. Ни театра, ни ипподрома, ни тем более показа мод еще не существовало. Пахали, чтобы расслабиться. Бражничанье с распеванием застольных песен составляло смысл существования и основной жанр народной культуры.

Готовить мед просто. Не нужно ни перегонного куба, ни холодильника, ни огня. Только кадка и естественное брожение. Смешанный с малиновым или брусничным соком пчелиный мед «доходил» сам собой, отчего и назывался «ставленным». Беда была в другом – готового продукта приходилось ждать десять – пятнадцать лет.

Пока славян было мало – меда для ритуального зимнего пьянства хватало на всех. Но у каждого имелось трое-пятеро детишек – и так в каждом поколении. Причем закуски по-прежнему хватало – капустки, кислых лесных яблочек, свининки («Славяне» – народ, который пасет свиней, как мы овец», – отмечал один арабский путешественник), а вот меда – его-то и не оказалось в минимально необходимом количестве.

Пасек еще не изобрели. Тем более искусствен-

ных сот. Единственным способом добычи меда было бортничество – технология варварская и примитивная – немногим сложнее той, которой пользуется бурый медведь. В лесу находили дупло с пчелиной семьей. Трудолюбивых насекомых выкуривали дымом и (вот он, вкус победы!) запускали в дупло лапу. Рой, естественно погибал. Зато возникла поговорка: «Не передувши пчел, меда не есть!»

Однако есть, точнее пить – было нечего. Славяне плодились куда быстрее, чем бедные пчелы, гибнувшие тысячами в воске своих жилищ. Осенью у незадачливого бортника тревожно сосало под ложечкой. Жизнь казалась бессмысленной и жестокой, как картина мироздания экзистенциалиста Камю. Равнодушные звезды холодно сияли над кудлатой головой.

И тут произошел культурный контакт! Кто-то принес с юга весть, что римляне и греки давно уж охмеляются виноградным вином. Орды славянских богатырей тут же ринулись на завоевание стратегически важных объектов – наполненных амфорами погребов цивилизованных стран. Балканский полуостров упал в их руки, как перезревшая гроздь. Все вплоть до Альп затопила жаждущая питья славянская рать.

Это событие, случившееся в VI веке, следует считать эпохальным. Из единого этнического массива впервые выделилась группа южнославянских наро-

дов – сербов, хорватов, болгар и словенцев. От собратьев, оставшихся на севере, их отличала важная философская составляющая мировоззрения – всем прочим спиртным напиткам они до сих пор предпочитают сухое виноградное вино.

То, что именно вино интересовало славян на юге, доказывает поход киевского князя Святослава, осуществленный четыреста лет спустя. На новом историческом витке он попытался повторить подвиг пращуров эпохи великого переселения народов – перенести свою столицу поближе к возделанным источникам веселья. «Не любо мне сидеть в Киеве, – сказал Святослав, – хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки, вина, плоды, из Чехии и из Венгрии – серебро и кони, из Руси же – меха, воск, мед и рабы».

Обратите внимание: князь первым выдвинул идею комбинированной, так сказать, имперской системы питания – русский мед он собирался мешать с греческим вином. Однако предательский удар печенегов в спину не дал осуществиться широкомасштабному геополитическому проекту. Византийцы сохранили контроль над виноградниками дунайского региона, а из черепа Святослава стал попивать кумыс печенежский хан Кюря.

Могли ли славяне сохранить первобытное единство? Скажем, заменить дефицитный пчелиный мед сахаром и, смешав его с яблочным соком, изобрести сидр? Утопия! Промышленное производство сахара начнется только после открытия Америки Колумбом. Да и добавлять их в выжимку лесных кисличек (других яблок славяне еще не знали) мало радости. Полученный кисляк даже отдаленно не мог приблизиться по вкусу к тягучему медовому настою!

Зато после оттока эмигрантов на юг в северных лесах наступило временное равновесие. Сокращение народонаселения помогло восстановиться русам. Меда снова стало хватать на всех. Гульба пошла пуще прежнего. «Русы пьют днем и ночью, – упоминает арабский путешественник Ибн Фадлан, – а иногда даже умирают с кубками в руках».

К тому же в процессе приготовления меда появилось важное технологическое усовершенствование. Предки не были идиотами. Внимательно наблюдая за мирозданием, они открыли удивительный физический закон: если смешанный с ягодным соком пчелиный мед подогреть на огне, процесс брожения пойдет быстрее. Ждать десять лет уже не надо! Варить мед можно быстро, как пиво, и тут же употреблять. Спасшийся от печенежского набега в Василеве князь Владимир на радостях пообещал поставить церковь Пре-

ображения и «сварил триста перевар меда». Как пишет «Повесть временных лет»: «Собрал он бояр своих, и посадников, и старейшин со всех городов, и людей многих, и раздал триста гривен убогим. И праздновал князь Владимир тут восемь дней, и вернулся в Киев на Успение святой Богородицы. И тут снова он праздник справлял, созвав неисчислимое множество народу».

Отзвуком этого золотого века навсегда осталось древнее слово «пир», произошедшее от еще более древнего «пити». Те же, кому меда не хватало, – «квасили» – переходили на квас. В отличие от современного, по рецептуре он напоминал пиво, значительно превосходя последнее по крепости. «Горе квас гонящим!» – укорял паству древнерусский проповедник. А напрасно!

То, что в таких условиях мы непременно превратимся в христиан, было predetermined Божьим промыслом. Расспрашивая мусульманских мулл об основах их вероучения, князь Владимир долго и с удовольствием слушал о рае, где каждого правоверного будут ублажать семьдесят прекрасных дев – «ибо сам любил многоблудие». Но как только дело дошло до запрета квасить, строго осек: «Руси есть весели пити, не можем без сего быти». И тут же принял христианство. Возможно, кому-то эта мысль покажется кощун-

ственной, но строгая логика гласит: гарантию спасения души наши пращуры (а значит, и мы!) получили лишь благодаря пьянству.

* * *

Ни один зигзаг истории, проложенный ее не совсем трезвой ногой по восточно-европейским равнинам, нельзя рассматривать без прямого воздействия алкогольной интоксикации. Эпоха феодальной раздробленности наступила из-за умопомрачительной анархии, воцарившейся в технологии производства крепких напитков. Каждый пил, что хотел, с кем хотел и сколько хотел. У черниговской ветви Рюриковичей – Ольговичей – вошло в привычку закладывать с половцами, отчего «исполнилась усобицами Русская земля». Галицко-волынские князья особенно налегали на совместные трапезы с венграми и ляхами. Новгородцы кутили с заезжими ганзейскими купцами из Германии. В результате все пораспивалось и поразваливалось. Пришла в запустение «светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская».

Летописи кишат полупонятными и совсем непонятными терминами, обозначающими различные суррогаты того периода. К медам ставленным и вареным добавилась какая-то «сикера». Что это такое – спо-

рят до сих пор. По происхождению слово древнееврейское. На иврите так назывался любой пьяный напиток, кроме виноградного вина. По-арамейски «шикра» – род пива. Некоторые, правда, утверждают, что «сикера» – это палестинская бражка из плодов финиковой пальмы. Но откуда в те времена «финиковка» на Руси – неясно. Тем не менее древнерусский переводчик Евангелия добросовестно указал: «Вина и сикеру не имать пити». Если не «имать», значит пили!

Существует версия, что сикеру завозили из Византии. Там, как и в древней Иудее она означала все спиртное, кроме вина. Использовался ли при ее производстве перегонный куб, пока не ясно.

Хлебали также и «ол» – штуку, появившуюся в середине XIII века. Правда, столетием раньше в документах зафиксирован какой-то «олуй», что, по мнению многих специалистов, одно и то же. Ол, как и пиво, варили из ячменя, но с добавлением трав и полыни. Поэтому иногда его еще называли зельем. Само слово чертовски напоминает прославленный в балладах английский эль, также приготовляемый из ячменя с травами – например, с цветами вереска.

В любом случае и ол, и сикера намекают на какой-то импорт. А на импорте далеко не проедешь – снесешь экономику до фундамента – то есть до винного подвала.

Поэтому простой народ все чаще стал расслабляться примитивной «березовицей» – то есть самопроизвольно забродившим соком березы, оставленным на долгое время в открытых бочках. Попивая сию гадость (в научных целях мне приходилось пробовать ее в одной из черниговских деревень), смерды укоризненно поглядывали на роскошество князей и с сожалением вспоминали погибшие времена Владимирового величия.

Кризис был так глубок, что даже усилия отдельных высокоэнергичных правителей не могли изменить картину общего разложения. Несколько бочек пойла одним махом перечеркнули результаты удачной для русских Куликовской битвы, на сто лет отдалив момент свержения монголо-татарского ига.

Ровно через два года после победы над Мамаем Золотая Орда нанесла ответный удар. Удар был так себе – одно название. Сил у ордынцев оставалось в обрез. Хан Тохтамыш больше рассчитывал на внезапность, и без обозов и осадных орудий с одной кавалерией 12 августа 1382 года появился под Москвой. Татар было так мало, что их не хватало даже на правильную блокаду. Дмитрий Донской с семьей и боярами сумел проскользнуть сквозь редкие заслоны и бросился по поместьям собирать дворянскую конницу. От москвичей требовалось немного – продер-

жаться несколько недель, пока ветераны Куликовско-го поля соберутся в кулак и одним ударом отбросят татарву в степи – вычесывать вшей.

Москва была окружена крепкой белокаменной стеной с пушками и полна съестных припасов. Минимум воинского духа и здравого смысла позволил бы обороняться в ней месяцами. Вместо этого оставшиеся без присмотра властей москвичи разбили боярские подвалы и перепились в стельку. Ставленные десятилетиями меды сначала резко подняли их боевой дух, а потом, когда наступил похмельный синдром – повергли их в полную немоть. Ровно через два дня «зайцы во хмелю» обнаружили, что пить больше нечего, и, протрезвев, открыли Тохтамышу ворота. Расчет на пощаду оказался наивным, как любая пьяная фантазия – вырубив 24 тысячи алкоголиков-дезертиров, хан с добычей ушел в Орду. Гневу Дмитрия Донского не было предела.

Трагедия мало чему научила московитов. В 1433 году внук Дмитрия Василий Темный попал в плен к своему дяде Юрию Звенигородскому почти под самой столицей – на Клязьме – лишь потому, что «от москвич не бысть никоея помощи, мнози бо от них пьяни бяху, а и собой мед везяху, чтоб пити еще». Одну из пограничных с татарами речек даже переименовали в Пьяну, после того, как там легло костями перепившееся рус-

ское войско. Старое же ее название забылось навеки.

Захлебывающийся на низкосортном суррогате мотор русской истории требовал нового горючего. И оно нашлось – в тот самый момент, когда самовольному бражничанью, казалось, не будет конца.

* * *

В 1386 году генуэзское посольство, следовавшее из крымской Кафы в Литву, привезло с собой «аквавиту», изобретенную примерно на полвека раньше алхимиками Прованса. Aqua vita по латыни – вода жизни. Отсюда исковерканное украинское слово «оковыта», означающее то же самое, что и горилка. Измаявшись в поисках философского камня, провансальцы приспособили изобретенный арабами перегонный куб для превращения виноградного сусла в спирт. Самим арабам пить эту жидкость не позволял Аллах. Они использовали ее для приготовления духов. В Европе же от «аквавиты» родились все современные крепкие напитки: и бренди, и коньяк, и виски, и немецкий шнапс, и русская водка. Изумление от встречи с неведомым продуктом было так велико, что ему присвоили почти божественное название – спирт (по латыни «spirit») в переводе – дух. Помолившись Троице, одной из ипостасей которой являлся Святой Дух,

христианин отправлялся в таверну и там причащался уже другим, вполне прозаичным «духом», разведенным водой. Ибо пить его неразбавленным почти так же опасно, как глотать кислоту.

Новый напиток содержал страшную энергию. Попав в человека, он действовал как атомная бомба. Ноги сами пускались в пляс, языки развязывались, кровь разгоняла даже жестокий полярный мороз. А в XV—XVII веках, нужно заметить, зимой было куда холоднее, чем сегодня. В украинских степях, по уверению Боплана, человек, случалось, промерзал до внутренних костей. Сам Боплан в одном из таких походов спасся только тем, что протирал лицо, руки и ноги спиртом, закутывая их теплой тканью. Но две тысячи его товарищей навсегда остались в поле у речки Мерла – притоке Ворсклы.

Подлинной причиной восстания Хмельницкого против владычества польской шляхты послужила отнюдь не мечта о гипотетической еще тогда Украине, а соперничество за только что открытые технологии приготовления водки, которую поляки называли «горзalkой». Именно в это время передовой авангард славянского мира отказался не только от примитивной березовицы, но и от популярного, хотя и слабоалкогольного меда в пользу огненной воды. Беда была в том, что польское правительство никак не со-

глашалось признать за запорожцами права на свободное винокурение, чего их свободолюбивые души вынести никак не могли. Борьба Речи Посполитой с Войском Запорожским и гетманом Богданом, чья фамилия Хмельницкий красноречиво свидетельствует в пользу его тайных пристрастий, длилась почти десять лет, совершенно ослабив обе стороны. Большинство винокуренных заводов было разрушено. Поля, засеянные идеально пригодной для перегонки пшеницей, вытоптаны. Источники воды, придававшие местным горячительным напиткам неповторимый привкус, заилены в ходе бесчисленных кавалерийских атак. В бассейне Днепра и Вислы наступила экономическая катастрофа.

В результате, как это часто случается в истории, выиграла третья сторона – самодержавная Московия, управляемая своими православными царями, и слово водка навсегда вошло в мировой лексикон в варварской московитской упаковке. Название же «горилка» было надолго забыто, оставив в украинском фольклоре только пронизанный щемящей тоской жанр кобзарских дум.

На первый взгляд все вышесказанное кажется бредом. Тем не менее это правда. Ни в одном (подчеркиваю – ни в одном!) документе эпохи Хмельницкого мы не находим требований независимости Украины. Миф

о «национально-освободительной войне» придумали уже советские историки XX века. Зато современник событий, автор казацкой «Летописи Самовидца» рассказывает совсем другое. Перечисляя причины восстания, на одно из важнейших мест он ставит то, что «невольно казакови в дому своем жадного напитуку на потребу свою дерисати, не тилко меду, горилки, пыва, але и браги». Такая несправедливость настолько болезненно явила сердце казацкому идеологу, что называет он ее не иначе, как «кривдой».

До XVIII века никому в Украине и в голову не приходило бражничать за деньги в корчме. Каждый сам готовил выпивку и употреблял ее, исходя из особенностей натуры, в одиночку или с приятелями. Домашние рецепты разнообразных «спотыкачей» составляли предмет гордости и престижа. Запрет на самогонварение не просто бил по кошельку запорожца. Он подрывал его веру в устойчивость мироздания и божественную справедливость. Украинцы – индивидуалисты по натуре. Но попытка принудить их пить там, где было угодно польскому правительству, и по той цене, по которой ему было угодно, сплотила их сильнее, чем национальный инстинкт и православие. Все вплоть до горизонта покрыли воспетые в народном эпосе полки в разноцветных шароварах, охочие до дармовой выпивки. В мае 1648 г. они пили на Желтых

Водах, в сентябре – под Пилявцами, а в октябре – уже под стенами старого Львова. Чтобы не уничтожить столицу Галиции, Хмельницкий взял с нее контрибуцию в один миллион злотых – наличными, товарами и спиртными напитками. По свидетельству «Хроники города Львова», воинство гетмана выхлебало всю имеющуюся в его погребах горелку, мальвазию, меды и какие-то загадочные «пертицименты», которые героически уничтожались баклагами. Разудалая гульба закончилась только через два года под Берестечком. Протрезвевшие польские солдаты захватили казачий табор со всем имевшимся там добром – в том числе и закуской. Бежавшие через болото запорожцы попросили покровительства у московского правительства. Одним из условий перехода под высокую царскую руку было сохранение за казачьим сословием привилегии на самогоноварение. Царь Алексей Михайлович по прозвищу Тишайший отличался слабым здоровьем и пил мало – на просьбу казаков он легко согласился.

В отличие от Польши, где производство «горзальки» находилось в руках у шляхты и арендаторов-евреев, российские государственники рано сообразили, каким державообразующим эффектом обладает огненная вода в глотке сильно пьющего народа. С первых же дней появления этого напитка в московских пределах монополия на его производство и продажу

была сосредоточена в цепких государственных руках. Раз пьют, решили наверху, так пусть пьют сообразуясь с высшими политическими интересами. И были правы. Государев кабак стал такой же характерной приметой российского имперского пейзажа, как двуглавый орел и бородатый поп, шатающийся между избами в надежде кого-нибудь окрестить.

Исходя из этого, можно представить, на какую чудовищную уступку запорожским казакам шла царская клика, допуская их самодеятельность в вопросах взаимоотношений со спиртным.

Тем более, что казаки стали подрывать монополию на водку с неслыханной до этого концентрацией сил. Уже в 1657 году московский посол Лопухин передал Хмельницкому жалобу русских воевод на то, что украинские шинкари везут горелку в царские земли десятками возов, чем вредят доходам добрейшего Алексея Михайловича. Отогнать же пришельцев воеводы не могут физически, так как шинкари «не хотят их слушать». Именно на жидкой водочной почве и разгорелся первый русско-украинский конфликт. Хмельницкий обещал, что больше не будет допускать такой контрабанды. Однако национальные привычки взяли верх. Тайком казачки все-таки приторговывали зеленым змием. К примеру, именно на ввозе дешевого спиртного из Украины сделал свои первые ка-

питалы прославившийся впоследствии под Полтавой Иван Мазепа. Чтобы избежать разоблачения, жадный гетман не строил дворцов, не заводил семьи и не трапился на любовниц, а всю полученную выручку возил с собой в деревянной бочке, с которой и укатил впоследствии за границу. Такая «бережливость» не пошла впрок. Спасенную от драгун Петра I бочку одолжил бежавший вместе с Мазепой Карл XII и, естественно, не стал отдавать. Мораль: все заработанное на таком сатанинском напитке, как водка, тут же следует спускать на армию, тайную полицию и архитектурные излишества. И ни в коем случае не откладывать про запас!

Украинская автономия пала, когда гетман Разумовский издал универсал, ограничивающий самогоноварение. «Малороссияне, – вещал он в 1761 году, – не только пренебрегают земледелием и скотоводством, от которых проистекает богатство народное, но еще, вдаваясь в непомерное винокурение, часто покупают хлеб по торгам дорогою ценою не для приобретения каких-либо себе выгод, а для одного пьянства, истребляя лесные свои угодья и нуждаясь от того в дровах, необходимых к отапливанию их хижин». Во избежание «проистекающих от сего беспорядков» право на винокурение оставлялось только за владельцами лесных угодий. Но много ли было таких в степной Укра-

ине? Народ понял, что ему некого и незачем защищать и с равнодушием вола отреагировал на то, как ровно через три года Екатерина II ликвидировала гетманство на корню вместе с его фантастическими проектами. Последствия пагубной политики Разумовского к тому времени стали ясны даже последнему сельскому подпаску – народ понял, что декларативно заботясь о лесах, гетман на самом деле собирался нажиться на продаже спиртного.

После этого события Российская империя простояла еще полтора века. Выпивая и опохмеляясь, она завоевала Крым, разделила Польшу и выморозила Наполеона. Она простояла бы еще тысячу лет, если бы в 1914 году Николай II не ввел сухой закон. Обладая весьма ограниченными умственными способностями, император вводил его тоже весьма ограниченно – на период войны. Но даже он не мог предположить, что такое разумное ограничение обернется октябрьской революцией.

Неправда, что Зимний взяли толпы пьяных матросов. Пьяные не делают переворотов. Они поют песни, играют на гармошке и отсыпаются. Матросы, лезшие на штыки юнкеров, были трезвы целых три года и оттого ненавидели опостылевший реакционный режим, так, как его может ненавидеть только трезвый матрос.

Сталин, как никто другой умевший учитывать ошиб-

ки прошлого, не стал подражать Николаю II. Его не убедили речи гуманистов, твердивших, что спирт – незаменимое дезинфицирующее средство для ран. Он знал, что наркомовские сто грамм спасут Россию надежнее любой дезинфекции и не пошел на сухой закон, даже когда передовые немецкие части рассматривали Москву в обычный бинокль. Зато безобидные на первый взгляд эксперименты Михаила Горбачева по борьбе с вековечным пьянством оказались опаснее для СССР, чем дивизии Гудериана. Все последующее слишком понятно каждому, чтобы останавливаться на нем подробнее. Оно недопито, как поднятая рюмка.

Советское наступление в Афганистане захлебнулось потому, что водки было слишком мало. Российское – пробуксовывает в Чечне, потому, что ее более чем достаточно. Нужны же именно сто грамм. Причем в нужном месте и в нужное время. Как сказал мой знакомый спецназовец: «Поставь нашему солдату стакан водки на реке Конго, он пол-Африки с боями прошагает, но умирать сейчас, когда столько бухла и закуски...»

Эта фраза объясняет все. Любой, кто возжаждал постичь тайну славянской души, обязан зарубить себе на носу: действительно трезвый ученый не имеет права рассматривать нашу историю вне связи с воз-

действием алкоголя. В жилах немцев, французов или англичан, возможно, и течет чистая кровь. Но в наших струится коктейль из водки с кровью. И непонятно, какого из двух ингредиентов в нем больше – водки или крови. Ибо история водки с кровью и есть, собственно говоря, история Святой Руси.

Концлагерь для «неправильных» галичан

90 лет назад австрийские власти уничтожили большую часть западных украинцев-русофилов.

Первые ассоциации, возникающие сейчас при слове «Галичина», – это дивизия СС, Степан Бандера и анекдот про вуйка и смереку. Но ведь так было не всегда! Галичина – это еще и порвавший папскую буллу князь Роман, Львовское братство, для которого издавал букварь первопечатник Иван Федоров, и полемист Иван Вышенский – Ярослав Галан XVII в., громивший в своих эпистолах пороки Римской курии.

Мало кто помнит, что изначально Львов не только не был вотчиной греко-католицизма, но, наоборот, выступал последним рубежом обороны Восточной церкви. «После Брестского собора 1596 года, – писал Иван Франко, – только две южнорусские епархии, Львовская и Перемышльская, остались в православии. Только со времени реорганизации православной митрополии в Киеве православие начало подниматься и в других епархиях, начало отнимать у унии захваченные ею церкви... Но римская иерархия зорко следила за каждым шагом, который делало православие, стараясь парализовать успехи его. С разных

сторон, систематически и неусыпно, велись подкопы под православие; воспитание юношества, фанатизирующие толпу иезуитские проповеди, печатные и рукописные памфлеты и пасквили и в конце концов протекция могущественных панов, распоряжения правительства, все пускалось в дело, все должно было служить одной цели».

Когда в 1891 г. Великий Каменяр на чистейшем русском языке писал эти строки в статье «Иосиф Шумлянский – последний православный епископ Львовский», в этой циничной политике все оставалось по-старому. Разве что владычество Польши сменила австрийская оккупация. Но методы сохранились. Более того! Приобрели изощренность и современный техницизм. Описывая для журнала «Киевская старина» перипетии национально-религиозной борьбы XVII в., Иван Яковлевич даже не подозревал, что еще при жизни станет свидетелем самого жестокого акта этой драмы, – систематического уничтожения австрийцами в 1914—1917 гг. «москвофилов» – тех галичан, которые проявляли симпатии к России.

Названия концентрационных лагерей Талергоф и Терезин, где была проведена эта акция, должны были бы стать для украинского массового сознания такими же знаковыми, как Майданек – для евреев. Но в современной Украине вы не встретите их нигде. Ни

в энциклопедиях, ни в учебниках. Они не вписываются в распропагандированный нашей беспринципной властью миф о «цивилизованной Европе». «Разве Запад может быть другим?» – считает она. А вот поди ж ты, еще как может!

Накануне Первой мировой войны Австрия, с конца XVIII в. «просвещавшая» земли нынешней Западной Украины, довела тут принцип «разделяй и властвуй» до совершенства. Поляков науськивали на украинцев. Украинцев – на поляков. Венгров – на тех и других. Кроме того, считалось весьма разумным, с точки зрения высших государственных интересов империи Габсбургов, еще и разжигать рознь между различными течениями внутри украинства. Одной рукой выдавались государственные субсидии на развитие научного общества им. Шевченко во главе с профессором Грушевским – за то, что труды его носили яркую антирусскую направленность. Другой ставился на полицейский учет всякий, кто проявлял хоть малейшие пророссийские симпатии.

Задолго до Первой мировой войны австрийская жандармерия вела подробные списки «неблагонадежных в политическом отношении». Делалось это в стиле того неподражаемого бюрократического идиотизма, который блестяще описан в «Бравом солдате Швейке». В специальные таблицы наряду с име-

нами подозреваемых, их семейным положением и родом занятий в графу 8 заносились «более подробные сведения о неблагонадежности или подозрительности». Такими «преступлениями» были: «ездит в Россию», «агитатор кандидатуры Маркова (лидера московфильской партии. – О. Б.) в парламент» или просто «русофил».

В следующей графе рекомендовалось, как поступить с данным лицом, если Австрия начнет даже не войну, а просто мобилизацию. Например: «Пристально следить, в случае чего – арестовать». Или: «Выслать в глубь страны». Легко заметить, что карать намеревались даже не за поступки, а за взгляды и симпатии – вещи, трудно поддающиеся однозначному толкованию.

Арест считался самым надежным средством. Стоило 1 августа 1914 г. разразиться Мировой войне, как в одном Львове сразу было заключено под стражу около 2000 украинцев-москвофилов. Арестантов оказалось так много, что ими битком набили сразу три тюрьмы! Городскую. Местного уголовного суда. И так называемый «полицейский арестный дом». Озабоченный «перенаселением» президиум императорско-королевской дирекции полиции во Львове даже ходатайствовал перед наместником Галиции поскорее вывезти «опасный элемент» внутрь страны «вви-

ду недостатка места» и «возмущения тех заключенных, которые уже теперь высказывают громкие угрозы, что они, мол, посчитаются».

Согласно ближайшей к описываемым событиям переписи 1900 г. во Львове насчитывалось 84 тыс. поляков, 45 тыс. евреев и только около 34 тыс. украинцев. Последние были самой малочисленной этнической общиной города, если не считать немцев. А теперь представьте шок, когда одним махом арестовывают шесть процентов украинцев города! Какими бы ужасами ни запугивали себя гении австрийской контрразведки, но не могла такая уйма народу оказаться русскими шпионами! Во-первых, в петербургском генеральном штабе просто не хватило бы денег для их подкупа. Во-вторых, столько секретных агентов и не нужно! Достаточно было завербовать несколько железнодорожников на станции, чтобы отслеживать маршруты движения воинских эшелонов, и двух-трех офицеров львовского гарнизона – желательного с безупречной немецкой родословной.

Тогда что это было? Геноцид?

Да! Геноцид! Другого определения не подберешь. И это доказывает еще одна перепись, уже польская, 1931 года. Согласно ее данным, с начала века количество поляков во Львове выросло более чем вдвое – до 198 тыс. Евреев – на 66% (45 тыс.). И только укра-

инцев после всех «демографических» взрывов осталось почти столько же, сколько было в 1900 г., – 35 тыс. 173 чел. Последствия австрийской зачистки налицо!

Сегодня один из западноукраинских писателей, Юрий Андрухович, проживающий в Берлине, любит порассуждать о доброй «бабці Австрії», якобы обожавшей своих украинских «внучат». Ну и бабуся! Просто кровавая маньячка какая-то!

А как она действовала, рассказывают скупые архивные свидетельства. Комендант города Львова в 1915 г. генерал-майор Римль в рапорте главнокомандующему указал: «Проявляющиеся часто взгляды на партии и лица («умеренный русофил») принадлежат к области сказок; мое мнение подсказывает мне, что все «русифилы» являются радикальными и что следует их беспощадно уничтожать».

Проблема заключалась только в том, что русофила очень трудно было отличить от самого обычного аполитичного украинца. Особенно рядовому австрийскому военному служащему.

Армия Австрии состояла из немецких, венгерских, чешских, польских, хорватских частей. Ее солдаты плохо понимали друг друга и окружающее население. Наверное, Франц Кафка с его «Процессом» и «Замком» мог родиться только в такой стране. Но в 1914 г.

кафкианской была не литература, а сама жизнь.

В местечке Новые Стрелиски солдаты закололи Григория Вовка, стоявшего в своем саду и смотревшего на проходившие австрийские войска. Труп убитого палачи внесли в хату, которую тут же сожгли. В селе Бортники жандармы арестовали и увели четырех десятилетних мальчиков за то, что они смотрели на проезжавший поезд, – наверное, любопытные мальцы тоже показались «русскими шпионами».

Священник Григорий Качала вспоминал, как его допрашивали во львовской тюрьме: следователь «бросался на меня с кулаками, угрожая смертью и стараясь страхом заставить меня признаться, что я занимался пропагандой православия; но, получив от меня в десятый раз ответ, что я никакой пропагандой вообще не занимался, а только однажды прочел в церкви послание митрополита Шептицкого о православии без всяких комментариев, – он распорядился отвести меня обратно в камеру».

Еще одного подозреваемого, 74-летнего старика Михаила Зверка, взяли под стражу по доносу односельчанина за то, что он читал газету «Русское слово». «Из Львова в Талергоф, – рассказывал он, – ехали мы с понедельника до пятницы. В вагонах, рассчитанных на шесть лошадей или же сорок человек, находилось по 80 и более людей. Невозможная жара и

страшно спертый воздух в вагонах без окон, казалось, убьет нас, пока доедем к месту назначения, в Талергофский ад.

Физические мучения, которым нас подвергали австрийские власти в начале нашего ареста, были злонамеренны. Чтобы усилить их, нам никоим образом не разрешалось слазить с вагона, дверь была наглухо заперта, даже естественные надобности приходилось удовлетворять в вагоне».

Конечным пунктом следования для большинства заключенных был концентрационный лагерь в австрийском городке Талергоф. Перед войной эта местность, окруженная со всех сторон Альпами, была никому не известна. Но с осени 1914-го она приобрела мрачную славу. Первый эшелон с арестантами прибыл сюда 4 сентября. Их размещали в бараках, где не было ничего, кроме нар. Места не хватало. Сразу после прибытия гнали в баню. Во дворе приказывали раздеться, одежду отдавали на дезинфекцию. После купания ее выдачи ждали на морозе часами.

Впрочем, от дезинфекции не было никакой пользы. Она казалась изощренным издевательством. Солтому на нарах меняли очень редко – вся она кишела насекомыми. Конвоиры состояли в основном из уроженцев Боснии. Назначая на работы, лагерная администрация заставляла руками собирать лошадиный на-

воз. Этой повинности не мог избежать ни крестьянин, ни интеллигент, ни священник. Курить и читать строго запрещалось.

В декабре среди заключенных вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Ее причиной было то, что в один из самых холодных дней охрана решила вымыть в бане пятьсот человек. Половина их сразу же простудилась. Но несмотря на болезнь, народ продолжали гнать на работы. К вечеру все возвращались мокрые и усталые, а под утро многие не могли встать. Каждый день уносил тридцать-сорок жертв. Эпидемия свирепствовала до марта 1915 г. К этому времени из 7 тыс. заключенных умерло 1350 чел.

Талергофский рацион состоял из пятой части армейской хлебной порции на весь день. Утром получали отвар из фасоли, в полдень – такую же похлебку из свеклы. Иногда – соленую репу и кусок селедки. Посуду не выдавали. Каждый обходился как мог. Делал углубление в куске хлеба и наливал туда жидкость или, отбив у бутылки горлышко, использовал ее вместо котелка. Большинство оставалось вообще без обеда. Узники теряли физические силы, болели цингой. Многие, спасаясь от голодной смерти, попрошайничали – во время раздачи обеда перед бараками интеллигенции собирались крестьяне с просьбой уступить порцию, так как семьи более обеспеченных аре-

стантов высылали своим родственникам посылки. Но по дороге из Галичины в Талергоф съестные припасы от долгой транспортировки часто портились, а то и вовсе пропадали. Тот, кто мог работать, имел какой-то шанс выжить. Но заболевшие были обречены на верную смерть.

Кроме общей тюрьмы, существовали еще и одиночные камеры. Галичанин, имевший несчастье назвать себя русским или сказать, что русский – его родной язык, попадал именно сюда. Боснийцы-конвоиры первым делом избивали его. А одному доктору постовой просто проколол штыком ногу в двух местах. В одиночке заключенному было запрещено даже смотреть через окошко – охранники тут же начинали колотить его штыком в лицо. Еды тут давали так мало, что выжить можно было только чудом.

Развлекаясь, лагерная администрация придумала еще одно истязание – подвешивание. Во дворе установили столбы. К ним на веревках, пропущенных под руками, цепляли жертв. Каждый висел приблизительно по два часа. «И так сорок восемь человек поочередно висели на этих столбах свыше двух суток», – вспоминал инженер Чиж. Эту пытку прекратили только после многочисленных просьб родственников арестантов.

Железнодорожный служащий из Станислава (ны-

нешний Ивано-Франковск) Илья Гошовский попал в концентрационный лагерь вместе с женой и двумя дочерьми. Он вспоминал свои первые дни тут: «Солдаты всячески изводили женщин. Они умышленно сопровождали их в отхожие места и, окружив со всех сторон, позволяли себе не поддающиеся печатанию выходки, доводившие женщин до слез и истерики. Некому было пожаловаться, ибо начальник стражи, капитан-немец, был хуже своих подчиненных. В тот же день солдаты закололи троих крестьян, не знавших немецкого языка, за неисполнение приказаний, и тут же их зарыли в общую яму».

И все это происходило с людьми, которым даже не предъявили обвинение! Их только подозревали неизвестно в чем.

Страшная все-таки вещь – потеря исторической памяти! Если вы спросите нынешнего галичанина о сталинских репрессиях, он радостно закивает головой, но ничего не вспомнит о Талергофе. Так, словно его и не было. Между тем, листая списки жертв австрийского террора 1914—1917 гг., я встречал имена земляков и как минимум однофамильцев некоторых известных ныне выходцев из Галичины.

Читает на «5-м канале» новости телеведущий Евгений Глебовицкий, приехавший в Киев из Львова. А в Талергофе было полно Глебовицких. И Григорий –

судья. И Николай – депутат австрийского парламента. И Павел – священник.

Редактирует интернет-издание «Украинская правда» Алена Пригула. А в списке «политически неблагонадежных», составленном австрийской жандармерией Жолквы, значится Кирилл Притула – отец четырех детей, «радикальный русофил и агитатор», ездивший в Россию. И еще один Притула – почтальон, повешенный австрийцами в селе Залучье Снятынского уезда.

Замечательные книжки пишет львовский писатель Юрий Винничук. И среди репрессированных в 1914 г. находим имя издателя и прапорщика запаса Винничука, обвиненного в «государственной измене по отношению к Австро-Венгрии и русофильстве». Сначала он был заключен во Львове, а потом два года кочевал по тюрьмам Мукачева, Колошвара и Будапешта, пока в мае 1916 г. его не освободили после прекращения следствия. Между прочим, поводом для ареста послужил донос некоего «Комитета украинских офицеров» во главе с паном Мыгайлюком – преподавателем гимназии в Черновцах.

А Зваричей сколько! И гимназист Евстафий из Сулимова, сидевший в Талергофе. И Кирилл – попавший туда же по абсурдному обвинению в «стремлении отравить воду для расквартированных в Журавне мадьярских частей». И крестьянин Матвей из Дубрав-

ки, предположивший, что «русские войска могут дойти и до Жидачевского уезда». После доноса односельчанина аналитик сразу очутился в тюрьме за точный прогноз.

Милая Австрия с вальсами и опереттами, как же ты любила своих украинских подданных! Интересно, родственники и однофамильцы жертв помнят об этой «любви»? А если помнят, почему молчат?

Рэкетеры из Центральной рады

Начнем с финала. Вас никогда не удивляло, читатель, отчего это среди деятелей украинской истории профессора Грушевского отличает подозрительно одинокий вид? Если он действительно такое выдающееся политическое светило, то должны же у него быть какие-то спутники, товарищи по борьбе, ближайшие соратники наконец? Ленин, например, явно не одинок. У него и «замечательный грузин» Сталин, и «иудушка» Троцкий, и страшная снаружи, но преданная внутри супруга Надежда Константиновна, а Грушевский – как перст. Даже на киевском памятнике сидит, как уволенный со службы пенсионер, вышедший прохладиться в парк.

Новейшие украинские историки наштамповали за последние десять лет множество мифов. Но единственный, к созданию которого они не посмели приступить, – миф о соратниках Грушевского. Ибо если признать тех людей, которыми он в 1918 г. руководил как председатель Центральной рады, его ближайшими соратниками, то получится, что бородач Грушевский – предводитель шайки рэкетиров, организовавших одно из самых дерзких в украинской истории преступлений – похищение с целью выкупа киевского

банкира Абрама Доброго.

Тут следует сделать маленькое отступление. Общеизвестно, что в 1918 году Центральную раду в Киев притащили немцы, выбив из города красные банды бывшего царского подполковника Муравьева. Менее известно, что немцы эти, в отличие от их наследников в 1941 г., были людьми весьма приличными. Если красногвардейцы Муравьева расстреливали всех, кто имел мало-мальски интеллигентный вид и, несмотря на это, рискнул появиться на улице, то германская армия не только никого в городе не расстреливала ради развлечения, но и всеми силами старалась поддерживать нормальный дореволюционный порядок.

«Свою административную деятельность, – вспоминал киевский мемуарист А. А. Гольденвейзер, – немцы начали с того, что нарядили сорок баб, которым было велено горячей водой и мылом вымыть киевский вокзал. Об этом анекдоте много говорили, но тем не менее это чистая правда. Правда и то, что на моей памяти ни до, ни после этого случая никто не подумал вымыть наш вокзал».

Немцы отпечатали прекрасный план города. Прибили на всех перекрестках таблички с немецкими названиями. Опутали весь Киев телеграфными и телефонными проводами для надобностей своего штаба. И даже открыли два книжных магазина, где, кроме

книжных новинок по всем отраслям знаний, можно было получать свежие берлинские газеты.

В городе, где при муравьевцах ничего не работало, а обычным зрелищем была картина застреленного прямо на улице офицера, вновь открылись магазины, театры, кафешантаны, несколько газет и даже конские бега.

Естественно, что, изгнав из Киева красный бандитский режим и преподнеся как на блюдечке Украину профессору Грушевскому со товарищи, германская власть полагала, что их марионетки будут вести себя прилично, ни в коем случае не опускаясь до различных большевистских штучек. Логика немцев была проста: мы уничтожили ваших врагов, вы нас слушаетесь и снабжаете Германию хлебом, столь необходимым для продолжения войны на западном фронте.

И вдруг всю эту украинско-немецкую идиллию нарушает внезапное похищение в ночь с 24 на 25 апреля директора Киевского банка внешней торговли, члена финансовой комиссии Центральной рады Абрама Доброго. Банкира похитили из его квартиры. Около двух часов подъехал автомобиль. Вышли пятеро – двое в офицерской форме, трое – при галстуках, позвонили швейцару, сказав, что Абраму Доброму срочная телеграмма. Когда ничего не подозревавший дед открыл дверь, его затолкали в швейцарскую и запер-

ли. Наверх пошли трое – двое военных и один штатский с револьверами в руках. Подняв перепуганного финансиста с постели, они предложили ему одеться и не оказывать сопротивления, так как в противном случае прибегнут к оружию – Доброму, дескать, нечего опасаться, речь идет лишь об аресте. Однако супруга банкира, не потеряв присутствия духа, потребовала предъявить ордер. Руководитель акции показал какую-то бумажку без подписи и печати, после чего троица радостно уволокла свою добычу по лестнице, впопыхах забыв на столе портфель со служебными документами.

Через некоторое время похитители вернулись за портфелем. Но г-жа Добрая, по-видимому, была любопытной женщиной и успела ознакомиться с его содержимым. Так что немцы на следующее утро примерно знали, среди кого искать незваных ночных гостей.

Как выяснилось впоследствии, налетом руководил некто Осипов – чиновник особых поручений украинского Министерства внутренних дел, личный секретарь начальника политического департамента Гаевского. Банкира увезли в автомобиле на вокзал и доставили к вагону, стоявшему на запасных путях под охраной сечевых стрелцов. Потом вагон прицепили к обычному пассажирскому поезду и увезли в Харьков.

Осипов, не скрывая, кто он, предложил решить проблему всего за 100 тысяч: «Есть одно лицо, которое за деньги может ликвидировать всю эту историю. Но придется после уплаты немедленно покинуть пределы Украины».

Дальше события развивались еще интереснее. В Харькове директор местной тюрьмы отказался принимать Доброго «на хранение» без ордера на арест и соответствующих сопроводительных документов Министерства внутренних дел. Банкира отвезли в гостиницу «Гранд отель» и заперли в номере. Там он подписал чек на 100 тысяч. Один из конвоиров на радостях отправился в Киев, а остальные спустились в гостиничный ресторан, сняли троих проституток и принялись так буйно праздновать успех, что были замечены местными полицейскими осведомителями. Теперь немцы не только знали, кто мог похитить Доброго, но и где он находится.

Практически сразу у германского командования возникло подозрение, что Осипов – только исполнитель, а корни преступления уходят наверх – к министру внутренних дел Ткаченко, его приятелю военному министру Жуковскому и премьер-министру марионеточного украинского правительства Голубовичу. Тем более что тот почти проговорился публично ровно через два дня после похищения, выступая на засе-

дании Центральной рады; «Що таке є власне пан Добрий? Він, може, є підданиць Німецької держави? Ні, він ні сват, ні кум, він зовсім постороння людина. І от із-за того, що було похищено цю посторонню людину, яка юридично нічим не зв'язана з Німеччиною, яка не дає ніяких поводів до того, щоби зробити такої колосальної ваги приказ, приказ був виданий».

Приказ, о котором говорил Голубович, был развешан по Киеву 26 апреля за подписью немецкого генерал-фельдмаршала Эйхгорна. Согласно ему, все уголовные преступления на территории Украины выборочно могли подлежать германскому военно-полевому суду при сохранении параллельной работы украинской правовой системы. Немцы умели работать крайне оперативно – они давали понять, что все «интересные» для них дела будут рассматривать лично. Премьер-министр Голубович понял намек, заявив, что приказ о военно-полевых судах появился из-за похищения Доброго. Слушать его полууговорки (дескать, наш банкир, что хотим, то с ним и делаем) было просто смешно. Впрочем, немцы и не собирались слушать – директор банка играл настолько важную роль в финансовых отношениях между Украиной и Германией, что был скорее «их» человеком. И воровать его кому попало, даже членам украинского правительства, фельдмаршал Эйхгорн не позволил бы ни за что!

28 апреля 1918 г. в зал киевского Педагогического музея, где заседала Центральная рада, вошел красивый, как Бог, немецкий лейтенант (все офицеры кайзеровской армии были писанные красавцы) и на чистом русском языке, слегка запинаясь, скомандовал: «Именем германского правительства приказываю вам всем поднять руки вверх!»

Неожиданно выяснилось, что депутаты «першого українського парламенту» прекрасно понимают порусски. Особенно когда команды на этом языке отдает немецкий офицер. В полном составе рада послушно подняла руки. Получилось что-то вроде финальной сцены из гоголевского «Ревизора» – все молчали. Депутат от «Бунда» Моисей Рафес так и застыл на трибуне, где только что произносил речь о вреде германского империализма, мешающего рабочему классу праздновать 1 мая. А украинский социал-демократ Порш с перепугу даже встал, держа в левой руке шляпу и кипу газет, которые он минуту назад читал, а в правой – на уровне глаз – раскуренную папиросу. Папироса дымила, как пушка. Это было все, что могла в данный момент противопоставить прогрессивная рада реакционной кайзеровской военщине.

Кто о чем думал в это томительное историческое мгновение, осталось неизвестным. Может быть, вообще никто ни о чем не думал. Всем было очень страш-

но. Даже лейтенанту, больше всего на свете боявшемуся не выполнить приказание командования.

И только председательствующий Михаил Грушевский – похожий на Черномора бородач в профессорских очках – повел себя не так, как все. Он единственный не только не поднял руки, но даже демонстративно положил их перед собой на стол. Возможно, лейтенант напомнил Грушевскому кого-то из его вчерашних львовских студентов, которых вредный профессор привык нещадно шпынять. Возможно, «лукавый дедок», как назовет его в своих стихах украинский поэт Александр Олесь, не успел испугаться. Возможно, была еще какая-нибудь важная причина, например уязвленное национальное чувство. Но только известный политический деятель с внешностью извозчика-ломовика неожиданно набрался духу и произнес свою последнюю в тот день историческую фразу: «Я тут голова зборів і закликаю вас до порядку». «Паршивому лейтенантику» (так обзовет его в своих мемуарах присутствовавший в зале писатель-депутат Винниченко) такая наглость не понравилась. С бледным лицом, но тоном, не терпящим возражений, он отрезал: «Теперь я распоряжаюсь, а не вы. Поднимите, пожалуйста, руки вверх!»

Тут-то и выяснилось, кто дирижер оркестра. Грушевский, правда, так и не убрал ладони со стола. Но

на него уже никто не обращал внимания. Тем более что воспитательный процесс в Педагогическом музее только начинался. Зал заседания постепенно заполняли солдаты. Слышались крики «Хальт!» и грохот прикладов. По паркету глухо стучали кованые сапоги. Вошли еще двое офицеров – один из них, видимо, старший в чине от того, который говорил по-русски. Шум стих. В воцарившейся тишине снова раздался голос немецкого лейтенанта: «Вы все скоро разойдетесь по домам. Нам нужно только арестовать господ Ткаченко (министр внутренних дел), Любинского (министр иностранных дел), Жуковского (военный министр), Гаевского (директор департамента Министерства внутренних дел) и Ковалевского (министр земельных дел). Покажите мне их, пожалуйста». Последняя фраза была адресована председательствующему. «Я их не вижу», – ответил Грушевский. Действительно, в зале были только Любинский и Гаевский. Их тут же вывели.

Остальные остались сидеть с поднятыми руками. Старший в чине офицер что-то сказал по-немецки младшему. Тот перевел: «У кого есть револьверы, отдайте сейчас, потому что кто не отдаст, будет строго наказан. После у всех будет ревизия». «Я протестую против ревизии парламента!» – взмолился Грушевский. «Будьте спокойны, пожалуйста!» – осадил

его лейтенант.

Происходящее чертовски напоминало сцену из американского боевика, когда полиция накрывает банду чикагских гангстеров. Двое или трое из депутатов встали с мест и положили свои «шпалеры» на стол возле лейтенанта. Только после этого депутатскому «хору» разрешили опустить руки. По одному, как нашкодивших котов, немцы стали выпускать членов Центральной рады в соседнюю секретарскую комнату, предварительно требуя назвать имя и домашний адрес. А потом, обыскав, переписав и пересчитав всех, выпустили на улицу – «вольно», как утверждал корреспондент киевской газеты «Народная воля», чей номер выйдет через два дня после описываемых событий, 30 апреля.

Было примерно пять вечера. Вся процедура заняла полтора часа. На Владимирской улице собралась толпа народа. Но за членов рады никто и не подумал вступаться. Да и вообще мало кто что-либо понимал. Даже Грушевский в расстроенных чувствах отправился домой.

Министра иностранных дел Любинского и начальника админдепартамента МВД Гаевского в закрытых автомобилях отправили в сторону Лукьяновской тюрьмы. Вслед за арестованными умчался визжащий немецкий броневик. Потом немцы сняли расстав-

ленные на всякий случай пулеметы, а вместо них к зданию Центральной рады подъехала полевая кухня – кормить проголодавшихся солдат. Мирный дымок поднялся над Владимирской улицей, и никто бы даже не подумал, что совсем недавно тут, где теперь так аппетитно пахнет гуляшом, гремел такой роскошный международный скандал!

А на следующий день, 29 апреля, в Киеве произошла смена власти. Верховным правителем Украины отныне стал гетман Павел Скоропадский. Центральная рада, естественно, считала это военным переворотом, а гетман – легитимным актом, ведь избрали его гласным голосованием всеукраинского съезда хлеборобов – в центре Киева на Николаевской улице. Правда, в здании цирка.

Гетман не скрывал, что все происходящее смахивает на цирковое представление. Свой «переворот» в мемуарах он описывает с простодушной откровенностью: «Наступила ночь. За мною не было еще ни одного учреждения существенной важности. Между тем немцы как-то начали смотреть на дело мрачно. Они считали, что если я не буду в состоянии лично занять казенное здание (министерство какое-нибудь), если государственный банк не будет взят моими приверженцами, мое дело будет проиграно. Я приказал собрать все, что осталось у меня, и захватить

во что бы то ни стало участок на Липках, где помещалось Военное министерство, Министерство внутренних дел и Государственный банк. Приблизительно часа в два ночи это было сделано. Но для прочного занятия его было мало сил. Генерал Греков, товарищ военного министра, исчез. Начальник генерального штаба, полковник Сливинский, заявил, что переходит на мою сторону. Дивизион, охранявший Раду, был также за меня».

Из сказанного можно судить, каким на самом деле авторитетом пользовались Грушевский, Голубович и режим, гордо именовавший себя Центральной радой. Смена власти прошла абсолютно бескровно, если не считать того, что один сечевой стрелец в состоянии нервного срыва попытался проткнуть штыком Грушевского, но только оцарапал его жену. Председателю Центральной рады было так стыдно осознавать это, что в своих воспоминаниях он назвал украинского солдата, еще вчера охранявшего его, «якимсь москалем». Хотя всех «москалей» со штыками немцы выгнали из Киева двумя месяцами ранее, когда привезли Грушевского править Украиной.

В конце июля состоялся суд над похитителями банкира. Процесс был открытым. Среди газет, выходивших в Киеве в то время, самой известной считалась «Киевская мысль», каждый день, несмотря

на революцию, печатавшая два выпуска – утренний и вечерний. Ее корреспондент тоже находился в зале Окружного суда, где заседал немецкий трибунал. «Ровно в 9 часов утра открываются маленькие дверцы «скамьи подсудимых», – писала «Киевская мысль», – и через нее пропускаются подсудимые. Первым появляется военный министр Жуковский в военной форме. Маленький, с малоинтеллигентным лицом, он отнюдь не производит впечатление министра. Он скромно усаживается на последней скамье и нервно покручивает усы. За ним – вылощенный, с бросающимся в глаза кольцом, с большим зеленым камнем на руке, главный руководитель похищения – бывший директор административно-политического департамента Министерства внутренних дел Гаевский. Лицо утомленное, изможденное. А рядом с ним – чиновник особых поручений – фактический исполнитель похищения – Осипов. Он в военной форме, без погон. Говорит спокойным тоном, часто переходя с русского языка на немецкий. Последним в этом ряду усаживается бывший начальник милиции – Богацкий, безразличным взглядом окидывающий зал суда. На лице его все время играет улыбка. В первом ряду скамьи подсудимых в одиночестве усаживается киевский Лекко – только недавно отстраненный от должности начальника уголовно-розыскного отделения Кра-

СОВСКИЙ»...

Через несколько минут входит германский военно-полевой суд во главе с председателем подполковником фон Кюстером и прокурором ротмистром Трейде. Едва изложив суть слушаний переполненному залу, Трейде сообщает, что «только что получены сведения об аресте бывшего премьер-министра Голубовича в связи с этим же делом».

А дальше начинается трехдневная комедия. «Вошедшие в спальню обращались с вами хорошо?» – спрашивает прокурор Доброго. «Нет. Они угрожали мне и моей жене револьверами». «Револьверы не были заряжены!» – кричит с места подсудимый Осипов. В зале раздается смех.

Постепенно выясняется, кто был заказчиком похищения. Начальник департамента МВД Гаевский не хочет быть стрелочником и показывает, что в разработке похищения банкира, кроме министра внутренних дел Ткаченко, участвовал и премьер-министр Голубович. Ротмистр Трейде явно издевается над подсудимыми. Его реплики то и дело вызывают смех в зале: «Когда с вами разговаривает прокурор, вы должны стоять ровно и не держать руки в карманах», «У воробьев лучшая память, чем у некоторых бывших министров Украины!»

«Что, вы действительно так глупы? Или представ-

ляетесь таким глупым?» – спрашивает он Голубовича. У бывшего премьер-министра начинается истерика. После этого он признает свою вину: «Прошу судить меня, а не по мне – правительство и социалистов!» – восклицает он и обещает «больше никогда этого не делать». «Не думаю, – парирует фон Трейде, – что вам вновь когда-нибудь придется стоять во главе государства!»

Осипов заявляет, что экс-министр Ткаченко «мерзавец и подлец». Бывший начальник сыскного отделения Красовский рыдает, обращаясь к Голубовичу: «Своей подлостью вы привели нас сюда. Чутье мне подсказывало, что это за лица»... «Я был против этой авантюры, – свидетельствует бывший начальник милиции Богацкий, – но был обязан исполнять приказы Ткаченко». Чтобы пересказать происходившее, не хватит никакой статьи. Полный отчет о процессе занимает три газетных полосы форматом больше, чем у «2000». Но факт остается фактом – все подсудимые сознались в том, что организовывали похищение Доброго или знали о нем. Наконец прокурор фон Трейде перестал подшучивать над подсудимыми и даже нашел возможным обойтись отеческим шлепком. «Общество, – говорит он, – надеюсь, не истолкует превратно то, что в связи с вырисовавшейся картиной я теперь нахожу возможным говорить о смягчении на-

казания. Германцам важно не только наказать за преступление, но и показать всему миру, что так называемое вмешательство во внутренние дела Украины было вызвано действительной необходимостью». К исходу третьего дня трибунал огласил приговор. Его и впрямь трудно назвать жестоким. Голубович и Жуковский получили по два года, остальные – по году.

Имя Грушевского ни разу не было названо во время процесса. Скорее всего, он не знал, что вытворяют его молодые подчиненные, ни одному из которых не было больше сорока. Но все случившееся в Киеве весной 1918 г. показывает, почему «батько нации» остался без политических «сыновей», и ни Жуковский, ни скрывшийся от немецкой полиции Ткаченко (кстати, бывший адвокат по профессии), ни подававший большие надежды Голубович так и не вошли в наш национальный пантеон. Надеюсь, и не войдут. Ибо не место там правительству мелких рэкетиров. Не то чтобы другие правительства – германское или английское – были в ту эпоху намного моральнее. Но по крайней мере грабили с размахом, деля колонии, как фишки в игорном доме, а не воровали зазевавшихся банкиров.

Напоследок одна смешная деталь. До того как принять МВД, Михаил Ткаченко занимал в Центральной раде должность, носившую название «министр справедливости и финансов». Неизвестно, как у него полу-

чалось со справедливостью, а с финансами явно было худо. Вот и подался бедняга в ведомство внутренних дел улучшать собственное благосостояние. Символично и то, что, начиная с премьер-министра Голубовича, у глав украинского правительства частенько нелегкая судьба – то им в Израиль приходится бежать, то в США с панамским паспортом. Думаю, это от того, что стыдливые отечественные историки скрывают от наших же премьеров финал самого первого из них. А потому предлагаю, чтобы в момент утверждения очередного нового Кабмина президент на всю страну напоминал его главе: «Помни о судьбе Голубовича!»

Преступление профессора Грушевского

Киевский генерал-губернатор Драгомиров слыл большим украинофилом. Именно его в виде атамана Сирко изобразил Репин на знаменитой картине «Запорожцы».

Управляя по повелению Александра III Малороссией, генерал предпочитал выпивать в компании композитора Лысенко и профессора истории Антоновича, закусывая пампушками и наслаждаясь порядком в трех вверенных ему губерниях. Особенности этой «административной системы» предопределили взгляд талантливой выпивохи на прошлое края. «Украинские только галушки, борщ и варенуха, – получал он, – остальное выдумала Австрия!» Светочи украинской культуры согласно кивали головами и подсовывали генералу очередной номер «Киевской старины».

В конце XIX века этой формулы вполне хватало. Будущий «гетман всея Украины» Павел Скоропадский делал первые шаги карьеры в Петербурге в качестве корнета Кавалергардского полка. Будущего «головного атамана» Симона Петлюру еще даже не выгнали из семинарии. А будущий «перший президент» Михаил

Грушевский едва успел защитить магистерскую диссертацию.

Однако именно он почувствовал «политический заказ» на сочинение фантастической истории Украины. Пока Драгомиров ел в Киеве пампушки, старая алчная Вена вынашивала планы передела Европы. Австрийцы были очень не против оттяпать у Российской империи Украину, посадив на ее новосозданный престол одного из подросших юных Габсбургов. В свою очередь и Россия мечтала вышибить из славянской Чехии австрийцев, отдав это королевство кому-нибудь из династии Романовых – благо великих князей в этом августейшем выводе хватало. Большие хищники потирали лапы в предвкушении вкусных призов, а двадцативосьмилетний магистр истории Грушевский понимал, что дальнейшая научная карьера его в Российской империи – более чем предсказуема.

Специалистов обосновывать необходимость воссоединения славянских земель под скипетром Романовых хватало и без него. Москва и Петербург кишели ими. Обогнать популярнейшего Ключевского – еще живого и деятельного, назначенного императорским указом председателем Общества истории и древностей российских, не хватило бы никаких сил. Ключевский был Моцартом истории – не только ученым, но и блестящим стилистом. А кроме того – лю-

бимцем аудитории, учителем наследника престола, петербургской «звездой». «Главные биографические факты – книги, – говорил он, – важнейшие события – мысли». Конкурировать с ним мог только истинный талант.

Зато в Австрии чувствовался явный недостаток в амбициозных интерпретаторах загадочных исторических явлений, за труды которых богатая империя Габсбургов готова была расплачиваться чистым золотом. В начале 1891 года профессор Антонович (тот самый, что подливал варенуху генералу Драгомирову) вернулся из подвластной австрийцам Галиции и привез сенсационную новость – во Львове планируют открыть императорско-королевскую кафедру истории Украины. Отправляться туда лично старый хитрец не захотел. Менять Киев на Львов и сейчас найдется немного охотников. А тогда на переезд из стремительно развивающейся «матери городов русских» в маленькое провинциальное местечко, славное разве что кофейными заведениями, мог отважиться только такой авантюрист поневоле, как Грушевский.

И он отважился. Его благословили. Шлепнули, как водится, по плечу. Наверное, даже всплакнули на прощание. И вскоре из Львова одно за другим посыпались научные «открытия». Российский подданный Грушевский неожиданно открыл «украинские племе-

на» и «украинских князей». Причем открыл в те времена, когда ни украинцев, ни русских, ни даже австрийцев еще и на свете не существовало.

Тут следует сделать маленькое отступление. Славы можно достичь разными способами. Например, стать виртуозным художником и превзойти Рембрандта в искусстве светотени. А можно объявить традиционную живопись отсталым искусством и собственноручно вознести на пьедестал себя и намалеванный в припадке наглости красный, черный или желтый квадрат.

В обычном театре свистеть по адресу бездарных актеров могла только публика. Но в «новаторском» почему бы не освистать зрителя самой труппе во главе с режиссером-вандалом, безнаказанно издевающимся над классической пьесой? Передовица в утренней газете обеспечена! Вне всякого сомнения войдет в историю композитор, первым догадавшийся разрушить гармонию, архитектор, взрывающий дома, вместо того, чтобы их строить, и юрист, доказывающий преимущества самосуда, – словом, любой нарушитель закона.

На излете XIX столетия именно такие субъекты определяют стиль нарождающейся эпохи. «Я так вижу», «Я так слышу», «Не мешайте мне самовыражаться» – отныне принципы большого времени. Сло-

ва отделяются от значений. Кривую линию можно объявить прямой. Доктор Фрейд собирает обильную жатву, копаясь в мозгах своих пациентов, а магистру Грушевскому приходит в голову революционная мысль: если история наука о фактах, то почему бы не плюнуть именно на факт?

Честно говоря, ничего другого ему и не оставалось. Ибо если можно взять отсутствие таланта за эталон, то будущее «светило» украинской науки – выдающаяся бездарность! «Мыслей в голове нет, писать нечего, туман в голове какой-то, – признается гимназист шестого класса Мишенька Грушевский в своем дневнике и делает вывод. – Закрою-ка я лучше тетрадку»...

Увы, не закрыл!

Юношеский дневник этого честолюбца – вообще прекомичнейший документ! Страница по-русски, наполненная самым обычным нытьем подростка, жалуящегося на гимназическую скуку: «Что делать, проклятая казенщина заедает»... Саморазоблачительные признания о своем внутреннем мире: «Животные инстинкты совершенно господствуют над духовной деятельностью». Тут же развязное откровение на суржике: «Словесність мужицька часом лучче над іскусственну». А вслед за ней такой же малограмотный упрек классику: «Вже на що майстер були пан Гоголь, але ж іго оповідання з біту українського не тее

Щось»...

Спрашивается: разве молодому человеку знаком этот быт? Ведь он не только не знает по своему общественному положению сына государственного чиновника жизни украинского крестьянина, но даже не владеет его наречием, в чем сам абзацем ниже откровенно признается: «Перечел я вчера свое писанье – плохо владею я языком – многих слов не знаю, выразить не могу мыслей имеющихся у меня запасом. Но что делать – необходимо, насколько можно, упражняться в языке. Уже и так громадный вред мне принесло то обстоятельство, что детство я провел на Кавказе, вдали от родины, среди инородцев». Но в этом весь Грушевский. Малоросса видел в основном в учебнике по географии, но глубоко убежден, что рассказы Гоголя – «не теє щось». Сам бы написал лучше. Да вот беда! Не знает «малороссийского языка». Вывод: «Меж тем знать язык малороссийский я должен, при невозможности изучать его не практике довольствоваться теми немногими способами, которые находятся в моем распоряжении – чтением малороссийских книг, изложением на малороссийском языке и проч.».

Фактологическая строгость тем не менее вынуждает нас признать – украинскому языку Михаил Сергеевич так и не научится. До конца жизни русским он будет владеть куда более свободно. Любая бумажка,

написанная им на «великом и могучем», вполне удобочитаемая. Конечно, не Пушкин. Но нигде – ни в полиции, ни в университете на непонимание Грушевского не жаловались.

Украинские же «перлы» академика звучат как наглая издевка над «солов'їною мовою». Читая Грушевского, и не поверишь, что она вторая по благозвучности после итальянской. Просто терновые «заросли» какие-то: «Ось от того, про мене, ми до Москви у неволю попали, що вискочив з неволі лясської, до Москви почали присикуватись, а якби пан Зіновій (це вже тут він й не дуже винен) перше улагодивсь гарненько у себе дома, добре Україну арештував (?), то й не було б цього нічого»...

Белиберда какая-то! «Добре Україну арештував» – это что значит? Арестовал? Но как можно арестовать целую страну? И кого, извольте спросить, назначить ее охранять, чтобы не сбежала? Ногайских татар?

Но что вы хотите от человека, честно признавшегося, что он плохо владеет украинским языком! Попробуйте-ка сами написать историю папуасов, не зная папуасского. Не получается? То-то и оно... А Грушевский, толком не зная украинского, «Историю Украины-Руси» все-таки написал. Что из этого вышло – другой вопрос. Бывший заместитель Михаила Сергеевича по Центральной раде Сергей Ефремов, знавший

украинский язык в совершенстве, к примеру, просто за голову хватался, жалуясь на «безмежну нудоту, яка охоплює, коли читаєш його праці. Фактів навергало силу силенну, а серед них жодної Аріадниної нитки... До того ж розволіклість, переживування десятками разів (буквально!) одного і того самого».

Бедный Ефремов! Мы-то, почитав, страницу, можем отложить труды Грушевского оптом, чтобы перевести дух. А он вынужден был штудировать том за томом, силясь постичь загадку интеллекта своего шефа. А попадаетеся там такое... Главное дочитать, выковырять, как говорится, «изюминку». «Голова, – пишет об антропологическом типе украинцев Михаил Сергеевич, – і абсолютно, і в відносинах до зросту – невелика (теж і внутрішність черепа), чоло і ніс теж, нижня третина лица має в порівнянні більші розміри. Іноді помічаються досить високі, випуклі щоки і широкий відступ межи очима, трохи низьке перенісся...» (Грушевський М. Історія України-Руси, т. I, с 559).

Оставим на совести автора портрет этого щекастого малоголового субъекта, судя по всему предназначенного природой исключительно для пережевывания пищи. Лично я не верю, что мои соотечественники такие. Конечно, в семье не без урода. Но неужели это наш «физический тип»? И даже если так, зачем было объяснять, что при небольшой голове невелика и

внутренность черепа?

Неужели не ясно, что мозг никак не может быть больше черепной коробки? Даже у академика!

Создается впечатление, что, открыв «украинские племена», Грушевский при случае не забывал над ними издеваться. Иногда даже своих современников он принимал за нечто вроде этих племен. Так, скажем, в написанной «по мотивам» «Истории Украины-Руси» упрощенной «Иллюстрированной истории Украины» под номером 21-м размещена карта, названная «Наш край около 500 года до Р. Х.» На ней вдоль правого берега Днепра Грушевский поместил племя «андрофагов». В принципе безобидная шутка. В отличие от академика, окончившего со скрипом классическую гимназию, большинство украинцев тогда не имели возможности проштудировать курс древнегреческого. Название «андрофаги» им ничего не говорило. Так, непонятное научное слово. Между тем на языке соотечественников Гомера оно означает: «людоеды». Как после этого прикажете понимать фразу академика из той же «Иллюстрированной истории»: «Можно думать, что упоминаемые Геродотом племена нервов и андрофагов – это славянские племена...» Получается, славяне и людоеды – одно и то же?

«Иллюстрированная история» предназначалась широким массам. Так не издевался ли он, попросту

говоря, над ними? Над их неспособностью понять, что означают эти «андрофаги» на самом деле? Можно такое предположить? А почему бы и нет! «Лукавий, хитрый був дідок», – скажет о Михаиле Грушевском украинский поэт Александр Олесь. И будет прав.

Ведь в мемуарах «дідка» в числе прочих есть и такая фраза: «Прийняв парад, привітав се людське стадо, послане на заріз, поцілував ікону – полкову святиню, котру мені показали».

Ясное дело, что для масона Грушевского (масонство свое он не скрывал) икона – никакая не святиня. В лучшем случае – суеверие. Но почему бы и не поцеловать, если «стадо» верит в нее? «А що я міг зробити?», – оправдывается Грушевский. Действительно, что? Неужели отойти в сторону, когда власть сама буквально прет в руки?

Но до этого, до фантастического помешательства 1917-го года еще далеко. А пока молодой циничный бородач всего лишь открывает свои «племена». И это был действительно выдающийся, говоря современным языком, пиар-ход!

Впрочем, открыл их Грушевский просто – с помощью обычного переименования. В VI веке нашей эры готский историк Йордан упомянул, что между Днестром и Днепром живут племена антов. Другой историк того же времени – византиец Прокопий Кессарий-

ский добавил, что анты и славяне – один и тот же народ с «простым и варварским языком» – «не отличаются они друг от друга и внешним видом». Этих-то «антов» свежее испеченный завкафедрой и объявил «украинским населением», которое, по его словам, иностранцы хвалили «за искренность и приветливость». Что это была за «приветливость», можно судить, если почитать не Грушевского, а действительно современных антам очевидцев. Тот же Прокопий Кесарийский пишет: «Иллирик и всю Фракию, включая и Элладу, гунны, склавины и анты разоряли, совершая набеги каждый год, и творили страшное зло тамошним людям. Думаю, при каждом вторжении оказалось больше, чем 200 000 погубленных и захваченных там в рабство ромеев. Действительно, скифская пустыня наступила в той земле...» Иоанн же Эфесский в «Церковной истории» попросту назвал их «проклятым народом», который «опустошает, сжигает и грабит страну».

Естественно, анты ничего не могли ответить Грушевскому, так как давно исчезли со света. А то бы раздели кабинетного теоретика догола по своему варварскому обычаю и утащили в леса волочить по полю борону-суковатку или пасти свиней. Не могли ответить и новооткрытые «украинские князья» Олег, Игорь и Рюрик – основатели Руси, по происхождению не являв-

шиеся даже славянами. Автор «Повести временных лет» уверенно называл их варягами – то есть норманнами, викингами. Грушевскому, через тысячу лет вопрос виделся совсем иначе, а потом он попросту заявил, что в это «нелегко поверить», никак не аргументируя свои выводы.

Странно, отчего такое недоверие поразило молодого профессора? Ведь в то самое время, когда варяг Олег захватил Киев, его соплеменники основывали свои государства по всей Европе – вплоть до Италии и Британии. Молитва «Избави Боже нас от норманнов», считалась самым популярным публицистическим произведением, а отдельные, наиболее шустрые из этих северных проходимцев, умудрились добраться даже до Америки. На фоне таких подвигов основание какой-то там Руси – так, мелочь... Частная подробность, малозаметной деталью вписывающаяся в общую картину эпохи. Но беда Рюриковичей была в том, что они приходились дальними родственниками успешно правивших в России во времена Грушевского Романовых. А потому их репутацию следовало максимально подмочить – объявить небылицей, выдумкой, посмешищем, «украинскими князьями». Если бы было нужно, Грушевский обозвал бы их даже зулусами готтентотами. Но этого пока не требовалось. Скандал и без того получился замечатель-

ный. Ученый Петербург взвыл от этой наглости. «Императорско-королевский профессор» Львовского университета справедливо рассудил, что чем нахальнее будет выдумка, тем скорее ее заметят. Втайне он, наверное, считал дураками и Петербург, и Вену, и Габсбургов, и Романовых, геополитические амбиции которых позволяли ему так успешно наживаться за счет своей шутовской истории. Продавая байки об «украинских племенах», хитрый бородач строил вполне реальный гигантский дом в Киеве на улице Паньковской буквально в двух шагах от вокзала и отнюдь не собирался расставаться с русским паспортом. Но даже он не мог предположить, что из всего этого выйдет. Будучи пешкой на гигантской политической доске Европы, Грушевский казался в своих глазах значительной фигурой. Он так лихо двигал Рюриками и Олегами на бумажных страницах, что даже не заметил, как история движет им самим. И если бы кто-то ему сказал, что Первая мировая война, которую и он с завязанными глазами посильно готовит, не ведая, что творит, все-таки начнется, что ни Австро-Венгерской, ни Российской империи скоро не будет на карте, что некуда будет приходить за жалованьем, что большевистский снаряд снесет собственный киевский профессора Грушевского дом, что продолжатели исторических фантазий автора «Истории Украины-Руси» доведут их

до абсурда, приписав «древним украм» все, вплоть до создания египетских пирамид, он попросту рассмеялся бы в своей обычной отстраненной от реальности манере.

Люди, подобные Грушевскому, всегда возводят историю своей нации в культ, лстя генеалогическим инстинктам беспородной толпы.

Вся историческая концепция его сводилась в сущности к трем голословным утверждениям – украинцы под именем антов существовали еще в VI веке нашей эры. Варяжского пришествия в Киев не было. В старину украинцы назывались «русинами», а Украина – Русью, но во времена политического упадка это имя «було присвоєне великоросійським народом».

Так и видится хитрый москаль с балалайкой, подкрадывающийся к дремлющему «в упадке» хохлу, чтобы присвоить его имя. Хохол храпит, смачно втягивает ноздрями тягучий малороссийский воздух, растекающийся над ставками и левадами. Кацап трясет козлиной бороденкой, запускает в мотню бездонных «русинских» шаровар грязную вороватую лапу и, выхватив паспорт с графой «национальность», бросается по направлению к Брянским лесам. «Рятуйте! – кричит проснувшийся «безбатченко». – У мене ім'я вкрали!» А с неба падает громовой сатанинский хохот: «Ти не русин вже, дурню! Ти тепер – українець!» И ка-

раси в ставках – прыг, прыг... Жуткая картина!

Примерно так все должно выглядеть, по Грушевскому. А как было на самом деле? Давайте откроем любую западноевропейскую карту XVI—XVII веков. На них Московия, вопреки Грушевскому, именуется Русью! Иногда будет еще и добавлено: «Руссия – в просторечии Московия» (RUSSIE. Vulgo Moskovia). Никто, оказывается, ничего не крал. Недавно в архивационалистическом Львове переиздали целый том таких карт – почему-то под названием «Украина на старинных картах». Но именно Украины там и нет! Везде Русь! Есть только на одной какая-то Окраина – под Рязанью...

За триста лет до Грушевского это хорошо понимали. Путешественники с запада описывали огромную страну от Карпатских гор до Волги и Северного моря и всю ее называли именно Русью! Указывали, что в прошлом ею владел один князь из Рюрикова дома. Но потом страна распалась, пришли татары, литовцы, поляки. Ездил в начале XVI века послом в Москву от германского императора Сигизмунд Герберштейн, оставил о своем путешествии интереснейшие записки. «Руссией владеет ныне три государя, – пишет он, – большая ее часть принадлежит великому князю московскому, вторым является великий князь литовский, третьим – король польский...»

Так что убежденность нынешних украинских идеологов в том, что до Петра I Россия называлась только Московией, а великий вор-преобразователь взял ее да и переименовал – ничем не подтверждается. И Украина, и Белоруссия, и Московия – все было Русью. Скорее уж украинцы сами отказались от своего древнего имени, чем кто-то его «присвоил».

Не было и не могло быть в VI веке никаких «украинских» племен, как сочинял на австрийские деньги Михаил Сергеевич. За хорошее жалованье многое можно, конечно, понапридумывать. Да «брехней свет пройдет, а назад не вернется» – говорит украинская поговорка. Доктор Грушевский это хорошо понимал. Иногда даже начинал оговариваться, отрицая то, что измыслил страницей раньше. «Украинские племена, или точнее говоря – юго-восточные славянские племена, из которых образовался теперешний украинский народ, – уточняет он в «Иллюстрированной истории Украины» для русскоязычных читателей. Мол, не понимайте меня буквально – я же так, придуриваюсь только. Хорошо понимаю, что украинцам в VI веке взяться неоткуда! Тогда и Руси-то еще не было!

За что так ненавидел Грушевский варягов, отчего так люто отрицал северное скандинавское происхождение киевской династии Рюриковичей – другой вопрос. Тут, скорее всего, сказалась природная зависть.

Аристократом, дворянином, хоть и писал так о своем происхождении в советских анкетах, Михаил Сергеевич себя не чувствовал. Дворянство его было новое, выслуженное отцом. Предки Грушевского по фамилии Груша – все, как на подбор, дьячки и паламари из-под Чигирина. В сельской иерархии эти должности считались несерьезными, «теплыми». Кровь этих паламарей и пересилит в будущем идеологе любое дворянство. Что такое кодекс дворянской чести, Грушевский вообще не понимал. Скорее, даже считал его опасной штукой – будешь придерживаться, того и гляди голову снесут.

Аристократов он недолюбливал, как и империю. А на строчке из летописи о пришествии варягов, сколотивших из разномастных «племен» первую славянскую супердержаву, империя-то и держалась! То, что Русь IX—X веков именно как викингов описывает и «Повесть временных лет», и современники-арабы, и византийцы, Грушевского мало интересовало. Подтвержденная фактами «варяжская история» вызывала у него что-то вроде детской истерики – не хочу верить – и все тут! Факты не вписываются в мои фантазии? Тем хуже для фактов! О типе таких людей, как Михаил Сергеевич, в тех же украинских селах грубо, но невероятно точно говорят: «Ти йому хоч сци межи очі, а він все – божа роса!»

Из-за этой-то божьей «росы», ударившей в голову, Грушевский и отбрасывает все, что ему не нравится. «Летописец рассказывал наугад, многого не зная, – бухтит он. – Трудно верить его уверениям, что имя русское было принесено в Киев варяжскими дружинами из Новгорода...» Но почему мы должны верить Грушевскому, а не летописцу? Михаил Сергеевич разве в IX веке жил? Разве он знает больше летописца? Ему что, из львовского кабинета в каком-то там 1900-м году виднее?

Да полноте, господа! Конечно же, нет!

В конце концов Бог с ними, с историческими теориями. Лучше всего человека характеризуют не отвлеченные мудрствования, а поступки. Послушаешь много оригинала – проповедует невесть что, чуть ли не людоедство. А на самом деле – добрейшая душа. По глазам видно. Сам своих идей боится. И придумал «теорийку» исключительно из страха – чтобы окружающие «людоеды» не набросились. А другой всю жизнь продает вегетарианские идейки, а дома тайком человечинку кушает – в переносном смысле, естественно.

Всю жизнь Грушевский мечтал стать памятником. Или хотя бы бронзовым бюстом. Мирская слава видилась ему в образе своих бесчисленных бородатых истуканов, растыканных по всей Украине. Отчасти этот

план удалось осуществить.

Задолго до Первой мировой войны, в 1904 году, группа подхалимов, всегда окружавших профессора-фантаста, предложила установить во Львовском научном обществе им. Шевченко «погруддя» Грушевского – в ознаменование десятилетия научной деятельности «корифея» в Галичине. «Корифей» был еще относительно молод. Ему только исполнилось тридцать восемь лет. Но к тому времени он уже так «забронзовел», что с радостью согласился стать бюстом.

Возможно, он с удовольствием превратился бы еще и в пароход. Но, увы, во Львове это физически невозможно. Даже сейчас. Тот, кто бывал в этом городе и видел львовскую речку Полтву, загнанную в канализацию, знает: увековечиться в виде плавающего средства в старинной столице Галичины – мало радости.

А бронзовый истукан Грушевского с соответствующими церемониями все-таки установили – прямо на месте работы его живого прототипа. До 1914 года «корифей» ходил на службу мимо своего металлического двойника. Что он при этом чувствовал, сложно сказать. Наверное, что-нибудь очень приятное. Но в 1914 году неожиданно грянула Первая мировая война. Львов взяла русская армия. И бронзовая игруш-

ка великовозрастного ребенка с дипломом доктора наук исчезла в неизвестном направлении. Казаки ли ее сдали в металлолом, зарыли ли как священную реликвию сами «грушевьянцы», спасая от «орд диких москалей», – история умалчивает. Остался только гипсовый макет, хранящийся до сих пор во львовском Национальном музее под инвентарным номером 34713.

К войне Грушевский оказался совершенно не готов. Еще меньше, чем вечно не готовая к любой войне Российская империя, паспорт которой все-таки лежал у предприимчивого историка в нагрудном кармане. То, что близящегося катаклизма любитель собственных бюстов не предвидел, доказывает следующее. Всю жизнь Грушевский вкладывал выцыганенные под национальную идею капиталы в недвижимость. Но свою собственную международную «империю хатынок» он выстраивал так, что в случае военного конфликта России и Австрии она рушилась с первого щелчка – перегораживалась пополам не просто пограничным шлагбаумом, а линией фронта.

К 1914 году Михаил Сергеевич, кроме недописанной «Истории Украины-Руси», обладал на территории Австро-Венгрии усадьбой в закарпатской Криворовне, виллой во Львове на Понинского, 6, а в России – огромным доходным домом в Киеве на углу

улиц Паньковской и Никольско-Ботанической. Во дворе этой шестиэтажной громадины находился еще и двухэтажный «флигелек» размером с вполне приличный особняк. Естественно, он тоже принадлежал оборотистому «историку».

Никакого профессорского жалованья не хватило бы на строительство всех этих архитектурных объектов. Тем более, что киевскую «штаб-квартиру» проектировал ни кто иной, как Василий Кричевский – один из самых дорогих архитекторов начала XX века, работавших в стиле «украинского модерна». Возвели ее рекордными темпами – всего за два года, почти перед самой войной – в разгар киевского строительного бума. Всем, кто интересовался источниками вложений, беспрецедентных для скромного «науковца», Грушевский радостно объяснял, что получил... наследство от папеньки.

Война разрешила сомнительное «наследство» на куски. Между «хатынками» пролегли траншеи, населенные вшивым воинством в защитном обмундировании, а Грушевский в результате цепи непредсказуемых приключений оказался сначала в «ссылке» (в Москве!), потом в кресле председателя Центральной рады – в Киеве и, наконец, снова в Австрии – в Вене, откуда неожиданно запросился домой, в окрасившуюся красным цветом советскую Украину.

К тому времени сам черт не собрал бы в кучу разбросанные по миру профессорские «виллы». Карта Европы неузнаваемо перекроилась. На ней, как грибы, повыврастали национальные государства размером с почтовую марку. И на каждой из этих «марок» находилось теперь по домику Грушевского. Усадьба в Криворовне – в выскочившей невесте откуда Чехо-Словакии. Львовский домишко – в возродившейся панской Польше. А киевская громадина – так вообще сгорела! Приехала в 1918 году толпа пьяных матросов на бронепоезде, увидела торчащий у вокзала буржуйский «небоскреб», гахнула со зла из пушки и – прощайте денежки! Горело так, что весь Киев запомнил! «Ярким костром пылал дом председателя Рады М. С. Грушевского», – вспоминал уже в двадцатые годы в Берлине бывший журналист бывшей «Киевской мысли» С. Сумской.

Но именно на это пепелище и потянуло потрепанного реальной историей доктора исторических наук!

Удивительный факт: в выпущенной в 20-е годы в подконтрольном полякам Львове «Украинской энциклопедии» отсутствует статья о Грушевском. Как ни посмотри, это более чем странно. В том же издании имеется масса справок о любой «букашке», отметившейся так или иначе в «національно-визвольних змаганнях». Имена большинства из них ничего не говорят со-

временному читателю. Даже таких крупных «жуков», как генерал Греков – военный министр УНР. Или Вильгельм Тренер – начальник штаба германских войск на Украине в 1918 году, «спричинник гетьманского перевороту». А вот Михаил Сергеевич отсутствует! Почему? Да потому, что издатели энциклопедии – украинские националисты – искренне и на полных основаниях считали его предателем.

Грушевский запросился в советскую Украину, когда еще не успела окончиться гражданская война. Причем в таких выражениях, которые для бывшего «батька нації» иначе как позором не назовешь. Летом 1920 года он направляет в ЦК КП(б)У письмо, в котором признает заслуги большевиков в борьбе с капитализмом и уверяет, что осознал, как и другие украинские эсеры, ошибочность стремлений изолировать Украину от всеобщего развития «шляхом будь-яких політичних комбінацій». Он даже подчеркивает, что отказался от поддержки националистов и принял принципы III Интернационала!

В письме к предсовнаркома УССР Раковскому экс-председатель Центральной рады выразился еще уничижительнее: «ми були готові переступити через трупи наших партійних товаришів, що безвинно погинули від червоних куль... Були готові працювати під вашим проводом...»

Комментировать такое трудно. Погибшие под Крутами студенты, вдохновлявшиеся некогда экстравагантными историческими сказками профессора, оказались для него в конце концов всего лишь «трупам», через которые можно переступить во имя очередной личной выгоды. Но большевики оценили этот шаг! Если труп врага всегда хорошо пахнет, то генерал вражеской армии, разгуливающий по трупам своих, всегда хорошо выглядит. Грушевский был именно таким «генералом». И даже больше, чем генералом! Главой поверженной страны!

Почему бы и не сделать шагок навстречу раскаявшемуся националисту. И большевики шагнули.

Впрочем, каждая сторона преследовала свои цели. Растерявший свои домики Грушевский хотел вырваться из Австрии, из великой державы превратившейся в крошечную центральноевропейскую страну и утратившей к профессору всякий интерес. А власть советской Украины планировала расколоть украинскую эмиграцию, используя авторитет бывшего «батька нації». Для этого она мастерски сыграла на тщеславии Михаила Сергеевича, намекнув, что будет способствовать выдвижению его кандидатуры на пост президента Всеукраинской академии наук.

Однажды Грушевскому уже удалось сыграть на клавишах мировой политики. В 1894 году, спекулируя на

русско-австрийских противоречиях, он выбил себе кафедру во Львове. Новая игра казалась повторением пройденного. Но на сей раз профессор совершенно не понимал, с кем сел играть. Перед ним сидели не либеральные австрийцы и русские довоенных времен, а настоящие звери – наглые, жестокие, кровавые – подлинные демоны во плоти, вылупившиеся на развалинах поверженных империй.

Зато вчерашние соратники Грушевского оказались пронизательнее. Кульбит профессора, ищущего вновь теплого места с постоянным жалованьем, вызвал у них взрыв отчаяния. «Политической смертью» назвал последний ход Грушевского бывший министр УНР Никита Шаповал в одноименной статье, опубликованной 18 марта 1924 года. «Грушевський, Шраги, Христюки, Чечелі, Мазуренки, Ніковські спокійненько пішли на службу найлютішому ворогові, пішли ганебно, без жодних уступок з його боку... Сміновіховство і злобна протиукраїнська концепція, а хто стає на її ґрунт – тому нема надій на признання українського народу. Гідність першого громадянина Самостійної Вільної України Грушевський прийняв як титул сміновіховця – цим і викреслив він себе з числа борців за Україну. Обернувся в політичного трупа, повз котрого йдучи, українці повинні затуляти носа».

Но расплата уже поджидала «сменовеховца» за по-

граничним столбом...

После возвращения в Украину Михаила Грушевского зачислили в ВУАН на должность завкафедрой украинской истории. Первым его шагом после возобновления научной деятельности стало назначение на эту же кафедру дочери и племянника. Вторым – погружение в привычную суету околонаучных интриг. Среди украинских ученых, не очень довольных возвращением Грушевского, были видные историки Агатангел Крымский и Сергей Ефремов. В сообщении агента ГПУ, следящего за академиком, сразу появилась красноречивая фраза о «подшефном»: «Начал вести борьбу с группой Крымского и Ефремова...»

Скучно перечислять перипетии этой последней научной «битвы». Они ничтожны – бесконечные жалобы академика большевистскому правительству в Харьков, споры о том, кто больше получает денег, завистливая возня, как и с каким пафосом следует отпраздновать 40-летие научной деятельности бывшего председателя Центральной рады. В один из осенних дней 1926 года Сергей Ефремов, окончательно добитый счастьем общения с «великим человеком», не удержался и записал в дневнике: «Кубло гаддя якесь завелося. Клоака смердюча, що отруює круг себе повітря. І цей чоловік запахуючий заявив на своєму ювілеї, що не вважає свою діяльність закінченою.

Він сподівається ще вирнути на поверх за нових обставин».

Но вскоре эта мелкая мышинная возня потеряет всякий смысл. Крылатая фраза Остапа Бендера: «Куда вы? ГПУ само за вами придет» обретет смысл и в жизненной фабуле нашего героя.

Весной 1931 года доблестные чекисты выдают нагора дело об очередной «контрреволюционной организации» – Украинском национальном центре. Двадцать третьего марта Грушевского арестовывают в Москве и перевозят в Харьков – тогдашнюю столицу советской Украины. А уже через пять дней он сознается в том, что тоже принадлежал к центру. Третьего апреля арестованного допрашивает Всеволод Балицкий – глава ГПУ УССР, и в тот же день академика отправляют назад в Москву, к Агранову – начальнику Секретно-политического отдела ОГПУ СССР. И тут Грушевский неожиданно меняет свои показания, отвергая существование и самого УНЦ, и свое участие в нем.

Агранов – кстати, приятель поэта Маяковского, интересуется, что заставило академика оговорить себя? И получает следующий ответ: «Мені важко говорити про це. Я не належу до породи героїв і не витримав 9-годинного нічного допиту. Я стара людина, сили мої давно підірвані. До тюрми я був кинутий у грипозному стані. Я не витримав різкого натиску слідчих. Нія-

кого фізичного впливу на мене не застосовувалося. Але мені був пред'явлений цілий ряд томів, де майже на кожній сторінці фігурувало моє прізвище. Мене переконували в тому, що я, як ідейний вождь свого руху, повинен взяти на себе відповідальність за контрреволюційну діяльність організації в цілому і дії окремих її керівників, а також підтвердити дані ними свідчення, що, безумовно, приведе до пом'якшення участі всіх притягнутих у цій справі осіб. У стані певної безвихідності і відчаю я погодився підтвердити свідчення Мазуренка, Чечеля, Гр. Коссака та інших».

Полсотни человек по делу УНЦ засудили в закрытом порядке – в том числе и Ефремова. Старого интригана среди них не было – его использовали, как липучку, чтобы поймать мух, и оставили жить дальше. И он даже удостоился некролога в «Правде» 27 ноября 1934 года, в котором сказано, что «Грушевский безоговорочно признал советское правительство».

В общем это правда. Остается один вопрос: чему может научить современную Украину этот бородатый тролль, «не принадлежащий к породе героев»? Умению смело перешагивать через трупы?

И все же самым названием «Истории Украины-Руси» он заложил мину под свою шаткую конструкцию. Ибо любой, вчитаясь в него, поймет, что Русь – это нечто большее, чем Украина или Россия. Это то, с че-

го все начиналось и чем закончится, — то, что объединяет всех нас.

*Киев-Венеция-Варшава-Киев,
2001-2005 гг.*